

Эдуардо Лабарка Годдард

ЧИЛИ,
РАСКАЛЕННОЕ
ДОКРАСНА

EDUARDO LABARCA GODDARD

CHILE
AL ROJO

SANTIAGO DE CHILE • 1971

Эдуардо Лабарка Годдард

ЧИЛИ, РАСКАЛЕННОЕ ДОКРАСНА

Перевод с испанского
В. Г. ТКАЧЕНКО

Вступительная статья
И. Е. РЫБАЛКИНА

Издательство «Прогресс»
Москва
1 9 7 3

Оглавление

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ .	5
<i>Глава нулевая</i>	
ПОСЛЕ 70-ГО ГОДА...	21
<i>Глава первая</i>	
ДЕЛО ШНЕЙДЕРА	33
<i>Глава вторая</i>	
ПЕРЕД 70-М ГОДОМ	84
<i>Глава третья</i>	
НАРОДНОЕ ЕДИНСТВО .	127
<i>Глава четвертая</i>	
НАСИЛИЕ И ТЕРРОР	180
<i>Глава пятая</i>	
НА ПОСЛЕДНЕЙ ПРЯМОЙ	223

Вступительная статья

3 ноября 1970 года к власти в Чили пришло правительство коалиции Народного единства — блока левых партий, кандидат которого социалист Сальвадор Альенде одержал победу на состоявшихся за два месяца до этого президентских выборах. Возглавляемое С. Альенде правительство приступило к осуществлению программы коренных антиимпериалистических и антиолигархических преобразований. Это знаменовало начало качественно нового этапа в развитии революционной освободительной борьбы чилийского народа.

Подчеркивая значимость происходящих в Чили перемен, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза сказал, что в этой южноамериканской стране «впервые за всю историю континента народ конституционным путем добился создания такого правительства, которого он хочет и которому доверяет»¹.

«Чилийский эксперимент», как часто называют образование конституционным путем подлинно народного правительства и осуществляемые им в легальных рамках революционные преобразования, вызывает закономерный интерес во всем мире. В зависимости от классовых пози-

---

¹ Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 23.

ций отношение к происходящим в Чили переменам, естественно, неодинаковое. Реакционеры следят за ними со злобой, революционеры и трудящиеся других стран — с чувством солидарности, симпатией и надеждой.

Предлагаемая вниманию советского читателя книга Эдуардо Лабарки Годдарда «Чили, раскаленное докрасна» рассказывает о том, как стала возможной победа, одержанная чилийским народом. Автор книги — политический обозреватель газеты Коммунистической партии Чили «Сигло». В 1968 году им была написана книга «Вторжение в Чили», также переведенная на русский язык, посвященная разоблачению подрывной деятельности империалистических кругов США в Чили.

В новой книге Э. Лабарка сосредоточивает внимание на событиях сентября — октября 1970 года, когда самые реакционные силы после победы С. Альенде на президентских выборах всячески стремились помешать приходу к власти народного правительства, пошли ради этого на организацию заговора с целью подготовить и осуществить государственный переворот. Стреляя в главнокомандующего чилийской армией генерала Шнейдера, заговорщики метили в кандидата коалиции Народного единства, рассчитывали не допустить его вступления в должность президента.

Как утверждал позднее один из организаторов убийства Шнейдера генерал Вио, правительство тогдашнего президента христианского демократа Фрея было в курсе его замыслов и одобряло намерения заговорщиков¹. Есть и другие свидетельства причастности Фрея к попыткам противозаконным путем воспрепятствовать приходу С. Альенде к власти. Согласно данным, опубликованным французским ежемесячником «Монд дипломатик», Фрей, видя неизбежность победы Альенде, предложил Шнейдеру осуществить государственный переворот, будто бы «чтобы помешать захвату власти коммунистами». На это командующий вооруженными силами ответил: «Сами совершайте переворот, а меня об этом не просите. Я уважаю конституцию». По сведениям того же источника, еще раньше, в ходе избирательной кампании, Фрей добивался от главы католической церкви в Чили кардинала Сильвы Энрикеса включения в обра-

---

¹ «L'Unità», 5 de julio de 1971.

щение к верующим «крайне резкого выражения о политической и философской несовместимости марксистов и христиан». Кардинал отказался пойти на это¹.

Ставшие известными недавно секретные документы американской компании «Интернэшнл телефон энд телеграф», орудовавшей в Чили, показывают, что ЦРУ и госдепартамент США также были причастны к заговору против кандидата коалиции Народного единства².

Вывод, который вытекает из приведенных и анализируемых автором книги фактов, таков: создание народного правительства в Чили не было автоматическим результатом победы С. Альенде на президентских выборах, а явилось плодом борьбы народа, возглавляемого рабочим классом, против заговорщических поползновений реакции.

Да и сама победа на президентских выборах не была легким завоеванием. Чилийский народ пришел к ней через долгие годы больших и малых битв на политическом, экономическом и идеологическом фронтах, в ходе которых происходило сплочение его сил вокруг пролетариата под знаменем борьбы против господства империализма и буржуазно-помещичьей олигархии.

Более трех десятилетий прошло с тех пор, когда, также в результате победы на президентских выборах в 1938 году, в Чили пришло к власти правительство Народного фронта. За этим кажущимся повторением событий скрывается качественный скачок — завоевание рабочим классом гегемонии в широком освободительном движении. В Народном фронте руководство принадлежало национальной буржуазии. Из-за ее соглашательства, из-за отсутствия сотрудничества коммунистов и социалистов Народный фронт распался в 1941 году, а его программа не была претворена в жизнь.

Образование коалиции Народного единства, ее победа на президентских выборах 1970 года и сформирование подлинно народного правительства как бы увенчали процесс развертывания в стране с начала 50-х годов нараставшего широкого антиимпериалистического и антиолигархического движения, руководимого рабочим классом. Фундаментальное значение имело при этом достижение единства организованного рабочего движения,

---

¹ «Le Monde Diplomatique», janvier 1972, p. 8.

² Documentos secretos de la ITT, Santiago, 1972, pp. 10, 40.

превращение в реальный фактор союза пролетариата и крестьянства, установление сотрудничества между двумя основными политическими партиями рабочего класса — Коммунистической и Социалистической.

Эти сдвиги нашли выражение в создании в 1953 году Единого профсоюзного центра трудящихся Чили — боевой национальной организации рабочих и служащих, руководимой коммунистами и социалистами, а также в основании в 1956 году Фронта народного действия (ФРАП) — коалиции, в которую, помимо коммунистов и социалистов, вошел и ряд других небольших партий. ФРАП выдвинул программу коренных социально-экономических преобразований и превратился в весомую политическую силу.

Важнейший вклад в развертывание могучего движения, направленного на завоевание власти народом, внесла Коммунистическая партия Чили своими последовательными и настойчивыми усилиями по сплочению вокруг рабочего класса и под его руководством всех антиимпериалистических и антиолигархических сил. Борьба за создание народного правительства, которое приступит к осуществлению задач антиимпериалистической, антимонополистической и аграрной революции с социалистической перспективой составляла стержень деятельности чилийских коммунистов.

На основе глубокого марксистско-ленинского анализа национальной действительности, сдвигов в соотношении политических сил компартия пришла к выводу о возможности добиться в Чили создания антиимпериалистического и антиолигархического народного правительства без вооруженной борьбы, через развертывание действительно массового движения, используя, в частности, президентские выборы. При этом принималось во внимание наличие единства рабочего класса, рост его организованности и политической сознательности, наличие союза коммунистов и социалистов, коалиции левых партий в лице ФРАП, существование укоренившихся демократических традиций, приверженность конституционным нормам, выражавшаяся, в частности, в том, что армия, как правило, не вмешивалась в политическую жизнь и подчинялась гражданским властям.

Как справедливо отмечает Э. Лабарка, чилийские коммунисты не выдвигали развитие по пути невооруженной

борьбы как нечто абсолютное для Чили и не полагали, что завоевание власти в стране левыми силами сводится только к участию в выборах (см. стр. 100).

Касаясь разработки компартией вопроса о путях развития революции, Э. Лабарка говорит, что чилийские коммунисты больше связывали возможность невооруженного пути с использованием президентских, чем парламентских выборов. В связи с этим следует подчеркнуть, что в документах Московских совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 годов завоевание прочного большинства в парламенте рассматривается лишь как один из возможных элементов мирного развития, а главный упор делается на необходимость объединения большинства народа и непрерывного развертывания массовой широкой классовой борьбы рабочих, крестьянских масс и средних городских слоев¹.

XII съезд Коммунистической партии Чили (март 1962 года) отметил, что «развитие чилийского общества настоятельно требует отеснения от власти реакционных классов и прихода к власти народных сил, которые должны установить антиимпериалистическое и антиолигархическое, демократическое правительство»². Съезд констатировал, что «перед чилийским народным движением открывается реальная перспектива победы, перспектива завоевания политической власти»³.

О реальности такой перспективы свидетельствовали результаты президентских выборов 1964 года, на которых кандидат ФРАП хотя и не победил, но собрал около одного миллиона голосов (38,5 процента). Победу на выборах одержала буржуазно-реформистская Христианско-демократическая партия, выступившая под лозунгом осуществления «революции в условиях свободы».

Обстановка, сложившаяся после прихода к власти ХДП, была проанализирована XIII съездом КПЧ (октябрь 1965 года), который наметил линию на достижение единства всех народных и прогрессивных сил, как находившихся в оппозиции, так и шедших за правительством, против реакционных сил,

---

¹ См. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1964, стр. 17, 78.

² XII съезд Коммунистической партии Чили, М., 1963, стр. 133.

³ Там же, стр. 3.

поддерживавших правительство или стоявших в оппозиции.

Речь шла о расширении единства за пределы ФРАП, в частности за счет привлечения в народную коалицию сторонников коренных социально-экономических преобразований в оппозиционной Радикальной партии и в правящей Христианско-демократической партии. Ход событий подтвердил обоснованность политической линии чилийских коммунистов. В Радикальной партии возобладало левое течение. Правые элементы были изгнаны из партии, и она встала на антиимпериалистические позиции, высказавшись за единство действий с другими народными партиями. В ХДП произошел раскол. Из нее вышло и оформилось в отдельную организацию (Движение единого народного действия) влиятельное левое крыло, провозгласившее свою приверженность некапиталистическому пути развития страны. Создались условия для образования широкой антиимпериалистической и антиолигархической коалиции при ведущей роли в ней союза коммунистов и социалистов.

В книге Э. Лабарки рассказывается о том, как происходила разработка политической программы коалиции Народного единства и переговоры об общем кандидате на пост президента. Следует лишний раз подчеркнуть, что Народное единство возникло не как временный избирательный блок партий, а как политический союз левых сил, которые ставили перед собой задачу действовать сообща не только на президентских выборах 1970 года, но и последних, чтобы «со всей решимостью вместе преодолеть все этапы, необходимые для освобождения Чили от империализма, эксплуатации и нищеты»¹. Принципиальное значение имело и то, что коалиция провозгласила социалистические цели. «Основная задача, которая стоит перед народным правительством, — говорится в правительственной программе Народного единства, — это покончить с господством империалистов, монополий, землевладельческой олигархии и начать строительство социализма в Чили»².

---

¹ Programa básico de Gobierno de la Unidad Popular, Santiago, 1970, p. 36.

² Ibid., p. 10.

Образование народного правительства означало, что революционные силы Чили овладели исполнительной властью, которая наделена широкими полномочиями. Это очень важное завоевание. Но коалиция Народного единства не располагает всей полнотой власти. С одной стороны, существует народная власть в лице правительства, опирающегося на поддержку рабочего класса, широких слоев крестьянства, значительных кругов мелкой буржуазии. Этой новой власти противостоит старая власть, отстаивающая интересы империализма и буржуазно-помещичьей олигархии, распространяющая свой контроль на парламент (в Национальном конгрессе оппозиционные партии, хотя и не располагают двумя третями голосов, имеют большинство в обеих палатах), судебные органы, большую часть средств массовой информации.

Таким образом, чилийское народное движение еще не решило окончательно в свою пользу коренной вопрос всякой революции — вопрос о власти. Партии Народного единства ставят своей целью добиться решения этой кардинальной задачи, как и осуществления других намеченных революционных преобразований, действуя в соответствии с конституцией и законами, которые сохраняют силу сегодня или будут изменены в будущем на основе волеизъявления народа.

Отсюда вытекает значение поддержки деятельности правительства, возглавляемого С. Альенде, подавляющим большинством чилийцев. «Чтобы завоевать всю власть для народа, — пишет член Политической комиссии ЦК КПЧ Х. Инсунса, — в данный момент нет другого пути, как обеспечить прочное большинство, убедить народ в нашей правоте, приводить всякий раз в действие это большинство до тех пор, пока не будет окончательно подавлено сопротивление реакции и покончено с ее властью»¹.

Что касается конкретных путей полного оттеснения реакционных классов от власти, то, по мнению руководителей коалиции Народного единства, они проходят через мобилизацию и дальнейшее сплочение народных масс вокруг правительства, завоевание большинства в обеих

---

¹ «Principios», № 140, 1971, p. 22.

палатах Национального конгресса (на очередных парламентских выборах в 1973 году или на внеочередных, которые могли бы состояться в случае, если бы правительство одержало верх на референдуме при конфликте между исполнительной и законодательной властью) и изменение существующей буржуазно-демократической законности в интересах доведения до конца революционных преобразований.

«При поддержке и мобилизации масс, — говорилось в решениях Национальной конференции Коммунистической партии Чили, — если действовать наступательно, идя вперед по пути преобразований легальными средствами и изменяя законы в соответствии с конституционными нормами, революционный процесс станет необратимым»¹.

При всем своеобразии развития революционного процесса в Чили, отличающем его от того, что было в других странах, оно подчиняется общим закономерностям революции и, поскольку речь идет о социалистической перспективе, закономерностям перехода от капитализма к социализму. Это не какое-то бесконфликтное развитие, а сложный процесс, сопряженный с острой классовый борьбой, которая стала еще напряженнее, когда правительство Народного единства приступило к осуществлению своей программы. Пожалуй, прав Э. Лабарка, высказывая такое суждение: «Завоевание правительственной власти для левых сил Чили было результатом самоотверженной борьбы широких народных масс, однако первые же шаги на пути к социализму показали, что этот путь будет во много раз труднее и сложнее» (стр. 28).

* * *

За время, прошедшее после прихода к власти, правительство Народного единства осуществило целый ряд мер, которые свидетельствуют о принципиально новом социальном содержании его политики, отвечающей интересам трудящихся масс и всего народа.

Национализированы важнейшие угольные шахты, металлургический комбинат «Асеро дель пасифико», принадлежавшие американской компании предприятия по добыче железной руды, селитряные разработки, крупней-

---

¹ «El Siglo», 4 de octubre de 1971.

шие цементные заводы. Под контроль государства перешли основные текстильные фабрики, хозяева которых саботировали производство.

Историческое значение для Чили имело принятие закона о конституционной реформе, подписанного президентом Альенде 15 июля 1971 года. В соответствии с этим законом устанавливается исключительное и неотъемлемое право государства распоряжаться природными богатствами страны. Тем самым осуществлен один из главных пунктов правительственной программы коалиции Народного единства — национализация крупной меднорудной промышленности, контролировавшейся монополиями США. Это важнейший шаг в борьбе чилийского народа за экономическое освобождение родины. От продажи меди страна получает 80 процентов валютных поступлений (в последние годы примерно 700 млн. долларов в год). Эксплуатируя чилийские природные богатства и чилийских трудящихся, американские медные монополии, орудовавшие в стране, получили с 1930 по 1969 год 3700 млн. долларов прибыли, что составляет 40 процентов всего национального богатства Чили на сегодняшний день.

Конституционной реформой предусматривается выплата компенсации иностранным компаниям за национализированные предприятия, однако за вычетом полученных ими с 1955 года сверхприбылей. В строгом соответствии с положениями закона размер сверхприбылей, подлежащих вычету из суммы компенсации, был определен в 774 млн. долларов. Это количество превышает более чем на 360 млн. долларов стоимость национализированных предприятий, подлежащую возмещению¹.

Очень важной мерой явился выкуп правительством акций частных банков. В результате государство контролирует сейчас подавляющую часть кредитных операций.

Другой фронт борьбы с олигархией — аграрные преобразования. Правительство Народного единства ускорило осуществление аграрной реформы, закон о которой был принят еще в 1967 году. С ноября 1970 по апрель 1972 года экспроприировано около 2200 помещичьих имений общей площадью 3,5 млн. гектаров². Проведение

---

¹ «El Siglo», 12 de octubre de 1971.

² Mensaje del Presidente Allende ante el Congreso Pleno, 21 de Mayo de 1972, Santiago, 1972, p. 224.

ние аграрной реформы предполагается завершить в 1972 году.

Все эти меры явились серьезным ударом по экономическому господству империализма США в Чили, подорвали могущество местной буржуазно-помещичьей олигархии. Произошло значительное расширение государственного сектора в экономике. На его долю приходится теперь 60 процентов национального валового продукта¹.

Немаловажное значение имеет и то, что эти структурные преобразования сопровождались ростом производства, главным образом за счет использования незагруженных ранее мощностей. Знаменательно, что заметное увеличение производства продукции достигнуто на предприятиях, перешедших в государственный сектор. В этом проявляется зарождение нового отношения рабочих к труду.

В 1971 году в Чили было добыто 730 тыс. тонн меди, на 40 тыс. тонн больше, чем за предыдущий год. Добыча селитры увеличилась с 674 тыс. до 830 тыс. тонн. Производство каменного угля возросло на 20 процентов. В целом прирост национального продукта составил около 9 процентов, причем промышленное производство поднялось на 13 процентов — самый высокий показатель за последние 15 лет².

Расширение промышленного производства и строительства позволило занять дополнительно 200 тыс. человек. В результате произошло чувствительное сокращение безработицы³.

Правительство Народного единства энергично принялось и за решение жилищной проблемы. В 1971 году было начато строительство около 100 тыс. квартир при общей нехватке жилья для 500 тыс. семей.

Повышение заработной платы, пенсий и пособий многосемейным привело к увеличению покупательной способности трудящихся. Их реальные доходы выросли на 20 процентов, а уровень потребления населения, живущего на зарплату, — на 13 процентов. Произошло перераспределение доходов в пользу трудящихся: если в 1970 году на долю рабочих и служащих приходился 51 процент

---

¹ «Principios», № 140, p. 33.

² «El Siglo», 8 y 10 de febrero de 1972.

³ «El Siglo», 15 de enero de 1972.

национального дохода, то теперь эта доля поднялась до 60 процентов¹.

При осуществлении своей социально-экономической политики правительство коалиции Народного единства сталкивается с серьезными трудностями. Эти трудности вызываются тяжелым финансовым положением, унаследованным от предыдущего правительства, а также действиями монополий США, предпринимаемыми с целью подорвать чилийскую экономику (прекращение предоставления кредитов, поставок запчастей, отзыв технических специалистов, наложение эмбарго на фонды чилийских государственных предприятий в американских банках и т. д.), и саботажем местных крупных промышленников, торговцев и землевладельцев.

Государственный внешний долг Чили вместе с процентами по нему составляет более 3,8 млрд. долларов, причем значительная часть выплат приходится на ближайшие годы¹.

Велики расходы правительства на импорт сырья, горючего и особенно продовольствия. В последние годы страна постоянно испытывала нехватку продовольственных товаров, главным образом мяса, масла, пшеницы, и тратила на их ввоз до 200 млн. долларов ежегодно. Сейчас из-за экономического саботажа помещицъей олигархии (массовый перегон скота в Аргентину в конце 1970 года и забой маточного поголовья, сокращение посевов и т. п.) и из-за увеличения спроса вследствие роста покупательной способности трудящегося населения положение усугубилось, что привело к затруднениям в снабжении отдельными продуктами питания.

К этому надо добавить резкое падение цены на медь на мировом капиталистическом рынке — с 62 центов за фунт в 1970 году до почти 45 центов в 1971 году, в результате чего происходит чувствительное сокращение валютных поступлений.

Правительству Народного единства за сравнительно короткий срок удалось добиться существенных успехов в выполнении намеченной программы социально-экономических преобразований. Эти преобразования сопровождались определенными сдвигами на политической арене, процессом размежевания политических сил,

---

¹ «El Siglo», 10 de febrero de 1972.

между сторонниками и противниками коренных перемен.

На муниципальных выборах в апреле 1971 года партии, поддерживающие народное правительство, получили 50,8 процентов голосов, тогда как в 1970 году на президентских выборах за Альенде голосовало 36,3 процента избирателей. Правда, на состоявшихся позднее (в июле 1971 года и январе 1972 года) дополнительных выборах в конгресс оппозиции, выступившей единым фронтом, удалось нанести поражение кандидатам правительственной коалиции и частично потеснить левые силы с позиций, завоеванных на муниципальных выборах.

Сговор правого руководства ХДП с крайне правыми на антиправительственной основе привел к новому расколу среди христианских демократов. Из партии вышло влиятельное левое крыло (в том числе восемь парламентариев, руководители профсоюзных, крестьянских и молодежных организаций), которое заявило о поддержке программы Народного единства и о стремлении внести свой вклад в строительство будущего социалистического общества. Возникла самостоятельная организация левых христиан, принявшая решение вступить в коалицию левых партий. Тем самым произошло расширение политической базы правительства.

Чилийская реакция предпринимает отчаянные попытки, чтобы лишить коалицию Народного единства поддержки средних слоев города и деревни. От того, за кем пойдут эти слои, во многом, если не в решающей степени, будет зависеть дальнейшее развитие борьбы между сторонниками коренных социально-экономических преобразований и теми, кто помышляет о возврате назад, отстаивает вчерашний день чилийской истории.

Внутриполитическая обстановка, в которой приходится действовать народному правительству в настоящее время, характеризуется усилением напряженности. В первые месяцы после прихода правительства Альенде к власти самые реакционные круги находились в обороне. Они занимали выжидательную позицию, еще питали какую-то надежду, что Народное единство откажется от полного выполнения своей программы, сойдет на реформистский путь. Сейчас эти надежды рассеялись. Период выжидания закончился, и реакция перешла к активным антиправительственным действиям. Борьба развертывает-

ся буквально во всех сферах: в парламенте и судебных органах, в экономической области, в государственном аппарате, в политических, общественных и культурных организациях, в средствах массовой информации и т. д.

Используя свое большинство в конгрессе, правая оппозиция всячески пытается связать руки правительству. Она прибегает к обструкции, к обвинениям министров в «нарушении конституции», отказывается утверждать бюджетные расходы на проведение намеченных социально-экономических мероприятий. Пожалуй, наиболее явно подлинные намерения правых сил, выступающих под флагом защиты «свободы» и «законности», проявились в стремлении реакционного большинства парламента проташить поправки к конституции, которые предусматривают лишение правительства права проводить национализацию и включение в государственный сектор монополистических предприятий. При этом имеется в виду придать новым «конституционным нормам» обратную силу, то есть возратить прежним владельцам предприятия, национализированные, реквизируемые или взятые под контроль правительством на основе действующих законов. Смысл подобных происков состоит в том, чтобы воспрепятствовать революционным преобразованиям, защитить интересы буржуазной олигархии.

Эскалация антиправительственных действий реакции не ограничивается использованием легальных средств¹. Наиболее оголтелые реакционные круги устраивают диверсии, провокации и вынашивают планы государственного переворота. В заговорщических замыслах замешаны те самые силы, которые организовали убийство генерала Шнейдера. Это прежде всего крайне правая национальная партия и так называемая радикальная демократия, фашистская организация «Родина и свобода» и ряд других групп, сформированных из наемных уголовных элементов. Как сообщала печать, в планы чилийских «ультра» входит подготовка «операции Индонезия». Другими словами, речь идет о свержении правительства и массовой кровавой расправе с его сторонниками².

---

¹ И то их легальность относительна, так как уже несколько раз конституционный трибунал признавал незаконными решения, принятые реакционным большинством парламента.

² «El Siglo», 29 de enero de 1972; 9 de febrero de 1972.

Заговорщические устремления чилийских «ультра» находят поддержку у североамериканских «ястребов». Когда в начале декабря прошлого года реакционеры организовали в Сантьяго антиправительственную демонстрацию под охраной фашистских молодчиков, выходящая в США газета «Дейли ньюс» заявила: «Мы страстно надеемся, что беспорядки в Чили могут предвещать скорое падение Альенде и компании»¹.

Чилийские революционеры сознают, какую опасность представляют происки реакции, которая ради защиты своих интересов готова пойти на все. Они не исключают, что при определенных условиях реакционеры могут даже навязать народу вооруженное столкновение в той или иной форме.

Подчеркивая сложность обстановки, журнал чилийских коммунистов «Принсипиос» писал: «В результате развертывания реакционного контрнаступления в нашей стране сложилось такое положение, когда народ... может стать либо наковальней, либо молотом: или мы решительно будем наносить удары по самым закоренелым реакционерам, чтобы сорвать их наступление, или этот враг разделается с демократическими правами и социальными завоеваниями, достигнутыми при народном правительстве. Нет другого выхода из положения, как перейти в наступление ради выполнения правительственной программы Народного единства»².

Как центральную задачу, решение которой позволит одержать верх над реакцией, сломить ее яростное сопротивление, участники коалиции Народного единства рассматривают привлечение на сторону правительства подавляющего большинства народа, решительную мобилизацию масс на самое активное участие в процессе революционных преобразований, обеспечение их действительного присутствия во всех звеньях государственного аппарата как основы развития подлинно народной власти³.

В борьбе между сторонниками революционных перемен и их противниками на руку чилийской реакции играют действия левацких элементов.

Э. Лабарка раскрывает негативную роль левацких концепций в процессе сплочения антиимпериалистиче-

¹ «El Siglo», 4 de diciembre de 1971.

² «Principios», № 141—142, 1971, p. 14.

³ «El Siglo», 10 de febrero de 1972.

ских и антиолигархических сил. Установки «ультралевых», в частности так называемого Революционного движения левых (МИР), ориентировали исключительно на вооруженную борьбу и отрицали возможность прихода народного правительства к власти невооруженным путем.

Жизнь показала несостоятельность этой позиции. И одним из факторов победы, одержанной народным движением Чили в 1970 году, была непримиримая идеологическая борьба против левацкого экстремизма.

Левацкие действия и позиции, стремление к искусственному подталкиванию революционного процесса объективно мешают выполнению революционной программы народного правительства.

Осуществленные левацкими элементами из так называемого «Организованного авангарда народа» в июне 1971 года покушение на бывшего министра внутренних дел в правительстве Фрея Переса Суховича ничуть не ускорило развитие революции, а, наоборот, создало трудности, подтолкнуло правых лидеров христианской демократии к сговору с крайней реакцией для совместной борьбы против политики коалиции Народного единства.

Немалый вред деятельности правительства Народного единства наносят действия МИР, в частности организуемые этим движением захваты средних и мелких земельных владений, на которые не распространяется аграрная реформа. Вместе с тем МИР пытается критиковать «ошибки» и «слабости» правительства, выдвигая свою линию как некую якобы подлинно революционную альтернативу правительственной политике.

Коалиция Народного единства решительным образом отвергла эти притязания МИР, заявив, что МИР «фактически ставит себя вне революционного процесса, который в нашей стране возглавляют Народное единство и его правительство», а своей политикой ослабляет правительственные силы¹.

«Если МИР не выправит свой политический курс, — заявил Политический комитет Народного единства, — то оно неизбежно будет отвергнуто рабочим классом и народом и на деле будет играть контрреволюционную роль в процессе, переживаемом Чили»².

¹ «Principios», № 141—142, p. 171—172.

² Ibid., p. 174.

Углубление революционного процесса и доведение до конца коренных социально-экономических и политических преобразований, предусмотренных программой Народного единства, сопряжено с преодолением немалых трудностей. Революционные силы Чили преисполнены решимости продвигаться вперед по намеченному пути.

Оценивая сложившиеся в стране положение и перспективы борьбы, ЦК Компартии Чили отмечал на своем пленуме в июне 1972 года: «Если все партии Народного единства будут действовать совместно в проведении в жизнь линии, которая принесла нам пользу, если мы сумеем избежать отступлений от программы или колебаний в ее осуществлении, то действительно сделаем чилийский революционный процесс необратимым»¹.

«Чили, — пишет Э. Лабарка в своей книге, — идет в ногу с эпохой, открывшейся в развитии всего мира и Американского континента. Чили делает это по-своему и в соответствии со своими традициями. Однако, чтобы помешать этому, имеются люди, готовые на самые отвратительные преступления...» (стр. 32).

Необходимо добавить, что в Чили, как это показывает сам Э. Лабарка, есть силы, способные дать отпор реакции и надеть на нее смиренную рубашку.

Их боевой дух хорошо передает призыв, который можно услышать сегодня в Чили повсюду:

«Объединенный народ не победить!»

И. Рыбалкин

---

¹ «El Siglo», 23 de junio de 1972.

Бурные события потрясают сегодня Чили. Если раньше говорили о сумасшедшей *географии* этой страны, то теперь следует также говорить о ее сумасшедшей *истории*.

«Помешательство» чилийцев состоит в том, что они хотят совершить революцию и построить социализм, не обогрив людской кровью своей земли, красивейшие склоны горных хребтов Анд, селитряную пустыню на севере, плодороднейшую Центральную долину, леса и южные острова, омываемые дождями, степи и ее вытянувшуюся полосу побережья.

Прокладывая новые, еще не изведенные ни одним народом на земле пути к этой цели, чилийские левые силы, победив на выборах, создали народное правительство — отправную точку для создания нового строя, при котором реальная власть окончательно перейдет в руки трудящихся и передовых слоев общества.

Со стороны может показаться, что в Чили все развивается тихо и мирно. Это совсем неверно. Внутренние и внешние события свидетельствуют о том, что это не так.

Самым крупным поражением США на Латиноамериканском континенте со времени провозглашения Фиделем Кастро социализма на Кубе было формирование блоком Народного единства в Чили правительства, возглавляемого социалистом доктором Сальвадором Альенде.

Согласно конституционным правилам, Альенде взял

власть в свои руки 3 ноября 1970 года. Однако сформированное им и его соратниками по Народному единству, самому широкому и самому действенному политическому объединению за всю историю Чили, правительство — это лишь первый шаг к последующему подлинному взятию власти.

Бурная избирательная кампания, отличавшаяся острой социальной борьбой широких масс чилийского общества, окончилась 4 сентября 1970 года победой Народного единства.

Утром этого дня в Гаване Фидель Кастро ожидал получения известий о результатах голосования в Чили, находясь в редакции газеты «Гранма», где все сотрудники выражали шумную радость по поводу победы Альенде.

В перуанской столице Лиме сдержанный генерал Хуан Веласко Альварадо, родившийся в городе Пиура и ставший главой правительства, пришедшего к власти в результате военного переворота, в кругу своих близких друзей, намекая на самого себя, высказался в отношении результатов чилийских выборов так:

— Теперь пиурийский ослик не будет одинок.

В Вашингтоне президент США Ричард Никсон на этот раз искренне признался:

— Избрание Сальвадора Альенде президентом Чили не доставило мне радости.

Все понимали, что если Альенде и Народное единство одержат победу на выборах, то это изменит политический климат в Латинской Америке.

Между 4 сентября — днем выборов — и 3 ноября — датой передачи власти бывшим президентом Эдуардо Фреем новому президенту Сальвадору Альенде — прошло 60 бесконечных дней. Это были 60 дней, в течение которых трещала по швам старая система.

Правые чилийские силы и их опора за рубежом делали все, что могли, чтобы воспрепятствовать приходу к власти нового правительства. В этих целях они прибегли к подлому политическому убийству, изрешетив пулями в уличной засаде командующего армией Рене Шнейдера Черно. Однако Народное единство, Единый профсоюзный центр трудящихся (КУТ) и множество других традиционно существующих народных организаций, насчитывающих в своих рядах миллионы чилийцев, также делали все, что было в их силах. Они действовали в пря-

мо противоположном направлении: их цель — заставить уважать волю большинства избирателей и обеспечить передачу власти новому президенту республики Сальвадору Альенде.

С приходом Сальвадора Альенде во дворец «Ла Монеда» 3 ноября 1970 года начался наконец чилийский эксперимент.

На латиноамериканском континенте и во всем мире задумались над решением вопросов:

Сумеют ли левые силы Чили удержаться у власти и начать строительство социализма, используя государственный аппарат, созданный их противниками? Возможна ли в Чили революция без кровопролития? Попытаются ли США превратить Чили в Санто-Доминго¹ или в новый Вьетнам?

Чили двинулось по заминированному пути.

Четыре министра-социалиста, три коммуниста, три радикала, два социал-демократа, один от Движения единого народного действия (МАПУ) и один от Независимого народного действия (АПИ) приняли присягу как члены первого правительства Народного единства. Впервые в истории Чили четверо из них — три коммуниста и один социалист — были рабочими.

Спустя девять дней после прихода к власти Сальвадор Альенде восстановил — 12 ноября 1970 года — дипломатические, консульские, торговые и культурные отношения с социалистической Кубой. Этим достойным актом Чили восстановило перед мировым общественным мнением статус подлинно независимой и суверенной латиноамериканской нации. Немного позднее были установлены отношения с КНР, ГДР, ДРВ и КНДР.

В обстановке острой политической и социальной борьбы новый режим с самого начала своей деятельности главное внимание уделил трем основным целям: национализации медной промышленности, устновлению государственного контроля над 27 частными банками, контролировавшими большую часть финансов и национального кредита, и активному проведению действительной и всеохватывающей аграрной реформы.

---

¹ В апреле 1965 года США оккупировали Доминиканскую Республику в целях подавления революционного движения. — *Прим. перев.*

В поисках конституционного и законного пути для свершения революционных преобразований правительство Альенде предложило свои, хорошо продуманные пути для достижения этих трех главных целей:

1. Предложило конгрессу национализацию крупной медной промышленности, находившуюся до сих пор под контролем «Анаконды», «Кеннскот» и других североамериканских консорциумов, одобрив проект соответствующих изменений в конституции.

2. Начало скупку акций частных банков у отдельных лиц, оплачивая их так называемыми сертификатами долгосрочных сбережений Центрального банка,— как предварительный шаг для принятия проекта конституционной реформы в целях введения государственного банковского контроля.

3. Начало проводить в жизнь все положения Закона об аграрной реформе, принятого еще правительством Эдуардо Фрея, в целях экспроприации на первом этапе в 1971 году 1000 поместий, что равнялось количеству поместий, экспроприированных Фреем за весь срок его пребывания у власти.

С первых дней своего пребывания у власти Альенде удивил всех своим стилем работы.

В дни, предшествующие передаче власти, а также в первые недели правления народного правительства парламентарии и чиновники — христианские демократы организовали незаконный захват более 4500 строящихся или уже готовых к сдаче квартир. Ключи от новых квартир тайно распределялись в последние дни правительства Фрея в кабинетах лиц, уже отстраненных от своих постов. Столкновение казалось неизбежным между захватчиками и теми, кто имел законное право на новое жилье. Было опасение, что действия полиции могут усугубить это столкновение и бросить тень на народное правительство в первые же дни его существования. Это было именно то, к чему стремились организаторы незаконных захватов.

Однако Альенде и его коллеги в правительстве не намерены были идти у них на поводу.

Министр внутренних дел Хосе Тоа пять дней спустя после прихода к власти правительства Народного единства объявил о роспуске зловещей Подвижной группы карабинеров, карательной организации, чьи действия

связаны с самыми жестокими методами подавления народных и студенческих выступлений. Вместо нее было объявлено о создании полиции, которая при социальных конфликтах должна действовать методами убеждения. В то же время новое правительство отметило, что оно не проявит ни малейшей слабости в отношении нарушающих порядок правых сил, если они попытаются неуважительно относиться к власти нового правительства.

В последующие дни Сальвадор Альенде неожиданно посетил места «захвата» квартир. Он беседовал с нарушителями порядка — многие из них имели другие квартиры — и в конце концов добился согласия на проведение переговоров в целях разрешения создавшегося положения. Жители этих мест, вначале настроенные весьма агрессивно, некоторое время спустя проводили «товарища президента» громкими аплодисментами.

С этого времени Сальвадора Альенде часто видели в различных местах.

Так, он побывал в Консепсьоне, чтобы подписать декрет об экспроприации местной фирмы «Паньос бельявиста томе», которую бросили на произвол судьбы сбежавшие предприниматели. Объехал все чилийское побережье на борту военного корабля. Провел заседание своего правительства в Вальпараисо в целях реального децентрализованного управления страной. Пригласил группу детей из самых разных частей страны провести каникулы вместе с ним в президентском дворце «Сьерро Кастильо» в курортном городке Винья-дель-Мар. Посетил провинцию Каутин в тот момент, когда крестьяне из племени мапуче и вооруженные автоматами помещики уже готовы были начать сражение, которое имело бы самые непредвиденные последствия. Объявил в Лоте на митинге шахтеров и членов их семей о переходе в собственность государства угольных разработок Лота и Швагер. Беседовал с крестьянами, горняками, заводскими рабочими, а также с руководителями организаций помещиков, промышленников, торговцев, не отойдя при этом ни на йоту от программных установок своего правительства. Осаждаемый иностранными журналистами, приехавшими со всех стран мира для выяснения «чилийского случая», Сальвадор Альенде находил время один-два раза в неделю выступать в президентском дворце «Ла Монета», в Вальпараисо или в провинциях о новых шагах, о новых мерах,

о новых актах правительства по выполнению программы, обещанной стране; или для того, чтобы энергично и серьезно опровергнуть враждебные выпады против Чили, например президента США Никсона, как это было им сделано во время инспекционной поездки на военные базы, находящиеся на юге страны.

«С нашим правительством можно вести дела только всерьез», — сказал в своей первой президентской речи Сальвадор Альенде, повторив некогда сказанную Фиделем Кастро фразу. Правительство немедленно покончило со скандально высокими окладами «князей» государственной службы, предложив парламенту ограничить размеры окладов и завышенных ценсий определенным категориям государственных служащих.

Первые сорок мероприятий Народного правительства, о которых было объявлено во время избирательной кампании, включали, например, обязательство бесплатно предоставлять ежедневно пол-литра молока каждому чилийскому ребенку. Осуществляться это стало с 4 января 1971 года, то есть два месяца спустя после прихода к власти нового правительства. Было покончено также с разноразличными ценами на хлеб и молоко «для богатых» и «для бедных» и установлены по всей стране единые цены на эти жизненно важные продукты. Также была определена единая плата за пользование пассажирским транспортом, что покончило с дискриминацией и произволом.

В Чили — стране традиционной приверженности конституции и законам — юристы Народного единства обнаружили многочисленные забытые, но не отмененные законы и положения, которые позволили принять энергичные экономические меры, не прибегая к бесконечным проволочкам при одобрении закона в парламенте, большинство голосов которого принадлежит оппозиции. Таким образом, ряд сталелитейных, угольных, цементных предприятий, североамериканские фирмы «Нибко» и «Пурина», а также различные текстильные фабрики перешли в первые же месяцы деятельности народного правительства под контроль государства. И во всех этих случаях были применены обнаруженные законодательные акты, позволяющие государству вмешиваться, ревидировать, экспроприировать или выкупать в рассрочку частные предприятия.

Сальвадор Альенде и его правительство проявляли не только решительность, но и изобретательность.

С первого же дня деятельности народного правительства сложились новые отношения с рабочим классом. Альенде и его министры подписали с Единым профсоюзным центром трудящихся (КУТ) соглашение, в котором предусматривалось повышение заработной платы и участие рабочих на всех уровнях в общественной деятельности и в управлении производством.

В январе, феврале и марте 1971 года пятьдесят тысяч юношей и девушек направились в деревню в составе бригад добровольного труда. Горняки селитряных разработок взяли на себя обязательство увеличить добычу селитры на один миллион тонн в год. Подобные обязательства взяли на себя трудящиеся угольной и других государственных отраслей промышленности. Начиналось сражение за производство — в Чили намечались первые ростки грядущего социалистического общества.

Но как всегда, в бочке меда оказалась и ложка дегтя.

Затронув важные внутренние и внешние проблемы страны, в первые же месяцы своей деятельности новое правительство натолкнулось на упорное и беспощадное сопротивление прежних хозяев страны.

Саботаж на производстве в крупных медных компаниях, сокращение посевов различными группами землевладельцев и систематическая дезорганизация финансовой системы — вот те орудия экономической войны, пущенные в ход крупной чилийской олигархией и иностранными предпринимателями. Руководители Национальной партии, а также самого консервативного крыла Христианско-демократической партии и других правых политических групп возглавили античилийский крестовый поход.

На эту атаку правительство ответило твердой политикой в области замораживания цен, пойдя даже на снижение тарифов североамериканской электрической компании, повышенных прежним правительством. Увеличение заработной платы трудящихся сообразно с удорожанием жизни и даже перекрывая его и другие меры, например замораживание обменного курса доллара, фактически приостановили бешеный рост инфляции, унаследованной от старого режима. Большая масса чилийцев

сразу же почувствовала улучшение, и очень заметное, семейного бюджета.

Оказавшись в первые дни в состоянии некоего оцепенения, правые силы — Национальная партия и так называемая Радикально-демократическая партия — спустя несколько недель перешли в яростное и провокационное контрнаступление против нового правительства.

Парламентские обструкции и многочисленные обвинения министров нового правительства в нарушении конституции, кампании лжи и клеветы на страницах многочисленных газет правые силы сочетали с различными экономическими диверсиями.

Верховный суд превратился в прибежище сил, отстраненных от политической власти. Суд снял всю вину с сенатора Рауля Моралеса Адриасола, представителя Радикально-демократической партии, несмотря на то, что было более чем достаточно доказательств участия этого правого парламентария в заговоре, одним из звеньев которого было убийство командующего чилийской армией генерала Шнейдера.

Христианско-демократическая партия, которая, казалось, стояла на передовых позициях, сделала резкий поворот вправо, начиная с момента, когда Народное единство взяло власть в свои руки.

Эдуардо Фрей, покинув президентский дворец «Ла Монеда», сразу же возглавил мощное правое течение внутри Христианско-демократической партии, оспаривая у Национальной партии место руководителя консервативных сил страны.

Завоевание правительственной власти для левых чилийских сил было результатом самоотверженной борьбы широких народных масс, однако первые же шаги на пути к социализму показали, что этот путь будет во много раз труднее и сложнее.

Реорганизация традиционных репрессивных сил вызвала стихийные, беспорядочные действия среди обездоленных слоев населения, из века в век подвергавшихся унижениям и преследованиям. Крестьяне — индейцы мапуче, не ожидая проведения аграрной реформы народным правительством, в различных районах юга страны захватили земли, ранее отобранные у них или у их предков. Бездомные то здесь, то там занимали участки под жильем, за которые они столько боролись в прошлом. Правитель-

ству было нелегко найти быстрое решение этих проблем законным путем, тем более что правые оппозиционные силы, как и христианские демократы, подстрекали население на подобные акты, чтобы создать в стране обстановку хаоса и спровоцировать акты насилия.

Конституционный характер создания нового правительства с первого же дня был его сильной стороной и в то же время его ахиллесовой пятой.

Верховный суд — высший юридический орган, членами которого являются пожизненно избранные юристы, тесно связанные с чилийской олигархией, и парламент, большинство в котором принадлежит правой оппозиции, всячески сопротивляются революционной воле чилийского народа.

Сальвадор Альенде и правительство решили при первом благоприятном моменте осуществить конституционную реформу, которая изменила бы старую структуру, а если нужно будет, то прибегнуть для этого к плебисциту.

Для многих остается загадкой: сколько времени потребуется, чтобы чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров постепенно, без кризиса, смогли понять ту новую роль, которая отводится им при новом режиме, учитывая при этом, что в центре внимания находятся не интересы кучки привилегированных, а интересы трудящихся.

Взгляды всего континента и большей части мира обращены к Чили. В граничащем с ним Перу также осуществляется новый политический подход к управлению страной, хотя он менее радикален и проводится под военным руководством.

Из Бразилии, Парагвая, Уругвая и других латиноамериканских стран прибывают в Чили — на небольшой демократический «остров» — политические эмигранты различных убеждений. Француз Режи Дебрэ после трех лет пребывания в боливийской тюрьме, куда он попал за то, что вместе с Че Геварой был в партизанском отряде, вышел на свободу и был переправлен в Чили. Его тепло приняли Сальвадор Альенде, поэт-коммунист Пабло Неруда и другие представители левых сил. В печати была опубликована небольшая заметка Дебрэ, написанная им в качестве вступления к интервью с президентом Альенде, в которой он попытался раскрыть чилийский опыт.

Чили во главе с народным правительством, в состав которого входят представители шести левых политических организаций, продолжает придерживаться установленного правопорядка. Сальвадор Альенде и его коллеги в правительстве хотели бы, чтобы это положение сохранилось и в дальнейшем и чтобы революционные преобразования совершались в рамках законности. Чилийский народ хочет мирной жизни.

Но это зависит не только от них.

Внутри страны зреет заговор. Правые используют любую возможность, чтобы сколотить политический блок с христианскими демократами и усилить оппозицию. Президент США Никсон снова и снова выражает недовольство событиями в Чили, и поэтому Соединенные Штаты выработали агрессивный план, который на первом этапе включает подрыв экономики Чили, в качестве предварительного шага на пути к свержению правительства Альенде. Международный заговор, раскрытый спустя три месяца после прихода к власти правительства Народного единства, имевший целью вызвать искусственное снижение цен на медь, которую Чили продает на мировом рынке, совпал по времени с саботажем на производстве, осуществленным североамериканскими управляющими на медных рудниках в Чукикамате, Эль-Теньенте и Эль-Сальвадоре.

В первые же месяцы деятельности правительства Сальвадора Альенде олигархия, связанная с североамериканским капиталом, продолжала осуществлять контроль над большей частью средств массовой информации, главным образом печатью, радио и телевидением. Это позволяло ей разжигать страсти, призывать к сопротивлению и даже к государственному перевороту.

Разведывательные службы США и ультраправые силы не отказались от планов убийства президента Сальвадора Альенде, поэтому были приняты самые строгие меры личной охраны, никогда ранее не применявшиеся в этой стране. Слишком многие хотели бы устроить здесь новый Даллас¹.

Умелая внешняя политика, проводимая правительством Сантьяго, препятствует выполнению агрессивных се-

---

¹ В Далласе был убит президент США Дж. Кеннеди. — *Прим. перев.*

вероамериканских намерений. Чили продолжает оставаться членом всех международных организаций и даже тех, где США, как правило, не встречают сопротивления, навязывая свою политику: Организация американских государств (ОАГ), Межамериканский банк развития, Международный валютный фонд. Чили укрепляет свои связи с другими латиноамериканскими странами в рамках Андского пакта, в Специальной комиссии латиноамериканской координации (СЕКЛА); такое сотрудничество может создать условия для вступления в эту последнюю организацию Кубы.

Как страна, относящаяся к «третьему миру», Чили сегодня борется за независимость и суверенитет, за экономическое развитие своей страны.

Правительство Народного единства твердо намерено построить *новую экономику*, опирающуюся на три сектора: преобладающий государственный сектор, частный сектор и смешанный сектор. Это будет отправной точкой на пути к социализму.

Тяжелое наследие прошлого будет преодолено трудно. В это наследие входит также 400-тысячная армия безработных.

И все же Чили пробудилось.

Сегодня в стране имеется блок Народного единства, другими словами, необходимое политическое условие для дальнейшего развития революционного процесса. Есть в стране также единое профсоюзное движение, существующее уже традиционно более полувека. Начало этому движению было положено Рабочей федерацией Чили (ФОЧ), затем продолжено Конфедерацией трудящихся Чили (КТЧ) и нашло свое укрепление в нынешнем Едином профсоюзном центре трудящихся (КУТ).

Пролетариат и чилийские трудящиеся политически высокосоциальны, чему всегда удивляются приезжающие в Чили иностранцы. Из 9 миллионов чилийцев 2 миллиона занято в промышленности и сельскохозяйственном производстве, из них 300 тысяч человек работают непосредственно в горнодобывающей промышленности. У полумиллиона служащих, мелких ремесленников и кустарей сложились свои боевые традиции. Все они вместе решат в конечном итоге исход в развитии нынешних событий.

В ходе муниципальных выборов 4 апреля 1971 года,

спустя пять месяцев после прихода к власти, правительство Альенде прошло испытание огнем. Левые партии получили на этих выборах абсолютное большинство голосов — 50,86 процента. Это событие стало самым необычным в чилийской политической истории, так как на выборах президента 4 сентября 1970 года Сальвадор Альенде получил лишь 36,3 процента голосов избирателей.

Муниципальные выборы означали поражение для правых, число голосов, поданных за кандидата правых в президенты Хорхе Алессандри, за которого выступали Национальная и Радикально-демократическая партии, уменьшилось с 34,9 до 22,4 процента. Количество голосов, поданных за христианско-демократических кандидатов, уменьшилось с 27,8 процента, поданных за кандидата в президенты от ХДП Радомира Томича, до 26,21 процента, и 0,49 процента голосов было подано за представителя Национал-демократической партии, этого совсем незначительного союзника ХДП.

В блоке Народного единства Социалистическая партия Сальвадора Альенде получила большую часть голосов, заняв первое место в коалиции.

Чили идет в ногу с эпохой, открывшейся в развитии всего мира и Американского континента. Чили делает это по-своему и в соответствии со своими традициями. Однако, чтобы помешать этому, имеются люди, готовые на самые отвратительные преступления, — и доказательство этому уже упомянутое убийство.

1. ТОЙ НОЧЬЮ

Генерал проснулся в 7.40.

На соседней кровати, справа от него, спокойно спала Элиза, его жена, подруга многих лет жизни.

Слева сквозь занавеси пробивался робкий луч серого рассвета.

Шел небольшой дождь.

Элиза и он возвратились вчера поздно — в час ночи. Они были в доме его двоюродной сестры Марты. Там они отдохнули немного — ужинали, разговаривали, смеялись.

Возвращались оттуда без охраны. Генералу доставляло удовольствие вести самому свой «мерседес-бенц» под дождем в эту октябрьскую ночь и чувствовать на лице порывы свежего ветра.

* * *

В доме уже горел свет.

Генерал заметил, что дождь застал врасплох двух карабинеров из 24-го комиссариата, не захвативших плащей и теперь мокнущих на посту у дверей его дома.

Маргарита Херес, служанка, уже встала. Генерал спустился со второго этажа и сам отнес плащ-палатку, чтобы полицейские могли укрыться. Затем пригласил их в дом, а Маргарита угостила их кофе.

В спальне, на втором этаже, вынул из внутреннего кармана свое личное оружие. Это был небольшой писто-

лет, полученный им десять лет назад в качестве трофея в соревнованиях по стрельбе в Военной академии. Он положил его на ночной столик. Спокойнее, когда пистолет находится под рукой.

Пистолет стал необходим лишь в последние недели. Без него он не садился даже смотреть телевизор.

На ночном столике рядом с оружием лежали две книги, которые генерал читал вечерами вперемежку: «Уроки Маркузе» Х. М. Кателе и «Вооруженные силы в политической системе Чили» французского профессора Алана Жокса. Автора последней он встречал на семинаре в Институте международных исследований Чилийского университета и считал своим другом. Он намеревался как-нибудь обсудить с автором некоторые положения книги и поэтому подчеркивал отдельные места и делал свои пометки. Вот и сейчас генерал снова открыл книгу, перевернул несколько страниц, но почувствовал, что на этот раз ему не хочется заниматься теоретическими вопросами. Элизе и ему еще нужно было отдохнуть. Перед тем как заснуть, он отметил последнюю прочитанную страницу — 64-ю.

2. ТЕМ УТРОМ

Северино проснулся как от толчка. Он услышал шум дождя и посмотрел на светящийся циферблат ручных часов: было 6.25. «Поднимайся!» — закричал он и рывком стащил одеяло со своего компаньона.

Через мгновение оба были на ногах.

«Опаздываем, нам остается пять минут, приедем поздно», — сказал Северино.

Они спали одетые, прямо на полу.

Оба еще чувствовали в горле вкус белого вина, которое они пили два часа назад.

«Пошли!»

Северино быстро засунул пистолет системы «люгер» в кобуру, кольт 45-го калибра — за пояс. Автомат «маузер» завернул в газету. Действовал он ловко, несмотря на то, что у него был сведен средний палец правой руки, похожий на кривой коготь.

Его компаньон осторожно взял большой сверток с ка-

рабинами, двумя масками против слезоточивого газа, гранатами и патронами.

Вышли без шума, так как Северино не хотел будить своего брата.

Шел дождь.

Сверток положили на заднее сиденье джипа, завели мотор и поехали в верхнюю часть города.

Улица Грахалес, некогда заселенная старинными аристократическими семьями, чьи разрушенные дома сегодня сдавались внаем по частям, уже проснулась.

3. ГЕНЕРАЛ ОСТАЛСЯ ОДИН

А в это время в верхней части города, в белом, обнесённом невысокой стеной доме по улице Себастьяна Элькано, 551, стояла полная тишина.

На первом этаже двое карабинеров спали в креслах.

Маргарита отдыхала в своей комнате.

На заднем дворике находилась собака породы боксер по кличке Чейру, что на языке индейцев гуарани означает «мой друг», она не проявляла никакого беспокойства.

На втором этаже генерал и его жена все еще спали.

Это было спокойное утро в цепи беспокойных дней.

За последние недели телефон в доме генерала звонил непрерывно. Анонимные голоса оскорбляли командующего армией и членов его семьи. «С бомбами покончено, теперь начнутся похищения. И первым похищением станет твой муж, генерал Шнейдер», — пробасил в трубку Элизе незнакомый голос и тут же прервал разговор.

В другой раз в дом явилась какая-то судорожно подергивающаяся женщина и попросила разрешения поговорить с женой генерала. Женщина умоляла ее убедить генерала сделать что-либо. «Только он может спасти нас от коммунизма!» — патетично воскликнула она.

Звонили и приходили старые знакомые командующего, помещики из Андской зоны; он познакомился с ними, еще когда командовал в тех местах усиленным горнопехотным полком «Гуардиа въеха». Землевладельцы также просили его сделать «что-нибудь» и воспрепятствовать приходу к власти левых.

Из Майами (США) кубинские контрреволюционеры-эмигранты прислали ему письмо, полное бранных слов в его адрес за то, что он не возглавил военное восстание, которое закрыло бы дорогу правительству Сальвадора Альенде.

Мало кто из чилийцев подвергался когда-либо такому давлению.

«Я чувствую себя одиноким, совсем одиноким», — сказал он за обедом, за четыре дня до описываемых событий, Элизе и своим сыновьям Раулю и Рене. Еще ранее эту мысль он высказал своей замужней дочери.

Он говорил также, что ощущает отсутствие поддержки со стороны правительства президента Фрея, который должен был передать власть своему конституционному преемнику 3 ноября 1970 года. Никто не хотел назвать тех, кто открыто готовил заговор с целью воспрепятствовать утверждению конгрессом, который должен был собраться 24 октября, победы Альенде на выборах и прихода его к власти. Об опасности подрывных действий говорилось на совещаниях генерала Шнейдера с президентом Фреем, с министром внутренних дел Патрисио Рохасом и с министром обороны Серхио Осса Претот. Однако время шло, а правительство не принимало энергичных мер, чтобы обеспечить конституционную передачу власти.

Генерал верил в армию, которой он командовал, был уверен в порядочности своих генералов и офицеров. Он был доволен расторопностью своих помощников.

Когда один из журналистов передал ему слухи о тайных сборищах офицеров во главе с известным представителем крайне правых и бывшим кандидатом в президенты Хорхе Пратом Эчаурреном, генерал заметил: «Что ж, надо все-таки иметь в виду, что в армии имеются еще и младшие офицеры, придерживающиеся левой ориентации».

Самого себя Шнейдер не причислял к левым. Он был солдатом и считал, что его миссия и профессиональный долг главы чилийской армии в столь трудный момент для страны состоит в поддержании порядка в рамках конституции. И все же наглые нападки на него в последние месяцы и недели со стороны правых вызвали у него растущую неприязнь к олигархии и ее политическим подголоскам.

Элиза, его жена, была однажды встревожена его несдержанностью, когда на одном из обедов в бурные дни после победы Народного единства генерал громким голосом бросил в лицо группе правых следующие слова: «Именно вы виноваты в том, что происходит».

Еще молодым Шнейдер хотел понять мир, и главным образом современный мир. В свободное от службы время он занимался историей, социологией, искусством, религией. Будучи преподавателем в Военной академии в чине майора, много времени отдавал живописи, рисункам, начал рисовать маслом. Случалось, что вечерами он встречал своего сына Рауля из лицея «Алеман» и вместе они отправлялись на выставки. Эта любовь к изобразительному искусству для Рауля закончилась тем, что он оставил изучение социологии и стал художником, его полотна не были ни формалистическими, ни абстрактными.

За домом у них была сооружена из досок мастерская, в которой, каждый в своей комнате, отец и сын занимались живописью. Генерал вначале придерживался реализма в изображении горных пейзажей Анд и видов южной провинции Магальянес. Однако в последнее время его творчество начало приобретать более модные формы.

Генерал хотел быть христианином в полном смысле этого слова и считал, что религия — это прежде всего поведение самого верующего. Поэтому он с такой набожностью читал труды теолога Тейлхарда-де-Чардин и с интересом следил за статьями, публикуемыми в иезуитском журнале «Менсахе», с группой редакторов которого у него установились дружеские отношения.

Человек с открытым характером, он хорошо чувствовал новые веяния и различного рода брожения, возникавшие в чилийских вооруженных силах, одно из которых неожиданно вылилось в мятеж полка «Такна» под руководством генерала Роберто Вио Марамбио.

Шнейдер, крепко сложенный человек, очень общительный и в кругу семьи и на официальных встречах, любящий серьезную музыку, был хорошим солдатом, когда этого требовала обстановка. Широка взглядов на мир помогла ему в его сложной профессиональной деятельности.

Будучи директором Военной школы в чине полковника, он опубликовал в журнале «Эрсилья» по случаю

150-летия школы заметку, в которой писал: «Военная школа и в еще большей степени армия испытали все превратности социального и политического развития страны. Первые годы республики — беспокойные, анархичные — явились для них тяжелым и в то же время полезным испытанием. В той степени, в какой политическая власть укрепляла свой авторитет, а Военная школа одновременно с помощью своих учеников распространяла учение о профессиональной доктрине, выработалась ясная и подлинная концепция прямого подчинения и сотрудничества армии внутри государственной структуры».

В этой же краткой заметке Шнейдер отмечал, что для армии и Военной школы «в течение этого исторического периода выкристаллизовались отчетливо основные задачи: защита от внешней агрессии и обеспечение внутренней безопасности законно образованного режима». Он подчеркнул, что «эти определения были такими ясными, что не нуждались в закреплении законодательным путем; достаточно было присутствия их в сознании военных, в их убеждении, которое является результатом параллельного развития армии, связанной со страной». В заключение он сказал, что «не многому послужило бы введение этих убеждений путем законодательным или приказным, если бы это убеждение не сформировалось само собой в течение долгих лет в результате спокойного, мирного развития».

В этих строках можно найти первое выражение того, что однажды стало доктриной Шнейдера.

Эта доктрина была выработана в тяжелой борьбе генералом после того, как президент Эдуардо Фрей назначил его на должность командующего армией в один из самых критических моментов положения страны. Шнейдер получил этот пост 24 октября 1969 года, три дня спустя после восстания, названного Такнасо.

Следует сказать, что первое проявление недовольства в армии произошло за год до восстания, в апреле и мае 1968 года. В эти дни офицеры различных частей вооруженных сил страны потребовали улучшения своего тяжелого экономического положения. Этот первый кризис в армии заставил Фрея назначить нового командующего армией и нового министра обороны. Новый министр обороны встретился с офицерами каждого из трех родов

вооруженных сил, обещая им честью солдата разрешить их экономические проблемы в течение года.

Прошли месяцы. Закончился 1968 и начался 1969 год. Однако ничего из обещанного не было выполнено. Новый министр и новый командующий армии, казалось, были более озабочены официальными приемами в посольствах, чем судьбой своих подчиненных. Во время всеобщих экономических затруднений была затрачена огромная сумма — 500 тысяч эскудо на приобретение роскошного особняка для командующего армией.

Во время торжественной церемонии 18 сентября 1969 года военный отряд под командованием майора Артуро Маршала Марчессе и капитана Ниерааде при отдаче почестей президенту республики Эдуарду Фрею несколько нарочито замешкался. Это было первое проявление открытого неподчинения. И 21 октября произошло Такнасо.

Когда спустя 24 часа мятежный генерал Роберто Вио покинул полк «Такна», правительство приняло решение о значительном улучшении материального положения всех военнослужащих Чили и опять-таки о смене министра обороны и других крупных военачальников в вооруженных силах. Генерал Вио приобрел естественно большие симпатии в среде чилийских военных, получивших материальную выгоду благодаря его неподчинению властям.

Именно в это время Шнейдер прибыл из Пунта-Аренаса, чтобы возглавить армию. Он намеревался восстановить единство в армии и понимал, что для этого необходимо действовать очень осмотрительно. «Лучше сразу же забыть об этих делах», — сказал он о восстании полка «Такна», узнав о своем новом назначении.

Что касается Вио, то первые слова Шнейдера о нем были осторожными: «Он был прекрасным военным, хотя его действия я не одобряю». «Он не выполнил своего воинского долга», — позднее добавил он. Что же касается армии в целом, то новый командующий заявил:

«Болезнь пока не зашла далеко. Армия уже в течение многих лет переживает трудности. Эти трудности имеют давние корни. Я не обвиняю правительство. Ни одно из правительств».

С этого момента командующий Шнейдер начал последовательную и спокойную работу по разъяснению своих позиций. Он объехал всю страну, посещая различные ча-

сти вооруженных сил. Он встречался с офицерами и младшими офицерами.

На пресс-конференции он сказал: «Мы попытаемся должным образом улучшить снабжение частей. Это очень важный фактор. После этого, а также после урегулирования заработной платы военнослужащие будут находиться в более спокойной обстановке, благоприятствующей для выполнения своего профессионального долга».

Руководство армией перешло в руки молодых и энергичных генералов и офицеров во главе со Шнейдером, которому было в то время 54 года.

Однако в то же время генерал в отставке Роберто Вио, который находился под следствием, объявил «войну», атакуя всевозможными публичными заявлениями, которые касались главным образом политических вопросов. В одном из своих заявлений генерал «Такны» попытался обосновать «законность» восстания, которое он возглавлял. На это новый командующий армией 5 января 1970 года энергично ответил, окончательно определив в своем ответе доктрину Шнейдера: «Считать, что можно захватывать казармы в нарушение распоряжений законной военной власти и склонять к этому своих подчиненных, а после доказывать, что это «законный и справедливый акт» или «крайнее, но неизбежное средство», — это заблуждение, которое не наблюдалось доселе в нашей армии, это преступный произвольный акт против нашей традиционной дисциплины. Каждый военнослужащий, сознающий свой долг и свою миссию в отношении нации, понимает, что выполнение целей и желаний, какими бы справедливыми они ни казались, путем преступных, противодисциплинарных актов, направленных против той власти, которую мы обязаны защищать, защищать ее суверенитет и установленный режим, не может быть законным и является нарушением доверия государства к армии. Это ясно определено законодательным и юридическим порядком и, это главное, является доктриной чести всех военнослужащих».

В те дни уже началась решающая борьба за место президента республики, которая закончилась девять месяцев спустя выборами 4 сентября. В ходе этой борьбы доктрина Шнейдера превратилась в один из решающих факторов.

На Чили было обращено внимание континента и всего мира. Сальвадор Альенде, кандидат блока Народного единства, этого широкого представительства левых сил, начал предвыборную кампанию за пост президента, соперниками в этой борьбе были представитель правых сил Хорхе Алессандри и правительственный кандидат от Христианско-демократической партии Радомир Томич.

В начале 1970 года Шнейдер вылетел в Мендосу (Аргентина) на протокольную встречу с генералом Алехандро Лануссе, командующим аргентинской армией и влиятельным человеком военного режима этой страны. В аэропорту Плумерильо оказалось, что из официальных лиц его никто не встречал. Он резко реагировал на это и заявил офицерам, ожидавшим его: «Я немедленно возвращаюсь в Чили». Последовали срочные телефонные разговоры, и через несколько минут появился Лануссе, принеся свои самые глубокие извинения.

В последовавших за этим беседах командующий аргентинской армией всячески пытался перевести разговор на тему чилийских выборов с плохо замаскированной целью добиться согласия генерала на отказ поддерживать вооруженными силами Чили возможное возникновение «марксистского правительства». Шнейдер столь энергично ответил на это, что отбил охоту у своего собеседника продолжать разговор на подобные темы.

7 мая 1970 года командующий чилийской армией в заявлении, опубликованном в газете «Меркурио», подтвердил верность вооруженных сил конституционному режиму. Он также сказал, что чилийская армия «является гарантией нормальных выборов и президентом республики станет тот кандидат, кто будет выбран абсолютным большинством народа или назначен конгрессом в случае, если никто из кандидатов не получит больше 50 процентов голосов». Отвечая на новые вопросы журналиста о возможной последней ситуации, он сказал: «Я подчеркиваю, что наша доктрина и задача — это поддержка и уважение политической конституции государства. Согласно конституции, конгресс является хозяином и сувереном в подобных ситуациях, а наша задача заключается в том, чтобы заставить уважать его решения».

За этими заявлениями Шнейдера последовали самые сильные атаки на него со стороны правых сил — сторонников Алессандри, главным образом со стороны сенатора

Хулио Дурана из Радикально-демократической партии. Правые думали в тот момент, что победа уже в их руках, и поэтому обвиняли Шнейдера в том, что своими заявлениями он призывает демохристиан и членов блока Народного единства объединить свои голоса в конгрессе в поддержку кандидата, который не получит большинства голосов, будь то Альенде или Томич.

Руководство редакции газеты «Меркурио» добавило ко всему этому грязную инсинуацию о том, будто генерал добивался встречи с корреспондентом этой газеты, дабы навязать свое мнение относительно голосования в конгрессе.

Этот инцидент не мог не повлиять на отношения командующего к правым.

Кроме всего прочего, в этот момент избирательной кампании Шнейдер отдавал себе полный отчет в том, что развитие выборов требует не только строгого соблюдения юридических норм, но и имеет чрезвычайно важное значение для социального развития страны.

Командующий понимал, что родина его нуждается в изменениях и эти изменения неизбежны. Об этом не раз говорили в его семейном кругу. Двое из его четырех детей, Рауль — художник и Рене — журналист и сотрудник телевидения, активно работали в избирательной кампании в пользу кандидатуры Альенде. Рене вступил в МАПУ, одну из шести организаций, входящих в блок Народного единства.

4 сентября Альенде получил на выборах относительное большинство голосов, вторым по числу голосов шел представитель правых Хорхе Алессандри.

На следующий день во время завтрака, когда за столом сидела вся семья, Шнейдер сказал: «Я дал слово и исполню его. Я сказал, что буду защищать конституционные правила, и буду стоять на этом до конца. Потому что здесь речь идет о том, чтобы защищать кандидата, которого поддерживает определенная часть населения».

Несколько раз командующий встречался с генералами, перед которыми излагал свою конституционную доктрину. Он просил также высказаться тех, кто с ним не согласен. Таких не оказалось.

В середине декабря на церемонии награждения его Крестом сухопутных войск Венесуэлы генерал изложил в небольшой речи свои взгляды на роль, которая отводит-

ся вооруженным силам, когда в стране назревают изменения.

«В борьбе, которая является частью жизни наших народов,— сказал он,— вооруженные силы, будучи составной частью самого общества, живут той же жизнью, что и само общество. Их также касаются происходящие изменения, но с учетом их структуры и той доктрины, коя присуща им как военному организму. Однако, несмотря на эти необходимые изменения и эволюцию, вооруженные силы находятся в особом положении, потому что, как правило, содействуют успокоению умов и уменьшению страстей, так как они поддерживают конституционную структуру и правительства, проводящие в жизнь эти изменения, делая все это с абсолютным спокойствием и твердостью».

Эти слова были сказаны генералом за 10 дней до дождливого утра в четверг 22 октября 1970 года.

Именно в эти дни командующий рекомендовал другим генералам ежедневно менять маршруты своих поездок на работу в целях предосторожности. Однако сам генерал Шнейдер не менял своего маршрута, по которому вот уже в течение года каждый день ездил на работу в министерство обороны.

4. ТРЕНИРОВКИ

Красный джип быстро катил по направлению к верхней части города под редким дождем.

Встреча была назначена на 6.30 на улице Витакура, в уединенном районе Ла-Пирамиде, недалеко от ресторана того же названия и аэродрома Ло-Кастильо.

Северино и его компаньон знали, что, если они опоздают, им придется выслушать жестокий нагоняй от Гильберто.

Разговаривали они мало.

«На этот раз нам нельзя прошляпить», — сказал Северино.

Его компаньон ответил: «Не можем. Дон Роберто приказал передать, что сегодня последняя возможность, завтра уже будет поздно».

На этот раз они нервничали меньше. Они начинали чувствовать, что в той необычной жизни, которую они

вели уже несколько дней, выработался привычный ритм. Они без конца переезжали с одного места на другое в разных машинах, чтобы осуществить то дело, которое, впрочем, может никогда и не произойти. Они даже не помнили, сколько автомашин сменили за последнюю неделю.

Они получили джип прошлым вечером у многолюдного входа в «Ла Сирену» на улице Ираррасаваль, в районе Викунья Макенна, сразу же после генеральной репетиции.

Репетицию проводили в полночь в районе Лос-Доминикос. Гильберто так рьяно руководил репетицией, что его попросили замолчать, поскольку проснулись соседи. Целью тренировки была машина марки «опель», в задачу же других машин входило окружение ее и оставка.

Используемый «опель» принадлежал генералу в отставке Мартинесу Амаро.

В представлении Северино и его компаньона все уроки и репетиции покушения смешались в кучу. На этот раз они, кажется, представили себе, как все будет на самом деле.

Первая попытка была сделана три дня назад, в понедельник, 19 октября.

В тот день Гино созвал всех членов группы в дом по улице Терранова, 264, принадлежащий одному из родственников генерала Мартинеса Амаро.

Организаторы строго-настрого приказали называть друг друга только вымышленными именами. Северино находил это смешным, потому что все хорошо знали друг друга. Например, он знал, что Гино — это Хорхе Лагос, он занимается торговлей фруктами и является компаньоном воздушной Магальянской линии. Он знал каждого из участников встречи на улице Терранова. Гильберто — главарь — в действительности был Луисом Гальярда, которого он знал как руководителя александритского легиона в квартале «Кафедральный собор 1900». После победы Альенде на выборах эта группа стала называться «Независимый республиканский фронт» и возглавил ее генерал в отставке Эктор Мартинес Амаро. На сборище в четверг также присутствовал Диего Давила Бастеррика, гражданский конструктор и известный наци, организатор шумевшего в 1957 году бегства аргентинского перониста

Гильермо Падрино Келли из тюрьмы Сантьяго, сейчас превратившегося в первого подручного дона Роберто. На встречу прибыли также торговец фруктами Карлос Сильва Доносо, известный под кличкой Маурисио, Серхио Топерберг; низкорослый шофер Марио Берриос — крошка Марио; Нельсон — Хорхе Медина. Кроме того, там же находился Карлос Лабарка (Роберто), компаньон Северино.

После окончания репетиции на улице Терранова ее участники получили общий приказ перебазироваться на улицу Диагональ Ориенте в дом дона Роберто. Его молодой шурин Рауль Игуальт Осса в этом доме распределил между членами группы ключи от семи автомашин с указанием места их расположения. К группе присоединился 23-летний студент Аллан Купер Адамс.

Из дома дона Роберто все, согласно приказу, направились на перекресток улиц Америго Веспуччи и Дель Инка. В машинах было оружие, боеприпасы, взрывчатка.

5. ПРАЗДНИК ГЕНЕРАЛОВ

Командующий провел этот вечер в приятной обстановке.

Генералы, которые были не только подчиненными, но и друзьями командующего, решили дать в его честь ужин по случаю годовщины со дня его назначения на этот пост.

В действительности до годовщины не хватало еще пяти дней. Точная дата приходилась на субботу 24 октября, однако этот день по очень важной причине не мог быть днем проведения банкета. 24 октября, в субботу, конгресс должен был подтвердить назначение президента республики путем голосования двух кандидатур, получивших относительное большинство: победителя Сальвадора Альенде и Хорхе Алессандри.

Вокруг заседания конгресса разгорелись опасные страсти, проявлявшиеся уже не раз в последние годы, и поэтому генералы решили поторопиться с чествованием своего начальника. Ужин должен был состояться в роскошном особняке на улице Президента Эррасуриса, приобретенного предшественником Шнейдера, однако сам

Шнейдер по этическим соображениям никогда им не пользовался.

Перед тем как направиться на торжество, генерал поговорил по телефону со своим младшим сыном Виктором, кадетом Военной школы. Был как раз час, когда занятия окончились, и отец послал за ним свою служебную машину с шофером — голубой «мерседес-бенц».

Машина опаздывала. А командующий договорился с генералами, что захватит некоторых из них по дороге. Поэтому он не стал дольше ждать и выехал из дома сам со своей женой Элизой на собственном «опеле» светло-зеленого цвета.

Вечер прошел в веселой и дружеской обстановке, почти так, как это бывало в хорошие времена в Военной школе или в самом начале карьеры. Не говорили ни о конгрессе, ни о черных тучах, сгустившихся на горизонте в решающий момент развития Чили.

Встреча продолжалась дольше намеченного времени и окончилась в 2 часа утра.

Отсутствие корреспондентов и официальных условностей способствовало созданию сердечной обстановки. Встреча носила частный характер. Это облегчило и принятие мер безопасности, которые принимались в последние дни для охраны генералов и высших офицеров армии.

Никто, кроме участников встречи и очень небольшого числа лиц, не знал об этом ужине.

Когда командующий уходил, ему крепко пожимали руки и поздравляли. Уже у двери его обнял генерал Камилло Валенсуэла, начальник гарнизона Сантьяго.

6. КОТ И МЫШЬ

Северино хотел есть и пить.

Неподвижность была невыносима для него, а этим вечером он уже три часа сидел на переднем сиденье автомобиля, не имея возможности разогнуть ноги.

Семь машин были расположены согласно плану. Одна из них зажигала фары в случае подачи сигнала.

В этот час на улицах было мало машин.

Иногда Северино думал, что не должен был принимать приглашения «адвоката» — так называли студента четвертого курса факультета права, мужа его двоюродной сестры, Хуана Энрике Прието — стать членом группы, которая после выборов собиралась в помещении александритского легиона.

Однако 70 эскудо, которые он ежедневно получал за свои услуги, кое-что значили. Кроме того, его связи с членами группы помогли ему познакомиться с Карлосом Аравеной, сыном владельца закусочной «Ла Сирена», и теперь там с него не брали денег за еду.

Северино льстило также, что его новая деятельность помогает ему наладить впервые в своей жизни связи с важными лицами. Пройдет еще немного времени, и эти люди будут держать Чили в своих руках. Тогда и другие услышат о нем, все те, кто начиная с его рождения — 28 лет назад, в нищенском квартале Лота Бахо — презирали и унижали его не один раз.

Дон Роберто был с ним очень снисходительным. Он не спрашивал о его прошлом, как это делали все остальные, когда он просил работу. Старая история в Пунта-Аренасе и год, проведенный им в заключении за кражу пишущей машинки, более уже не мешали ему жить.

Наоборот, дон Роберто остался довольным, узнав о его умении пользоваться приемами японской борьбы карате, которым он научился в Рио-Гальегосе, в то время когда решил попытать счастья в Аргентине. Похоже, что его атлетическое сложение, определенный опыт в обращении с оружием и опыт работы частного детектива вызвали к нему доверие у донна Роберто, у Давилы и Гильберто — химика Луиса Гальярдо.

На встречах членов спецгруппы Гальярдо и Лабарка говорили о том, что нужно добыть оружие для охраны донна Роберто. На эти встречи приходили также юноши, находившиеся на гораздо более высокой ступени социальной лестницы, чем сам Северино. Среди них были коренастый Хулио Искьердо Менендес (Эрасмо), его брат Диего (Тадео), а также худой и всегда нервничающий Хуан Луис Бульнес (Леонардо). На этих встречах он познакомился также с Борисом Равестом (Кустодио), одним из ответственных служащих фирмы «Ликорс Митханс», с Фернандо Крузатом, с Луисом Уртадо, с Рекеной,

с фернандо Япуром и с гринго Андресом Уидоу, который специально приезжал на встречи из Вальпараисо.

По приказам Гальярдо вооруженный Северино нес в течение нескольких дней охрану в доме дона Роберто по улице Диагональ Ориенте. В этой охране принимали участие члены спецгруппы, которыми руководил Гальярдо, и участники движения «Не предадим Чили» — НЕЧ.

Северино сопровождал также в качестве телохранителя дона Роберто в его поездках. Во время собраний в помещении он ожидал его на улице, в подъездах домов или где-либо по соседству. Эти собрания проводились в разных местах: в одном из домов по авениде Эль-Боске; в конторе Хулио Фонтесильо, шурина дона Роберто, находящейся на улице Уэрфанос; в доме Карлоса Аравены, расположенном на улице Ираррасаваль напротив закусочной «Ла Сирена»; по улице Мак Ивер, дом номер 525, второй этаж — в кабинете окулиста и в других местах.

Однажды, когда Северино стоял на страже у дома по улице Мак Ивер, куда на встречу пришел ультраправый политик Хорхе Прат Эчауррен, он услышал, как дон Роберто, выходящий из дома, удовлетворенно воскликнул: «Наконец-то удалось собрать четырех великих».

С каждым днем события развивались все стремительнее. Наконец был получен приказ о подготовке крупной операции, которая должна была изменить ход всех событий.

И вот настал вечер, когда операция должна была закончиться.

Им сказали, что генералы устроили ужин. Там же до 2.30 ночи находилось семь машин в ожидании сигнала к действию.

Вдали показались огни одной из машин. Северино насторожился. Но нет — это не условленный сигнал. Значит, приближавшаяся машина не могла быть той, которую ждали.

Огни приближались. Северино увидел, кому принадлежит светло-зеленый «опель». Автомобиль медленно катил мимо Северино, и он, ясно увидев через стекло лицо водителя, вскричал: «Там едет старик! Ему удалось проскользнуть. Козел нас обманул. Он поменял машину. Он не использовал «мерседес-бенц».

7. НА КАЗАРМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

Начиная с этой первой неудачной попытки, группа развила бешеную деятельность по организации преследования генерала, а он и не подозревал, что за охотники и сколько их кружит денно и ночью вокруг его персоны.

Члены специальной группы несколько часов спустя, в шесть часов утра 20 октября, были созваны неподалеку от Военной школы. Оттуда они направились к дому генерала, чтобы попытаться проникнуть туда.

Девять автомобилей прибыли в условленное место. Однако отсутствие реального плана действий заставило группу отложить операцию.

Новая попытка была сделана в тот же день. Машины поджидали с 5 часов вечера выхода командующего прямо перед министерством обороны на площади Бульнес, в ста метрах от президентского дворца «Ла Монеда». Генерал появился в 19.00, сел в свой «мерседес-бенц», и машина покатила по Аламеде в верхнюю часть города.

Началось быстрое преследование, во время которого поддерживалась радиосвязь между машинами с членами спецгруппы.

Однако большое движение и скорость, с которой ехал генерал, нарушили движение каравана преследователей. Они готовы были к действиям в любой удобный момент. Он не представился, и попытка снова не удалась.

Этой ночью Северино изрядно повеселился, так что на следующий день, в среду, он проснулся лишь после полудня.

Вместе с Карлосом Сильвой, Маурисио, они пообедали в закусочной «Ла Сирена». В 14.30 вся спецгруппа была в сборе в доме Карлоса Аравены, находящемся напротив закусочной.

Прибыли все. Отдавались последние указания. Дон Роберто только что возвратился из Винья-дель-Мар, его приказания были точными. Операция должна быть проведена на углу улиц Мартин де Самора и Америго Веспуччи на следующий день. Гидо принес план, выполненный на кальке, и объяснил детали.

Был отдан приказ: дом никому не покидать во избежание случайностей. В 19.00 группа перебралась в парк Коусиньо. Прибыло десять машин. Их пассажиры собра-

лись за трибунами и там на земле, постелив газеты, еще раз тщательно проанализировали ход предстоящей операции.

Отсюда члены спецгруппы возвратились в дом Карлоса Аравена. Здесь находились все вместе до ночи, когда они должны были направиться в квартал Лос-Доминикос. Там должна была состояться последняя репетиция, по ходу которой «опель» генерала в отставке Эктора Мартинеса Амаро занял место «мерседес-бенца» генерала Рене Шнейдера, командующего чилийской армией. Гильберто—Луиса Гальярдо — заставили замолчать, чтобы его слишком громкие приказы снова не разбудили соседей.

Всем велели собраться на следующий день, в четверг 22 октября в 6.30 утра в квартале Ла Пирамиде, в Витакуре, чтобы оттуда начать последний путь.

8. ГЕНЕРАЛ ТАКНАСЫ

Все члены спецгруппы знали, что руководителем заговора был дон Роберто. Некоторые, такие, как Северино, узнали его лишь несколько недель спустя после президентских выборов. Другие, наоборот, поддерживали с ним связи с тех пор, как он появился на политической сцене как генерал Такнасы.

Однако судьба отметила Роберто Вио гораздо раньше, чем он поднял известный мятеж.

Внешне непреклонный, суровый, но на самом деле со слабым характером, Роберто Вио, будучи ребенком, восхищался своим отцом генералом Амбросио Вио, приобретшим известность как организатор различных военных переворотов и контрпереворотов, происходивших в период с 1924 по 1932 год. В детские годы Роберто наслушался рассказов о прошлых подвигах своего отца, но в жизни он видел отца, вынужденного зарабатывать себе на существование предоставлением денег под проценты. Это была не та судьба, которой он желал бы для себя, и поэтому он ждал случая заявить о себе во всеуслышание.

Случай такой подвернулся, когда Роберто Вио Марамбио был назначен командиром полка «Калама» в городе того же названия на севере страны. Во время национальной забастовки трудящихся местных шахт правительство

президента Фрея назначило полковника Роберто Вио в феврале 1966 года заместителем губернатора департамента Эль-Лоа, а затем посредником на огромный медный рудник в Чукикамате. В те дни на другом предприятии по добыче медной руды в Эль-Сальвадоре шесть рабочих и две женщины — одна из них беременная — были убиты во время расстрела мирной рабочей демонстрации, устроенного демохристианским правительством.

Полковник Вио завоевал признательность североамериканских хозяев «Чили эксплорейшн компани» своей твердостью, с которой проводил в жизнь приказы правительства, требовавшего возвращения забастовщиков на работу.

Оставляя командование полка «Калама», чтобы занять пост военного атташе Чили в Колумбии, он не забыл в своих заявлениях выразить свою «благодарность всем тем, кто непосредственно или косвенно помогал мне выполнять свои обязанности. Выражаю свою благодарность высшему военному командованию, а также «Чили эксплорейшн компани» за их полную поддержку, всегда вовремя предоставляемую».

Позже, став генералом, Роберто Вио был назначен в северной зоне командиром первой армейской дивизии с месторасположением в Антофагасте.

Это было время, когда в стране заметно проявилась тенденция перегруппировки левых сил. Одно из прогрессивных течений, отошедшее от Христианско-демократической партии, создало Движение единого народного действия — МАПУ, в то время как другая крупная политическая группировка центристов — Радикальная партия — изгнала из своих рядов правое крыло, руководимое Хулио Дураном.

Эта новая обстановка позволила в первые дни октября 1969 года создать координационный комитет Народного единства из представителей партий — Коммунистической, Социалистической, Радикальной, МАПУ, недавно созданной группы Независимое народное действие (АПИ) и Социал-демократической партии. Таким образом, три политические силы наметили основные пути развития политической борьбы, которая привела к решающим президентским выборам 1970 года: демохристианская, подорванная пятилетней деятельностью слабого правительства, правая, укрепленная благодаря этой слабости, и ле-

вая, которая добилась создания самого широкого единства прогрессивных сил за всю историю страны.

Именно тогда генерал Роберто Био поднял восстание в полку «Такна». Для начала он организовал в первой дивизии, которой командовал, кампанию неподчинения. В этих целях он начал активно распространять идеи о необходимости модернизации армии, ее срочном переоснащении и о необходимости повышения денежных выплат военнослужащим. Эти мысли генерал изложил в письме, которое направил президенту республики и которое его помощники размножили и тайно распространили.

Уволенный в отставку, Роберто Био 20 октября 1969 года направился в Сантьяго и на рассвете 21 числа поднял мятеж во главе с группой офицеров полка «Такна». Было ясно, что существовала некая координация движением, так как в то же самое время Артуро Маршалль и экс-капитан Ниераад, два офицера, пониженных в чине из-за того, что месяц назад запоздали с отдачей почестей президенту республики, попытались поднять мятеж в полку «Юнгай» в городе Сан-Фелипе. Без координации генералу, прибывшему с севера страны, было бы невозможно в течение нескольких часов добиться руководства мятежом полка в Сантьяго.

Такнасо — первый мятеж военных с момента неудачного государственного переворота генерала Ариосто Эррера, который 30 лет назад, в 1939 году, поднял восстание в том же полку «Такна» против правительства Народного фронта Педро Агирре Серда, потрясло Чили как землетрясение.

Правительство, которое забыло напрочь все свои обещания улучшить экономическое положение военнослужащих, оказалось в полной растерянности перед движением, которое рассчитывало на широкие симпатии в рядах трех родов вооруженных сил страны.

Однако против этого движения выступили трудящиеся, левые силы, подавляющее большинство чилийцев.

Единый профсоюзный центр трудящихся призвал к национальной забастовке, и к середине дня 21 октября этот призыв был поддержан по всей стране. Рабочие занимали предприятия, служащие — конторы, а крестьяне — имения. Поддержали забастовку студенты и преподаватели университетов. В главных городах организовывались массовые демонстрации.

«Трудящиеся,— говорилось в заявлении КУТ,— студенты, крестьяне и народные политические силы не допустят реакционного переворота и помогут обеспечить достижение истинных целей чилийских трудящихся».

— Наша забастовка направлена не на защиту случайных правительств,— пояснил председатель КУТ Луис Фигероа, выступая на митинге в Сантьяго. — Происходит процесс создания народного единства, вызывающий тревогу у мумий¹.

Правительство немедленно установило полный контроль над средствами связи и радио. Вио не удалось добиться того, чтобы его мятеж поддержали другие части. Окруженный в казарме «Такны», мятежный генерал вынужден был начать переговоры с правительством о капитуляции.

В первые же часы 21 октября руководящие партии, входившие в Народное единство, единодушно осудили мятеж военных. То же сделали руководители КУТ, придерживающиеся различных политических убеждений. Однако позднее стал наблюдаться различный подход к этому событию со стороны представителей различных левых группировок.

Во время двух пресс-конференций, проведенных в казарме «Такна», и в публичном заявлении генерал Вио все время повторял, что «действия, предпринятые сегодня утром различными частями гарнизона Сантьяго, имеют чисто военный, профессиональный аспект». Он провозглашал свою «абсолютную верность его Превосходительству Президенту Республики» и утверждал, что «они не связаны ни с какой политической партией» и «никогда не намеревались выступать против профсоюзов». «Я никакой не горилла и не мятежник», — заявил Вио одному из корреспондентов.

Одновременно из «Такны» посылались эмиссары с задачей наладить контакты с руководителями народных масс и убедить их в том, что Вио принадлежит к левым силам.

Получив приглашение встретиться с Вио в полку «Такна», председатель КУТ Луис Фигероа ответил, что

---

¹ Так называют чилийцы правых политических деятелей.—
Прим. перев.

«чилийские трудящиеся будут проводить свою независимую линию и я не пойду на встречу, так как не хочу умереть, как Вандор», намекая на судьбу одного из перонистских профсоюзных руководителей, который поддержал переворот, приведший к власти в Аргентине генерала Онганиа, а затем был убит из автомата в своей конторе.

Однако, если исходить из перуанского опыта — создания военного националистического и передового правительства, — думали некоторые политические деятели, то подобный путь мог бы открыться и в Чили. В то же время, утверждали они, выступать против движения Вио значило защитить неудачное и антинародное правительство Фрея.

В этой обстановке компартия заняла твердую и последовательную позицию. Она использовала свое решающее влияние на народные массы, чтобы всеми силами содействовать национальной забастовке.

Хотя Вио не раз отрицал какие-либо связи с правыми силами, компартия, не колеблясь, обвинила Национальную партию в поддержке действий мятежного генерала. «Были начаты мятежные действия, цель которых — ликвидация свобод и демократических гарантий, завоеванных рабочим классом и народом», — говорилось в заявлении, опубликованном утром в первые часы мятежа Политической комиссией Коммунистической партии Чили.

Компартия подчеркивала далее:

«Это событие не конфликт ни между гражданскими и военными, ни между правительством Фрея и оппозицией, это угроза, нависшая над родиной, над правом трудящихся идти по пути установления народного правительства.

Мятеж и в дальнейшем государственный переворот могли быть возможными из-за колеблющейся, нерешительной позиции демохристианского правительства по отношению к вечным врагам нашего народа.

Те, к которым проявлена мягкость сегодня, находятся в тени восстания — гражданские генералы государственного переворота.

То, к чему стремятся мумии Национальной партии, среди них имеются и старые наци — расширить рамки восстания, — полностью противоречит законным желаниям всего народа. Государственный переворот не разре-

шит справедливые требования служащих вооруженных сил».

Другими словами, компартия призывала народ обуздать мятежников. Косвенным образом это содействовало спасению правительства, но не для того, чтобы поддерживать его политику, а для сохранения конституционных, демократических гарантий, которые вместе с другими условиями позволяли левым силам развернуть борьбу на президентских выборах в следующем году.

ЦК Социалистической партии оценил обстановку несколько по-другому. Он опубликовал заявление, в котором обвинил демохристианское правительство в том, что своей неспособностью оно создало «вакуум власти». В заявлении отмечалось, что «Социалистическая партия призывает трудящихся не к защите буржуазных порядков, а к мобилизации, чтобы отстоять свои политические и социальные требования, которым угрожает деятельность реакционных сил, намеревающихся использовать военный мятеж в своих целях».

Социалистическая партия указывала, что существующий «вакуум власти» должен быть «заполнен силами народа, выраженными через свои партии и классовые организации».

Однако события более или менее нормализовались с мирной сдачей оружия полком «Такны» утром следующего дня после мятежа. В «акте Такны», подписанном заместителем министра здравоохранения Падрисио Сильвой от имени президента Фрея и генералом Роберто Вио, закреплялись результаты переговоров. Вио слагал оружие, заявлял об уважении к президентской власти, уходил в отставку министр обороны Тулио Марамбио, правительство пообещало срочно разрешить экономические проблемы вооруженных сил, и все участники мятежа привлекались к суду.

А в последующие дни начался самый странный процесс коллективного гипноза, генеральной нейтрализации чилийцев.

Генерал в отставке Роберто Вио, посаженный под домашний арест под честное слово в своем доме на улице Диагональ Ориенте, 1310, делал многословные заявления журналистам, которые его постоянно навещали. Его своеобразное лицо стало часто мелькать в информационных передачах по телевидению. Снимки Делии Игуальт Оссы,

его еще молодой красивой жены, и троих детей оспаривали места самых выдающихся лиц на первых полосах многих газет.

В парламенте, в правительстве, по телевидению, в печати очень немногие определяли восстание, которое поднял несколько дней назад Роберто Вио, как «мятеж» или тем более как «провалившийся государственный переворот». О нем говорили только как о «движении в казарме» или о «профессиональном военном движении».

Это событие описывали в таком роде проамериканская газета «Меркурио», ультраконсервативная газета «Диарио иллюстрадо», а также представители правой национальной партии.

Группа журналистов, издателей журнала «Пунто финаль», хотя и заявляла, что придерживается левых взглядов, поддерживала эту ориентацию. Один из журналистов писал в заметке, опубликованной в вечерней газете «Нотисас де ультима ора»: «Это не был переворот — это была забастовка в защиту своих профессиональных требований». Хотя Чилийский университет ясно выразился в отношении попытки военного переворота, группа упомянутых журналистов распространяла по телевизионному каналу университета, где она пользовалась большим влиянием, специально подготовленную кинохронику, которая приукрашивала мятежного генерала.

В своем номере от 28 октября журнал «Пунто финаль» под заголовком «Затрещала система» широко представил заявления Вио и главным образом его обещания признавать конституционный режим, как и его определение движения, исключительно с позиций профессионального военного.

Компартия и другие левые силы, однако, твердо стояли на своих позициях. В переданном по радио заявлении в эти дни Генеральный секретарь компартии Луис Корвалан отметил: «Нет недостатка в тех, кто пытается заставить поверить, что не было ни мятежа, ни опасности государственного переворота. Эти же самые лица пытаются заставить других поверить, что забастовка трудящихся была ошибкой, что нужно было не мешать упасть правительству. И кроме того, некоторые лица считают, что нужно было поддержать движение военных для того, чтобы создать возможность народу прийти к власти, заполнив им, а не правыми силами то, что некоторые ли-

ца называют «вакуумом», который якобы был создан. Хочу сказать, что мы, коммунисты, придерживаемся совершенно противоположных идей, а не этих прыжков в «вакуум» этой авантюристической политики. И если рабочий класс, как один человек, отозвался на призыв к забастовке, единодушно одобренный всем руководством КУТ, то это произошло, так как он понимает, что путь борьбы за свои права и за достижение рабочим классом и народом власти не имеет ничего общего с путем переворотов и соглашательства с его участниками».

Корвалан добавил: «Хочу подчеркнуть мысль об абсурдности утверждения о том, что не было опасности государственного переворота потому лишь, что никто не признает себя мятежником. По крайней мере в нашей стране участники переворота никогда и ничего не признавали».

«Если мы только примем во внимание социальный состав командных кадров вооруженных сил,— подчеркнул еще через месяц Корвалан, отвечая энтузиастам переворота слева,— военное решение проблемы в лучшем случае могло стать буржуазным решением, возможно новым уроком реформизма, опытом, из-за которого не следует и бороться, потому что заранее известно, что все это не явится революционным выходом, которого хочет народ и в котором нуждается страна».

Фактором, содействующим тому, что некоторые секторы Народного единства не разглядели подлинного лица Вио, была его способность, с которой он сумел в самом начале скрыть свою ультраправую политическую позицию, становившуюся ясной лишь с течением времени.

Были известны поездки некоторых руководителей Национальной партии в Антофагасту в дни, которые и Вио провел в этом городе, но для доказательства прямых связей генерала с правыми силами этого еще недостаточно.

Легко было представить себе интерес североамериканцев к проведению военного переворота, тем более что подобная тенденция была рекомендована для всего континента в докладе Рокфеллера, который был в эти дни опубликован в целях выработки новой политики США в Латинской Америке, но конкретных доказательств прямого участия североамериканских агентов не было.

Несколько месяцев спустя в военных кругах распро-

стравились подробности конкретного предложения, сделанного несколько дней до Такнасы о передаче 700 тысяч долларов одному чилийскому военнослужащему для организации государственного переворота, финансируемого из США. Согласно сообщению, военный сделал вид, что соглашается на предложение, и получил деньги, но будто бы не на подготовку государственного переворота, а на улучшение разведывательной службы армии.

В довольно сложной обстановке дней, последовавших за Такнасой, начался процесс над Вио и другими участниками мятежа.

Генерал в отставке Роберто Вио выступил с серией различных заявлений, положив начало своей политической кампании.

9. ТОСТЫ И ОПТИМИЗМ

«Не принадлежу ни к правым, ни к левым силам: я только военный», — заявил генерал Вио в здании военного госпиталя, где он был задержан и подвергался допросу.

На следующий день он добавил: «Политические партии представляют определенные слои населения. Военные представляют всю страну».

Несколько месяцев спустя, 6 февраля 1970 года, за несколько дней до провозглашения Сальвадора Альенде кандидатом в президенты от Народного единства, более 500 единомышленников устроили чествование Вио в испанском клубе, расположенном по улице Аламеда, в ста метрах от традиционного военного клуба. Открыл собрание генерал в отставке Эктор Мартинес Амаро.

В речи, обращенной к присутствующим и «отсутствующим друзьям и товарищам», виновник торжества заявил, что «положение в стране довольно неутешительное». Он утверждал, что, несомненно, «присутствие вооруженных сил необходимо не для того, чтобы обострить кризис, а для того, чтобы сотрудничать в объединении коллективных стремлений к прогрессу в условиях действительности, свободной от какого-либо философского влияния, от искажений, от экономических, политических и предвыборных интересов, не заниматься дешевой агитацией и ведением бесплодных доктринерских войн... К сожалению, — сказал он, — перспективы предстоящего коң-

ституционного обновления исполнительной власти далеки от того, чтобы назвать их обнадеживающими, кем бы ни был тот гражданин, который в результате выборов займет пост президента республики».

Так по-новому начал представляться перед публикой Вио, который уже высказывался по самым различным национальным проблемам и который неустанно путешествовал по стране, принимая участие в обедах и приемах в честь собственной персоны.

Его имя начало звучать как имя возможного кандидата в президенты, и он сам способствовал распространению слухов, заявив на собрании в Континентальном театре, что «болезнь, которую переживает нация, требует вмешательства хирурга».

30 мая, когда политическая предвыборная борьба между Альенде, Алессандри и Томичем вступила в решающую фазу, на одном из обедов в парке Роседаль на Гран Авениде более тысячи единомышленников аплодировали речи, в которой генерал предложил свои услуги стране, заявив: «Если в будущем случае крайней опасности для республики или невыносимое положение безвластия, хаос или грубые нарушения основных прав оправдают применение права восстания, которое, несмотря на все законы международного государственного права, признает народ, я без колебаний сразу же буду готов оказать содействие в авангарде, не говоря уже о том, что право каждого военного — служить своей Родине».

«Я глубоко убежден, — воскликнул он, — что так скоро, как даже нельзя и подумать, снова возникнет право силы, и наши стремления должны ориентироваться на то, что силы в этом случае будут справедливо и разумно использоваться!»

Именно на этом обеде в парке Роседаль была заложена основа для самого неразумного, варварского использования грубой силы.

10. ОПАСНАЯ ИГРА

Дон Роберто организовал свой штаб, сделав в нем начальником своего тестя, полковника в отставке Рауля Игуальта Рамиреса. Привлек он и своих двух шуринов —

инженера, этакого «голливудского» кавалера Хулио Фонтесильо Рохаса, женатого на сестре, Берте Вио Марамбио, и торговца Хорхе Арсе Браhma, мужа другой его сестры, Инесы Вио Марамбио.

Делиа Игуальт Осса, жена дона Роберто, превратилась по собственному желанию в самую результативную связную движения с общественностью и центральную фигуру на встречах и собраниях женщин, на которые приходили жены военных, которым никакой устав не мог запретить встречаться с женой заговорщика.

Молодому Раулю Игуальту Оссе, брату Делии, поручались менее важные задачи, как, например, хранить в соответствующем порядке ключи от машин, которые могли быть использованы для нападения на командующего армией.

Подобный штат в лице семьи Вио нуждался, естественно, в помещении для своих операций, и оно было найдено на улице Диагональ Ориенте. Дон Роберто занимал там дом под номером 1310, принадлежащий его матери, донье Терезе Марамбио. В доме по соседству, под номером 1342, жили его сестра Берта и его шурин Хулио Фонтесилья, затем под номером 1374 — его сестра Инес и ее муж Хорхе Арсе.

В то время как семья Вио устраивала там свою зону заговора, военные службы разведки и контрразведки организовывали «зону наблюдения», так что для многих детективов и секретных агентов прогуляться на Диагональ Ориенте стало обычным времяпрепровождением.

«Не следует принимать всерьез Вио, потому что он глуп», — обычно говорил командующий Рене Шнейдер. «А что касается его тестя, — добавлял он, — то этот даже не глуп, а просто дурак».

В городке на улице Диагональ Ориенте царила атмосфера, которая соответствовала началу исторического поворота. У дона Роберто и членов его семьи сверкали глаза, когда они думали, что в будущем их ждет слава. Они начинали чувствовать себя властелинами, находящимися в центре всех почестей.

Ослепление было коллективным, и это мешало им считаться по крайней мере с другой возможностью: крахом задуманного дела, который неизбежно приведет семью к окончательному поражению и трагедии.

Любому уравновешенному и спокойному человеку, та-

кому, например, как генерал Шнейдер, достаточно знать немного положение, чтобы понять, что единственное, что может ожидать дон Рoberто и его опереточный штаб,— это полное поражение.

Так и должны были разворачиваться события, если бы не появились в этой игре новые факторы, возникли новые обстоятельства, другие лица, которые увидели в доне Роберто и семье Вио детонатор, способный вызвать гигантский взрыв, который смог бы разнести на тысячи кусков структурные устои чилийского общества.

Поставив себя в подобное положение, «глупец» Вио, его тесть и его шурины превратились в чрезвычайно опасные личности.

А этого генерал Рене Шнейдер уже не смог оценить.

11. ПЛАН АЛЬФА

Когда на выборах в пятницу 4 сентября 1970 года победил Сальвадор Альенде, многотысячные толпы народа вышли на улицы главных городов страны. Во всех рабочих кварталах развевались чилийские национальные флаги.

А в то же время со стен роскошных особняков дрожащие руки торопливо снимали портреты Алессандри и предвыборные лозунги в его пользу, которые еще совсем недавно во множестве красовались в этих домах.

Народ, даже те, кто и не голосовал за Альенде, веселился всю ночь в пятницу, а потом в субботу и воскресенье. Но в стране одновременно созывались тайные собрания, на которых их участники высказывали одну и ту же мысль: «Мы не можем допустить, чтобы Альенде стал президентом».

В воскресенье первые группы молодежи из аристократов прошли по улицам с криками: «Тревога, чилиец: русские стоят у порога!» В понедельник началась финансовая паника. Во вторник появились очереди у медпунктов, где делались прививки лицам, в спешном порядке покидавшим Чили. В среду перед президентским дворцом «Ла Монеда» стояли пикеты роскошно одетых женщин. В четверг все консервативные группы и лица сошлись в одном: просить христианских демократов — членов конг-

пресса отдать свои голоса на пленарной сессии Хорхе Алессандри, занявшему второе место на выборах, в этом случае его можно было бы провозгласить президентом, хотя это было бы беспрецедентным в истории страны, но тогда Чили смогло бы «спастись от коммунизма». Еще через несколько дней начали взрываться бомбы в разных местах страны.

В час паники прежние личные счета, партийные разногласия, расхождения, которые, казалось, требовали неотлагательного решения, были отодвинуты на второй план. «Мы должны объединиться», — всцала правая чилийская печать. «Они должны объединиться», — вторила ей вся империалистическая печать континента и мира.

Гигантская операция — закрыть путь Народному единству и Сальвадору Альенде — готовилась в разных планах: политическом, экономическом, социальном, пропагандистском — в национальном и международном масштабах.

Для защитников режима наступал решающий час, потребовавший использования всех средств.

Наступил час и для грязной работы.

Взоры тогда обратились на улицу Диагональ Ориенте, в квартале Провиденсия, где деятельность не прекращалась ни на минуту.

Пока проходила предвыборная кампания, дон Роберто предпринял активную деятельность по созданию очага заговорщиков вокруг семьи Вио.

Проекты дона Роберто предусматривали два исхода:

а) если победит Алессандри, то основной задачей будет разгром революционных выступлений, организованных Народным единством, которые он считал неизбежными;

б) если победит Альенде, то необходимо с помощью оружия воспрепятствовать его приходу к власти.

Несколько месяцев спустя один из заговорщиков, молодой богач Леон Космельи, подтвердил на военном следствии, что заговорщическая деятельность, приведшая к выработке этого двойного плана, началась намного раньше, примерно с момента Такнасы.

Чествование дона Роберто в парке Роседаль 30 мая способствовало установлению контактов между некоторыми из участников заговора. В парке Роседаль присутствовал, например, промышленник Адольфо Баллас, чья

задача в дальнейшем заключалась в том, чтобы в нужный момент иметь под рукой четырехместный самолет и использовать свои знания гражданского пилота. Он установил контакты с молодым Энрике Арансибиа Клавель, «Эугенио», руководителем группы, которая взорвала десятки бомб в Сантьяго после выборов.

Однако деятельность дона Роберто, которая в течение месяцев не выходила из узкого круга его семьи и публичных чествований, резко изменилась после победы Альенде на выборах.

Начиная с этого дня все, кто намеревался воспрепятствовать приходу к власти Альенде, различными путями, прямыми и окольными, начали активно стремиться к контактам с доном Роберто. Он в свою очередь заметил с удовлетворением, что его попытки войти в доверие к выдающимся личностям, которые раньше поворачивались к нему спиной, сейчас поспешно принимаются.

Так родился крупный заговор.

В ходе проводившихся многочисленных переговоров и встреч вырисовывался неизбежный вывод о том, что без участия вооруженных сил любой план обречен на полное поражение.

И произошло явно отрицательное событие, когда трое или четверо высших военных руководителей, которые в свое время выступили против нарушителей дисциплины и чести вооруженных сил, проявили готовность к сотрудничеству в грязной аванюре под руководством Вио.

Так было положено начало лихорадочной организации военного переворота, который должен был произойти до 24 октября, до дня, когда должно было состояться пленарное заседание конгресса по выборам нового президента, и, как складывались обстоятельства, им мог стать только Сальвадор Альенде.

Заговорщики понимали, что переворот вызовет бурную народную реакцию. Поэтому они наметили организацию вооруженных отрядов из 1000 или 1500 человек в Сантьяго, которые помогали бы вооруженным силам и карабинерам в подавлении огнем и мечом народных выступлений. Другими словами, в Чили могла бы начаться гражданская война.

Быстрые зондажи показали, что первым непреодолимым препятствием для заговорщиков была твердая приверженность к конституционным порядкам командующе-

го армией генерала Рене Шнейдера и командующего флотом адмирала Порты Ангуло. Ловко проведенная интрига привела к устранению последнего. Несколько высоких чинов флота встретились с победившим кандидатом Сальвадором Альенде, адмирал Порты заблаговременно не испросил разрешения на встречу у своего непосредственного начальника, министра обороны демохристианского правительства Серхио Осса Претот.

Президент Фрей предложил адмиралу Порты уйти в отставку и назначил на его место ультраправого адмирала Уго Тирадо Барроса, замешанного в заговоре.

Осталось последнее препятствие — генерал Шнейдер.

Когда один из заговорщиков, Хуан Э. Прието, спросил дона Роберто, почему не предпринимаются усилия для налаживания сотрудничества со Шнейдером, он получил ответ экс-руководителя Такнасы, который не оставил сомнений в непоколебимой твердости командующего армией:

— Стали бы вы пытаться убедить пепельницу, которую держите в руках?

Сначала была предпринята попытка устранить командующего армией политическим путем. Был пущен слух о его секретной встрече с Сальвадором Альенде. Этот слух появился и на страницах вечерней газеты «Сегунда», выходящей в издательстве «Меркурио», но не имел успеха.

Позже в военной прокуратуре участники заговора раскрыли детали, которые позволяют воссоздать ходы и планы заговорщиков. Это долгая история.

В первые же дни после выборов возник план ухода в отставку правительства президента Фрея и замены его военным в качестве первого шага на пути к недопущению прихода к власти Альенде. Причиной отставки правительства мог стать, в частности, финансовый кризис, который вызывали и углубляли крупные предприниматели сразу же после победы на выборах Народного единства. Могло это произойти, скажем, после выступления с речью демохристианского министра финансов Андреса Зальдивар, в которой он в драматических выражениях обрисовал бы экономическое положение страны. Зальдивар произнес свою речь, однако президент Фрей отказался от этой мысли и решил сохранить свое правительство.

Поэтому занялись новыми проектами, в которых в той или иной степени участвовали или фигурировали следую-

щие военачальники: в армии — генерал Камило Валенсуэла Годой, начальник гарнизона Сантьяго, и генерал Эдуардо Арриагада Ласа, командующий третьей дивизии со штабом Консепсьоне; во флоте — командующий, адмирал Уго Тирадо Баррос; генерал Хоакин Гарсиа из военно-воздушных сил, который утверждал, что может привлечь к участию в движении командующего авиацией генерала Карлоса Геррати; в корпусе карабинеров — генеральный директор Висенте Уэрта Селис.

Появились новые планы. Один из них основывался на совместном восстании полка в городе Вальпараисо и моряков. Другой — на восстании полков на юге страны при поддержке флота и авиации. Наконец было решено, что генерал Арриагада восстанет в Консепсьоне во главе своих подчиненных. Затем в Сантьяго будут взяты под стражу четверо самых важных генералов в армии: Шнейдер, Карлос Пратс Гонсалес, Мануэль Пиночет и Пабло Шаффхаусер.

Проект захвата Шнейдера значился у заговорщиков как План альфа. Захват Пратса был назван Планом бета, Пиночета — Планом гамма и Шаффхаусера — Планом дельта.

Командование армией в этом случае выпало бы на долю генерала Камило Валенсуэла — заговорщика, который возглавил бы военную хунту. В нее должен был бы войти также командующий авиацией Карлос Геррати. Руководителей Народного единства предполагалось посадить в тюрьму или выслать из страны, а военная хунта начала бы проводить «националистическую» политику, политику «твердой руки». Фрея отправили бы в эмиграцию, но разрешили бы ему вернуться через шесть месяцев, чтобы выставить свою кандидатуру в президенты при условии участия всех «демократических» сил.

Дон Роберто и начальник корпуса карабинеров генерал Висенте Уэрта Селис каким-либо образом также участвовали бы в новом правительстве.

Детали переворота уточняли на поспешных собраниях. 14 октября в доме адвоката Гильермо Карей Тагле по улице Ренато Санчес, 4154, дон Роберто встретился с генералом Камило Валенсуэлой. В другой раз встречались Камило Валенсуэла, Висенте Уэрта и дон Роберто, при этом шоферами при них были два шурина последнего — Хорхе Арсе и Рауль Игуальт Осса, а также Хорхе

де Солминиак. На следующую встречу по улице Гран Авенида в доме Солминиака пришел правый политический деятель Хорхе Прат, майор Лопес, представитель адмирала Уго Тирадо. На этой встрече изыскивались возможности для контактов с генералом Хоакином Гарсиа из военно-воздушных сил. Затем в доме, принадлежащем сеньоре Ракель Гарссес по улице Авенида Принсипе де Галес, встретились Хорхе Прат, генерал Камило Валенсуэла, адмирал Уго Тирадо, адвокат Гильермо Карей Тагле и, естественно, дон Роберто.

В одной из последних встреч адвокат Карей сказал, что, по его сведениям, некоторые министры относятся с симпатией к движению и что правительство не окажет противодействия военному перевороту, а даже, наоборот, утверждал он, члены правительства откажутся от своих постов и передадут власть хунте во главе с генералом Валенсуэлой.

Позже, во время открытого процесса на военном суде арестованный Диего Давила Бастеррика утверждал в интервью корреспонденту вечерней газеты «Нотисиас де ультима ора»: «Могу сказать, что некоторые члены правительства знали о готовящемся государственном перевороте и лично были согласны с его проведением, считая, что он разрешит проблемы сложного периода в жизни страны».

Бывший генеральный директор карабинеров Висенте Уэрта признавал на военном суде, что участвовал во встречах заговорщиков, но сделал оговорку, что информировал обо всем свое непосредственное начальство. А им был не кто иной, как министр внутренних дел Патрисио Рохас.

Для контактов с генералом Арриагадой в Концепсьоне больше всего подходил аристократ, богач, сенатор от Национальной партии Франсиско Бульнес Санфуэнтес, одна из самых заметных фигур в чилийском парламенте. Согласно более поздним утверждениям Хулио Фонтесильи на военном судебном процессе, сенатор Бульнес добился от генерала Арриагада того, что были обойдены по службе офицеры, связанные с группой дона Роберто. После первой неудачной попытки встретиться, когда дон Роберто не появился в условленном месте, где его ждали Бульнес и сенатор Рауль Моралес Адриасола, сенатор Бульнес встретился в середине сентября в доме адвоката Гильермо

Карей с доном Роберто, который пришел в сопровождении своего шурина Хулио Фонтесильи и своего тестя Рауля Агуальта.

Адвокат Гильермо Карей, который затем убежал в США, играл во всем этом важную роль благодаря своим связям, которые помогали ему иметь контакты с самим президентом Эдуардо Фреем, сенатором Франсиско Бульнесом и доном Роберто.

Кроме того, будучи сыном крупного адвоката и служащего, пользовавшегося абсолютным доверием у североамериканской «Анаконда компани», имеющей значительные интересы в Чили, Гильермо Карей был именно тем человеком, который мог разрешить проблему международных связей и проблему поддержки движения из-за границы средствами и оружием.

С большим трудом, но, может быть, когда-нибудь история установит, в какой степени и что именно могли знать члены правительства президента Эдуардо Фрея о заговорщической деятельности.

Известно лишь то, что имена президента Фрея и некоторых его министров: внутренних дел — Патрисио Рохаса, финансов — Андреса Зальдивара, обороны — Серхио Осса Претота, экономики — Карлоса Фигероа — не фигурировали во время процесса в военном суде.

Для членов семьи Вио становилось ясно, что дон Роберто может стать при новом режиме сильным человеком, а может быть, как об этом высказался помещик Луис Винет Льямасарес на судебном процессе, стать не кем иным, как президентом.

Однако любому здравомыслящему политическому деятелю было ясно, что дон Роберто, человек без престижа и авторитета, никогда не смог бы управлять Чили — страной с сильными историческими традициями. Для тех, кто знал неприветливый, колеблющийся характер и определенные аспекты семейной жизни Камилло Валенсуэла, также было понятно, что это не тот человек, который смог бы павести «твердый» порядок на чилийской земле.

Представители крупного иностранного и чилийского капитала и их политические агенты хотели не мытьем, так катаньем добиться того, к чему стремился дон Роберто и его люди. Они считали, что, закрыв путь Народному единству к власти, они оставят возможности для новых политических маневров, в результате которых они

смогут снова появиться на политическом горизонте как деятели высокого полета. Для этого им нужно было подтолкнуть развитие событий, избегая запачкать руки и опасаясь огласки.

Именно поэтому идея переворота с целью положить конец хаосу, который могли бы вызвать подопочные дона Роберто, витала в воздухе.

Адмирал Тирадо — человек с хорошей выправкой, немногословный, с крутым нравом — возмущался медлительностью, с которой разворачивались события, а также постоянными внесениями изменений в планы. Особенно его возмутила встреча, устроенная на курорте Реньяка, на которой говорилось о возможности восстания на флоте без предварительной консультации с ним. Поэтому он довел до сведения дона Роберто поспешный ультиматум в следующих словах: «Хватит собраний; теперь каждый должен выполнять свой долг».

И среди обязанностей, которые должен был выполнить один из заговорщиков — генеральный директор карабинеров, был долг устранить пост, охранявший генерала Шнейдера и его дом, или приказать карабинерам не мешать взять генерала в его собственном доме.

Так на этом уровне были отменены планы захвата четырех генералов и было решено действовать только против одного командующего.

Для этого был выбран день: понедельник, 19.

Однако для выполнения Плана альфа требовалось добыть оружие.

12. ПЯТЬСОТ АВТОМАТОВ

Тайный ввоз оружия в Чили осуществлялся в больших размерах в первую половину 1970 года, но начиная с июля цена на один пистолет, карабин или автомат подскакнула до небес и было очень трудно приобрести хотя бы одну коробку патронов.

Луис Гальярдо, руководитель спецгруппы, получил от дона Роберто в первые же дни деньги на приобретение автоматов по 5 тысяч эскудо за штуку, которые продавал помещик и маклер на бирже Николас Диас.

Но дону Роберто нужно было оружие в больших количествах. Он поручил выполнить эту задачу группе богатых аристократических молодчиков. Оружие поступало из-за границы, и в его получении решающую роль играл сенатор Рауль Моралес Адриасола, член Радикально-демократической партии.

Таким образом, различные сферы деятельности дона Роберто и его семьи Вио можно обозначить так:

- 1) контакты с военными;
- 2) спецгруппа, руководимая Луисом Гальярдо;
- 3) команда террористов во главе с молодым Энрике Арансибиа Клавель (Эугенио). Из этой группы трое были арестованы, но необъяснимым образом выпущены на свободу по распоряжению министра юстиции Абрахама Меерсона. Это позволило двум из них — руководителю радикально-демократической молодежи Энрике Шильдингу и Луису Гонсалесу Гутьерресу — убежать за границу. Эта же группа пыталась переложить свою вину за террористические акты на левые силы, оставляя с этой целью в местах, где они подкладывали бомбы, листовки с подписью: «рабоче-крестьянская бригада»;
- 4) группа молодых аристократов, которая занималась добыванием оружия, а позже приобрела машины для захвата Рене Шнейдера;
- 5) политические контакты, осуществляемые главным образом адвокатом Гильермо Карей Тагле и самим доном Роберто.

Одновременно вся эта деятельность переплеталась с действиями, которые осуществляли две ультраправые организации, созданные в это же время:

а) секретное движение «Не предадим Чили» (НЕЧ), которое было создано еще до выборов, в августе, на встрече в клубе, расположенном на улице Санта-Роса де Лас-Кондес. В ней участвовали адвокаты Густаво Валенсуэла Салас, Серхио Миранда и другие лица;

б) движение «Родина и свобода» не секретного характера во главе с адвокатом Пабло Родригесом, созданное несколько дней спустя после победы на выборах Альенде с целью организации массовой мобилизации сил, выступающих против его прихода к власти.

Однако в 70-е годы не было ни одного непредставительного заговора, в котором не участвовали бы заговорщики, владеющие роскошными отелями, пьющими

виски на исключительно для них устроенных приемах, пользующиеся скоростными автомобилями или летающие на самолетах, приземляющихся на тайных аэродромах.

Возможно, что именно поэтому после выборов Хулио Фонтесилья установил контакты со скотовладельцем Хулио Боучоном Сепульведа, хозяином поместья «Винья Педеуе» в зоне Сан-Фернандо и собственником, в свои 28 лет, двух самолетов («пишпер адтека» и «бонанса»), одного автомобиля «пежо» последней модели, спортсменом, молодым супругом, недавно женившимся на красивой аристократке Ракель Лион Осса, и основателем в провинции Кольчагуа, еще в бытность студентом факультета агрономии, местного отделения антикоммунистической организации крайне правых сил, названной «Свободное Чили».

Боучон вступил в группу, которой было поручено добыть оружие, необходимое для государственного переворота. В эту группу вступил также инженер-агроном Луис Винет Льямасарес, владелец имения «Онтарио» в провинции Мальеко, член аристократического клуба, двоюродный брат капитана Гильермо Хара Льямасарес из гусарского полка, с помощью которого он установил контакты с группой дона Роберто.

К ним присоединился и Леон Космелья Перейра 24 лет, сын одного из самых крупных помещиков в провинции Айсен и хороший знаток района Марчитуз, выбравшего для приземления самолетов с оружием.

В группу входили также Уидоу (гринго) — юноша из Вальпараисо, который также был членом спецгруппы, и Адольфо Бальянс Остергаард, промышленник 41 года, женатый на Сонии Марчессе Миранде, двоюродной сестре майора Артуро Маршалль Марчессе, энтузиаста — последователя дона Роберто со времен Такнасы. Бальянс предоставлял свой джип «лендровер» для террористической группы, которая после 4 сентября в разных районах Сантьяго бросала бомбы. Кроме того, ему было поручено достать в нужное время четырехместный самолет в авиаклубе в Сан-Фелипе, членом которого он был, для переброски в тайное место генерала Шнейдера после его захвата.

Наконец, следует сказать и об адвокате Гильермо Каррей Тагле, одном из самых активных участников всех

планов заговорщической деятельности; он, чтобы не показалось, что сделал мало, предложил использовать свой самолет «Чероки 180».

26 сентября Бальянс повез на своем джипе террориста Эрике Арансибиа, Эугенио, в место, называемое «Пасо Ла Калавера» по дороге на Мелипилью, где они должны были на взлетной дорожке забрать груз динамита с прилетевшего самолета. Поломка в машине стала причиной опоздания на встречу, однако Арансибиа дождался и на этом же месте несколько дней спустя забрал взрывчатку.

В начале октября Боучон вместе с женой находился в своем номере отеля «Каррера Шератон», когда ему позвонил Хулио Фонтесилья и пригласил к себе домой, где уже находились Гильермо Карей, Леон Космелли, Хорхе Арсе, его жена Инес Вио и Берта Вио де Фонтесилья. В этом обществе обсуждалась необходимость ввоза в страну из Аргентины 500 автоматов для отрядов, которые должны поддержать государственный переворот.

На той же встрече Фонтесилья информировал, что покупку оружия финансирует чилийский богач, проживающий в Венесуэле и заинтересованный в том, чтобы Чили не попало в руки марксистов, а также попросил Боучона предоставить свои самолеты для перевозки груза.

Хорхе Арсе пригласил Боучона на следующий день на встречу, которая состоялась в номере на третьем этаже отеля «Крильон». На нее пришли в первый раз сенатор Рауль Моралес Адриасола — представитель радикал-демократов и чилийско-венесуэльский финансист Хосе Олалкиага. Во время встречи, как показал позже на судебном процессе Боучон, сенатор Моралес два раза говорил по телефону о «товаре», принял господина 50 лет с уругвайским или аргентинским произношением, с которым говорил в соседней комнате.

Олалкиага, чилиец в возрасте 41 года, очень давно покинувший свою родину, сразу же после выборов внезапно появился в Сантьяго. Он представился как приверженец Христианско-демократической партии Чили и одновременно выставлял напоказ свою дружбу с венесуэльскими демокристами из партии президента страны Рафаэля Кальдеры. Он занимал должность чилийского консула в Лос-Текес, небольшом городке вблизи Каракаса — столицы Венесуэлы, и путешествовал с официальным чи-

лийским паспортом, который, по его словам, прислал ему президент Фрей.

Проинтервьюированный корреспондентом венесуэльской газеты «Вердад» сразу же после выборов и перед своей поездкой в Чили, Олалкиага с энтузиазмом высказался за переворот чилийских военных, отметив, что «многие из этих офицеров должны понять, что небольшое нарушение конституции во много раз предпочтительнее, чем полный обход ее со стороны Коммунистической партии».

Сенатор Рауль Моралес Адриасола и Хосе Олалкиага установили контакты друг с другом после выборов.

Одновременно сенатор Моралес Адриасола связался с заговорщической группой на улице Диагональ Ориенте через своего друга, бывшего дипломата Маршала Ривера Марамбио, двоюродного брата дона Роберто, — снова семья Вио! — в чьем доме впервые встретился с Хорхе Арсе для разговора об оружии. Таким образом, сенатор Моралес стал связующим звеном между финансистом, прибывшим из-за границы, и центральной ячейкой заговора.

На встрече в отеле «Крильон» было условлено, что на следующий день полетят в Буэнос-Айрес Олалкиага и Боучон на самолете «Пишпер». Путешественникам, к которым присоединилась жена Боучона, на аэродроме «Лос-Серрильос» были устроены проводы представительной группой из сенатора Рауля Моралеса, террориста Энрике Арансибиа, Хорхе Арсе, Леона Космельи и Луиса Винета.

Однако нелетная погода помешала путешественникам пересечь Кордильеры, и они должны были вернуться в Сантьяго.

Олалкиага и Боучон возвратились в отель «Крильон». Известили сенатора Моралеса, и через несколько минут он появился собственной персоной. В их присутствии Моралес позвонил в посольство Аргентины, как об этом заявил впоследствии на суде Боучон. Он звонил, чтобы получить два билета до Буэнос-Айреса на аргентинских авиалиниях, потому что на все полеты билеты были уже проданы. Боучону показалось, что представитель посольства, с которым говорил Моралес, знал об истинных целях поездки.

На следующий день автомобиль сенатора Моралеса Адриасолы, за рулем был он сам, отъехала от отеля «Крильон» по направлению к международному аэропорту Пуэдауэль. В автомобиле находились: Моралес, Боучон и

Олалкиага. Билеты на аргентинских авиалиниях были зарезервированы на имя Олалкиаги и Моралеса, а так как вместо сенатора летел Боучон, билет был исправлен в самом аэропорту. Хулио Боучон заплатил за билеты из своего кармана. Самолет должен был задержаться, так как они прибыли в аэропорт с опозданием.

По прибытии в Буэнос-Айрес Олалкиага позвонил с аэропорта своему знакомому Торресу, служащему федеральной полиции. Остановились они также в отделе «Крильон». Там встретились с Торресом, который сказал, что есть возможность купить краденое оружие. На следующий день появился человек лет 60, высокого роста с голубыми глазами, который сообщил Олалкиаге о невозможности совершения сделки. В другой раз Олалкиага связался с оружейными магазинами, где предложили ружья калибра 22, неподходящие для задуманного дела.

Боучон и Олалкиага возвратились в Сантьяго, ничего не добившись. Когда этой же ночью молодой помещик сообщил Фонтесилье о результатах поездки, шурин дона Роберто категорически заявил, что «без оружия мы не сможем ничего сделать».

Было уже 10 октября 1970 года. Оставалось только две недели до пленарного заседания конгресса.

Но вдруг появилась новая возможность.

Суббота, 10 октября. Фонтесилья сообщает Боучону о возможностях доставки партии оружия, которое прибудет самолетом через Панаму в понедельник, 12 октября, вечером. Ответственным за эту операцию был адвокат Гильермо Карей.

Воскресенье, 11 октября. Утром Хулио Фонтесилья звонит Боучону в отель «Каррера» и немедленно приглашает прийти к себе домой. Он просит указать место для приземления самолета, который привезет оружие. На встрече присутствовал Хорхе де Солминиак.

Вечером Боучон навещает своего больного родственника Антонио Орпитса и покидает его в тот момент, когда там появляется Хулио Фонтесилья.

В этот же дом прибывают для обсуждения деталей террорист Энрике Арансибиа и Леон Космелли. По телефону звонит Карей и сообщает, что дата прибытия оружия переносится.

Понедельник, 12 октября. Утром встречаются Гильермо Карей и Хулио Боучон в доме Фонтесильи. Оттуда

они направляются в аэропорт Тобалаба, откуда вылетают на самолете Карей «Чероки 180» в район Пеньюэлас и Марчигуэ. Они приходят к выводу, что имение «Сан Хосе де Марчигуэ» является самым лучшим местом для приема самолета.

В два часа дня в доме Фонтесильи встречаются Карей, Бальянс, Уидоу, Боучон и Винет. На короткое время появляется дон Роберто. Они решают доставить оружие с места приземления на двух грузовиках, которые добудет Бальянс в Сан-Фелипе, а затем перевезут его в подвал, который укажет им Фонтесилья.

Вечером в районе Витакура в доме тещи Боучона они встречаются снова. Оттуда в автомобиле Луиса Винета выезжают Космели, Уидоу и Бальянс для разведки дороги, по которой повезут оружие. Они возвращаются под утро и снова на короткое время собираются в доме тещи Боучона.

Вторник, 13 октября. Винет и Бальянс совершают новую поездку в целях разведки дороги. Дон Роберто, Боучон и Фонтесилья встречаются в доме последнего. Дон Роберто сообщает, что генеральный директор карабинеров Висенте Уэрта передаст пропуск для проезда грузовиков с оружием или пошлет двух своих офицеров для их сопровождения. Уходит дон Роберто. Появляется Гильермо Карей, который затем снова уходит. Вновь появляется Карей и сообщает, что все пропало: оружие не придет.

13. ПЛОХИЕ ДРУЗЬЯ

После провала последней попытки Хулио Боучон совсем пал духом. Это видно из протокола его допроса, когда он был арестован. Мнение Боучона о других заговорщиках содержится в документах следствия, предоставленных в распоряжение военного суда.

В этих документах имеются следующие заявления Боучона, зафиксированные протокольным языком: «Используя предоставленную мне возможность, заявляю: вся эта сумятица по поводу того, прибывает оружие или не прибывает оружие, будет оказана помощь со стороны США или она не будет оказана, может быть объяснена

тем фактом, что силы как внутри страны, так и за рубежом в действительности не хотели военного переворота, а стремились лишь к тому, чтобы все шло конституционным путем и конгресс избрал бы сеньора Альенде президентом. Образованное таким образом правительство, как того хотело большинство, по многим причинам вызвало бы серьезный экономический кризис. Такое правительство провалилось бы. Возможно, что провалу содействовала бы иностранная интервенция, предположитель-но со стороны Аргентинской республики».

На своих встречах, а позднее на допросах в ходе следствия заговорщики не раз говорили о необходимости «спасения родины от марксизма и коммунизма», о желании образовать «сильное, националистическое» правительство.

Однако показания Боучона свидетельствуют, что весь этот «национализм» зиждется на предполагаемой иностранной интервенции.

Слова Боучона свидетельствуют также об упадке духа у подручных дона Роберто, увидевших, что предложения о поддержке, поступавшие со всех сторон, не претворяются в конкретные дела.

В момент развязки семья Вио и ее самые близкие приверженцы снова оказались в одиночестве, как это было в начале заговора.

Члены группы понимали, что деньги, которые предлагал Олалкиага, не были его собственными. И хотя они предпочитали не задавать много вопросов, по общему мнению, чилийско-венесуэльский промышленник был лишь посредником, находящимся на службе госбезопасности США, которая не могла не внести свою лепту в заговор. Они также понимали, что связи сенатора Рауля Моралеса в Аргентине не ограничивались кругом частных лиц.

Когда позднее Гильермо Карей говорил об аргентинском или парагвайском оружии, которое должно было прибыть через Панаму, никто не сомневался, что это странное объяснение было попыткой прикрыть участие США в отправке этого груза.

Когда же наступал решающий момент, каждый раз заговорщики видели колебания своих заграничных «друзей», которые, несомненно, понимали всю серьезность их положения в случае, если они будут пойманы «с поличным» в этой аванюре в Чили.

В самой стране также не было недостатка в предложениях и спекуляциях на военных мятежах, было слишком много намеков на то, что правительство Фрея могло бы поддержать переворот.

Однако, когда наступил решающий момент, все предпочитали уступить первенство дону Роберто и его людям.

Они чувствовали себя более уверенными, отдав судьбу страны в руки фанатика.

14. НАКАНУНЕ

Вопрос о возможности использовать парализующие и слезоточивые газы два раза обсуждался в группе.

Первый раз это произошло в начале октября в отеле «Крильон» на одной из встреч, в которой участвовали сенатор Рауль Моралес, финансист Хосе Олалкиага, Хорхе Арсе и Хулио Боучон. Именно сенатор Моралес первый поднял вопрос о возможности использования гранат или бомб с парализующим газом для обеспечения успеха операции и избежания пролития крови. Это оружие, по словам Моралеса, можно было достать с помощью Олалкиаги.

Вторично об этом говорили в доме дона Роберто, во вторник, 21 октября, накануне большого события.

В это время прибыли туда Хулио Боучон и Леон Космели. Их вызвал Хулио Фонтесилья и дал им задание — достать большие автомобили.

Их встретил у входа полковник в отставке Рауль Игуальт. Затем появились дон Роберто и его шурин Хулио Фонтесилья. Этот последний принес с собой трубку типа «спрай», сказав, что она содержит парализующий газ (хотя в действительности это был слезоточивый газ), который можно использовать при захвате генерала Шнейдера.

На трубке была надпись по-английски: «Только для использования полицией». Дон Роберто с удовлетворением заявил, что эффективность этого оружия была уже испробована. Фонтесилья объяснил, что его жена Берта Вио с успехом использовала его на митинге движения «Родина и свобода», выбросив газ из трубки в лицо одному из демонстрантов.

Фонтесилья сказал юношам, что он рассчитывает на помощь своего сообщника в доме генерала Шнейдера и

что захват его можно произвести в спальне или во время его следования в министерство обороны. Он также объяснил, что государственный переворот произойдет вечером в тот же день, 21 октября, и что он рассчитывает на содействие карабинеров. Полковник в отставке Рауль Игуальт уточнил, что переворот может быть перенесен на утро следующего дня, если не установят контактов с корпусом карабинеров.

Начиная с этой минуты начались поспешные поиски нужных автомобилей. Они должны были быть на месте в 19.30.

Помещик Луис Винет предоставил свой «дорж дарт». Он оставил его у своего дома и вручил ключи Леону Космели. Затем Винет и Космели отправились в аристократический клуб верховой езды «Санта-Роса де Лас-Кондес». Винет встретился там со своим другом — адвокатом Густаво Валенсуэлой, членом и основателем движения «Не предадим Чили». Винет попросил у него автомобиль, и тот с явным удовольствием передал ему ключи от своего «пежо». Луис Винет остался в клубе, чтобы покататься на лошади и затем выпить коньяку со своими хорошими друзьями.

В то же время Хулио Боучон полетел на одном из своих самолетов в свое имение «Сан-Фернандо», откуда возвратился в 19.30 в тот же день, в среду, 21-го, в аэропорт Тобалаба. Там его уже ждал Леон Космели в своем автомобиле марки «пежо». В аэропорту Боучон встретился со своим другом промышленником, однокашником по школе «Гранде школу» Гонсало Уррутией. Он попросил Уррутию предоставить ему свой автомобиль, тоже «пежо» белого цвета, для одного «срочного дела», и тот немедленно согласился. Космели и Боучон направились на перекресток улиц Диагональ Ориенте и Лос-Леонес, за пять кварталов от дома дона Роберто, и там оставили одну из машин. На другой машине, принадлежащей Боучону, подъехали к дому дона Роберта и передали его тестю Раулю Игуальту и объяснили, где найти три полученные машины — Винета, адвоката Валенсуэлы, и промышленника Уррутия.

Полковник в отставке Рауль Игуальт аккуратно привязал к цепочке ключи от каждой машины, указав ее номер и место стоянки, а Космели и Боучон отправились в аристократический клуб, где всю ночь пили шотланд-

ское виски, предвкушая неизбежный успех государственного переворота.

В этот последний визит в «крепость» на улице Диагональ Ориенте двое юношей заметили, что там царила атмосфера всеобщей готовности. Дверь им открыл широкоплечий незнакомец высокого роста с грубым лицом. Во время очных ставок в военном суде и совместного пребывания в тюрьме Сантьяго они узнали, что это был законченный преступник, живущий за чужой счет, насильник, профессиональный наемный убийца, часто посещавший гимнастические залы и турецкие бани, выигрывавший, как правило, несколько песо в соревнованиях по вольной борьбе, и звали его Хайме Мельгоса Гарай.

Другие знали его только по кличке Северино.

15. МЕСТО СБОРА

Джип красного цвета, на котором в то дождливое утро направлялись в верхнюю часть города Мельгоса и его компаньон Карлос Лабарка, был получен доном Роберто и его тестем у собственника одной прокатной станции на перекрестке авенида Бильбао и Антонио Варас, где обычно брали напрокат автомобили. Хозяину станции сказали, что нужно перевезти лодку на озеро Акулео.

Вера в успех переворота была такова, что члены группы перестали принимать самые элементарные предосторожности. На машинах ездили с открытыми номерами, и только один из заговорщиков в самый решающий момент повязал платок на лицо.

Мельгоса и Лабарка на своем красном джипе прибыли последними на место сбора в район Ла-Пирамиде, недалеко от аэродрома Ло-Кастильо. Остальные члены спецгруппы приехали прямо из дома Карлоса Аравены, расположенного напротив закусочной «Ла Сирена».

Журналист Мануэль Мендоса на страницах журнала «Пуэро Чили» так описывал последовательность событий с того момента, как группа вышла из дома Карлоса Аравены:

«Сильва Доносо спустился с чемоданами, своим и Гальярдо. Они сели в машину «боргвард». В «пежо» белого цвета поехали Эрасмо, Марио и Леонардо. Прибыв на аэродром Ло-Кастильо, перераспределили машины,

Повторили условные знаки и задачи каждого. Северино, «специалист» по карате, должен был оглушить шофера генерала Шнейдера в то время, как «мерседес-бенц» столкнется с джином, за рулем которого будет Роберто, компаньон Северино.

Хуан Луис Бульнес, братья Искьердо и Сильва Доносо должны будут схватить генерала. С собой они прихватили молоток, чтобы выбить стекло задних дверей. Это на случай, если двери будут заперты изнутри, а стекла непробиваемы для пуль.

Из аэропорта Ло-Кастильо получили приказ отправляться.

Четверо сели в головную машину «таунус» кремового цвета.

Старший из братьев Искьердо, высокий, худой, с длинными каштановыми волосами, сел за руль. Брат сел рядом. На заднем сиденье разместились: Хуан Луис Бульнес и Сильва Доносо. С собой они взяли молотый перец, бутылку с парализующим газом и веревку. На полу лежало оружие. Кроме того, у Хуана Луиса Бульнеса был револьвер калибра 38; у Сильвы Доносо — «Смит и Вессон»; у братьев Искьердо — пистолеты «Астраль». Маленький пистолет и бомба со слезоточивым газом находились в ящике под панелью перед передним сиденьем автомобиля. За правым сиденьем находился газетный сверток с небольшими динамитными шашками.

Прибыли на угол улиц Мартин де Самора и Америго Веспуччи.

В 8.15 утра раздался крик: «Он уже здесь!» За машиной генерала Шнейдера следовали две других. Красный джип, согласно плану, столкнулся с «мерседес-бенцом».

16. ОТЪЕЗД

Тем утром, когда одетый в мундир генерал спускался по лестнице, зазвонил телефон. Служанка Маргарита подняла трубку. Мужской голос спросил хозяина дома. «Это меня?» — поинтересовался генерал.

Как только услышали, что он дома, сразу же повесили трубку.

Прошлую ночь, когда хозяева ужинали вне дома, также звонили по телефону и поносили генерала. Около

11 часов вечера к дому подъехал в автомобиле серого цвета высокий молодой блондин и спросил, где находится генерал. Служанка Маргарита, выполняя указания, отказалась что-либо сообщить ему. Чуть позже другой молодой человек с длинными волосами начал прохаживаться напротив дома. Когда стоявшие в охране карабинеры захотели к нему приблизиться, он исчез.

Генерал сказал Маргарите, что если снова будут звонить по телефону, то пусть она ничего не отвечает.

Генерал сел за стол и позавтракал чаем и галетами с мармеладом. Ему было холодно, и он постоянно потирал руки.

Проехал муниципальный грузовик по очистке улиц. Со служанкой генерал передал мусорщикам 10 эскудо, чтобы те забрали кучу мусора на краю тротуара. Приказал своему шоферу, старшему капралу Леопольдо Мауне, недавно пришедшему к нему на службу, отогнать «мерседес-бенц», чтобы не мешать уборке.

В 8.15 генерал вышел из дома.

На тротуаре несли охрану вооруженные автоматами два карабинера подвижной группы, которые в 7.00 сменили тех, кто дежурил ночью.

Генерал сел в свою машину на заднее правое сиденье. Рядом с собой он положил папку с документами, во внутреннем отделении которой находился его небольшой пистолет. Затем начал протирать платком свои очки. Машина тронулась, и они направились по улице Сабастьян Элкано в южном направлении.

Генерал, как обычно, рассеянно смотрел по сторонам. Накрапывал дождь.

Он увидел лишь двух-трех прохожих, торопившихся по своим делам.

Как и раньше, они повернули направо на улицу Мартин де Самора в западном направлении к авениде Америго Веспуччи. Автомобиль прибавил скорость.

Остальные машины следовали в том же направлении.

Пересекли одну, вторую, третью, четвертую, пятую и шестую улицы. Проехали еще один поворот. Приближались к авениде Америго Веспуччи.

Голубой «додж» внезапно выскочил с правой стороны.

Шофер Мауна избежал столкновения, взяв влево, но тут же должен был резко затормозить. Впереди два белых «вежо» перекрыли дорогу.

Ветки плакучей ивы слегка касались крыши служебной машины «мерседес-бенц», прижатой к левому тротуару.

17. ВСТРЕЧА

Северино ехал в желтом «форд фольконе», управляемом Нельсоном.

Сделали несколько кругов близ улицы Мартин де Самора, увидели двух карабинеров с автоматами.

Подобрали Уидоу и еще одного молодого блондина. В тот момент появился автобус карабинеров, который подбирал своих полицейских.

Нельсон оставил Северино, Уидоу и его компаньона на улице Сория, параллельной Америкго Веспуччи. Пешком они направились на свои места на углу улиц Мартин де Самора и Америкго Веспуччи: Северино встал на одном тротуаре, молодой блондин — на противоположном.

«Мерседес-бенц» генерала приходился между ними, посередине. В задачу Северино входило нападение на шофера с левой стороны и доставка его в другую машину. Уидоу и его компаньон и пассажиры из серой машины «боргвард», которая стояла у правого тротуара, должны были захватить генерала.

«Мерседес-бенц» пошел в ловушку.

Два белых «пежо» и голубой «додж» создали непроходимый барьер. Красный джип, в котором находились за рулем Лабарка и пассажир Рекена, появился с улицы Обриа и ударился сзади о машину генерала.

Северино вытащил свой кольт и побежал к своему месту, за ним следовал Мартин Монтез Тагле с люггером в руках.

С другой стороны быстро приближался Уидоу с револьвером. За ним следовал Карлос Сильва Доносо с молотком с красной ручкой. Появились Хуан Луис Бульнес, Аллан Купер и братья Искьердо.

Послышался сначала треск разбиваемого молотком одного стекла, затем второго.

Северино увидел шофера, пригнувшегося на переднем сиденье.

Послышались выстрелы.

18. УБИЙЦЫ

С самого начала заговора говорили о том, чтобы над Шнейдером применять как можно меньше насилия.

У заговорщиков было при себе оружие, на собраниях спецгруппы никогда не обсуждался вопрос о его убийстве.

Один из нападающих — шофер Марио Берриос (Чико Марио) — должен был сесть за руль автомобиля Шнейдера и отвезти генерала на аэродром, где Диего Давила Бастеррика — главный координатор операции — руководил бы перевозкой захваченного генерала в другое место.

Однако шофер Мауна и все свидетели сошлись во мнении, что нападавшие на «мерседес-бенц» с молотками в руках для выбивания стекол пришли, чтобы совершить убийство.

Среди нападавших находился наемник Мельгоса — Северино, на которого с самого начала судебного разбирательства остальные члены группы пытались взвалить всю вину. Торговец фруктами Карлос Сильва Донссо и другие убийцы действовали согласно своим идеологическим убеждениям. Самые молодые из группы — пятеро аристократов — успели скрыться в последующие дни.

Один из них — Хуан Луис Бульнес Серда, прямой потомок двух президентов республики — Мануэля Бульнеса (генерала, выигравшего войну против Перуанско-болливийской конфедерации) и Хуана Луиса Санфуентеса, а также два других видных представителя своих семейств Хоакин Прието и Франсиско Антонио Пинто. Мануэль Бульнес Санфуентес в течение многих лет был президентом банковской ассоциации, а его дядя Франсиско, связанный с заговором дона Роберто, — одним из виднейших представителей чилийских правых сил.

В Католическом университете 25-летний Луис был членом общества защиты традиций, семьи и собственности, известного под именем «Фидусиа». Его религиозно-политический фанатизм был таков, что однажды во время полемики со студентами левых убеждений он, подняв скрещенные руки, истерически кричал: «Прибейте меня к кресту, прибейте!..»

Молодой Бульпес достал для операции автомобиль «таунус» своего отца и автомобиль «пежо» своего шурина Хуана Карлоса Дорра.

Блондин с длинными волосами, длинными усами, высокого роста, Андрес Годфрей Уидоу, гринго, бывший слушатель морской школы, издавал в Вальпараисо ультраправый католический журнал «Тизона».

Два брата Хулио и Диего Искьердо, которые также участвовали в нападении, заметно выделялись среди других аристократических учеников Католического университета в Сантьяго. Большой любитель спорта, Хулио всегда руководил ударными группами правых студентов Католического университета. Он не колеблясь выступил против командующего армией, несмотря на то, что в Немецком лицее Искьердо был его учеником, когда капитан Шнейдер преподавал там физику.

Аллан Лесли Купер, также участвовавший в нападении на генерала Шнейдера, во многом похож на своих компаньонов.

Существовала ли внутри спецгруппы отдельная команда, которая действовала независимо, основываясь на своих решениях или на полученных со стороны инструкциях?

Или же нервная и быстрая реакция Шнейдера заставила нападавших применить оружие?

19. В ТО МГНОВЕНИЕ

Мауна и Шнейдер увидели, что к ним бежит Северино.

Инстинктивно шофер хотел дать задний ход. Но тут сзади на него налетел джип. Мауна наклонился, чтобы достать пистолет из-под сиденья. Генерал успел достать из папки свой небольшой пистолет.

Раздался один удар молотка по стеклу, потом второй. Генерал оглянулся и... Он успел нажать на курок в момент, когда свет и звуки удалялись от него, он погрузился во тьму.

1. ТРЕВОГА

Авторы покушения на генерала Шнейдера хотели навязать стране военную хунту.

И действительно, с этого момента страна оказалась в руках генералов. Однако военные сделали не то, что хотели заговорщики: точно выполнили свой долг и обеспечили пленарное заседание конгресса, который подтвердил избрание на пост президента Сальвадора Альенде, а также нормальную передачу власти новому гражданскому правительству.

По иронии судьбы эту миссию пришлось выполнить и тем, кто, находясь на ключевых постах трех родов вооруженных сил, были одними из главных вдохновителей государственного переворота.

Несомненно, что кровавый исход нападения и последовавшая за ним смерть генерала Шнейдера в госпитале обескуражили военных руководителей и замешанных в заговоре политиков.

Все время речь шла о похищении, а теперь они стояли перед фактом убийства.

Тем не менее переворот мог все же произойти, и это было предусмотрено сделать под предлогом восстановления порядка, дисциплины и ликвидации хаоса.

Перевод на казарменное положение всех военных и полицейских сил, установление охранных зон по всей стране под руководством 21 военного руководителя и строгое соблюдение правил чрезвычайного положения в

провинции Сантьяго превратили Чили в эти дни в огромный военный лагерь.

Народное единство и чилийские трудящиеся понимали, что настал час напрячь все свои силы, быть бдительными и готовыми в каждую минуту действовать.

Единый профсоюзный центр трудящихся решил провести двухчасовую национальную забастовку в знак протеста против покушения и колебаний, проявленных правительством Фрея в отношении заговорщиков, и как предупреждение тем, кто задумал переворот.

Народное единство предложило отложить проведение массовых демонстраций, которые должны были начаться в Сантьяго и по всей стране вечером 24 октября, как только станут известны результаты голосования в конгрессе, по поводу подтверждения избрания Альенде.

Убитого Шнейдера провожал 26 октября в последний путь лес знамен профсоюзных организаций в траурном шествии, во главе которого несли знаки отличия всех воинских частей страны. Сальвадор Альенде и представители всех шести организаций, входящих в Народное единство, пришли проститься с убитым генералом. Под большим освещенным щитом — со стрелой, серпом и молотом, укрепленным на стене здания, где помещался ЦК Коммунистической партии Чили, был установлен приспущенный до половины древка национальный чилийский флаг с укрепленной на нем траурной лентой.

Высшее командование армией во главе с временно исполняющим обязанности командующего Карлосом Пратсом Гонсалесом через несколько часов после убийства потребовало от президента Фрея возложить дело расследования покушения на одного из представителей военных. «Мы хотим, чтобы расследованием руководил наш человек», — прямо заявил один из генералов. Военачальники выразили недоверие министру внутренних дел, медику Патрисио Рохасу, главному руководителю всех следственных служб полиции и карабинеров, в отношении предполагаемого расследования.

Президент Фрей выразил мнение, что изъятие этой задачи из обязанностей министра внутренних дел бросит тень на Патрисио Рохаса, что может заставить его выйти в отставку.

Его собеседники ответили, что если оставить все как есть, то министр может быть заменен военным. На этот раз Фрей понял, что разговор идет всерьез.

Поэтому в 17.30 в день покушения было объявлено о назначении армейского генерала в отставке Эмилио Чейре генеральным директором расследования. Новый директор заменил на этом посту демохристианина Луиса Хаспард да Фонсека, об отставке которого лично просил Фрея вновь избранный президент Сальвадор Альенде по причине его неспособности сдержать волну терроризма.

Генерал Чейре принял руководство расследованием с широкими полномочиями, которые ставили под его командование карабинеров и службы разведки трех родов войск. Впервые за всю историю страны, став крупным руководителем полицейского аппарата и органов безопасности, он выполнил задачу розыска и задержания убийц командующего армией очень быстро.

Решение о назначении Чейре было официально подтверждено на вечернем заседании Высшего совета национальной безопасности (КОНСУПСЕНА), которое проходило под председательством президента Фрея. В заседании приняли участие известные лица, некоторые из них впоследствии были упомянуты в ходе расследования, а некоторые были объявлены преступниками.

В частности, министры Патрисио Рохас (внутренних дел), Андрес Сальдивар (финансов), Серхио Осса Претот (обороны) и Карлос Фигероа (экономики), а также командующий авиацией генерал Карлос Геррати были упомянуты в показаниях на суде, генеральный директор карабинеров Висенте Уэрта и командующий флотом Уго Тирадо были объявлены преступниками.

Генерал Камило Валенсуэла, фигурировавший как возможный председатель военной хунты в планах заговорщиков, был назначен начальником зоны чрезвычайного положения провинции Сантьяго. В течение семи дней осадного положения вооруженные силы под его командованием осуществляли самый полный контроль над столицей. Ночью Сантьяго был похож на оккупированный город. Редкие прохожие и автомобили через каждые десять кварталов должны были останавливаться перед военными патрулями, которые с оружием наготовку требовали необходимых пропусков.

В эти напряженные дни жители Сантьяго привыкли видеть генерала Валенсуэлу на экранах телевизоров, зачитывавшего свои строгие военные приказы. Кто не будет повиноваться «верховенству» государственной власти, говорилось в них, будет расстрелян. Информационные средства, которые будут распространять тревожные вести, будут закрыты.

Чрезвычайное положение помешало бегству лиц, замешанных в убийстве командующего. Облавы и быстрые полицейские меры позволили поймать некоторых из главных преступников.

Сообщники генерала Валенсуэлы, которые не смогли удрать за границу в первые дни, были выловлены один за другим.

2. ТРАДИЦИИ

Со времени убийства борца за независимость Мануэля Родригеса и создателя чилийского государства Диего Порталеса в прошлом веке страна не знала ничего подобного вплоть до времени убийства генерала Рене Шнейдера.

133 года, прошедшие со времени убийства Порталеса, разрушили чилийскую традицию совершения политических преступлений против крупных государственных деятелей.

Это не значит, что кровь уже никогда больше не проливалась в Чили. Может быть, нет другой такой южноамериканской страны, где бы проливалось так много крови рабочих, крестьян, студентов; расстрелы демонстраций и забастовок стали обычным делом. До прихода к власти Сальвадора Альенде стало правилом подводить итог убитым во время очередного президентского периода. Сторонники Алессандри в избирательную кампанию 1970 года говорили с гордостью, что за время деятельности правительства во главе с их кандидатом, то есть за 1958—1964 годы, было убито *только* восемь чилийцев, в то время как Фрей покидал свой пост с постыдным итогом — 35 убитых. К воинственному призыву фрейской пропаганды: «Не ослабляй вожжи, президент!» сами же демохристиане, но левых убеждений,

однажды внесли добавление: «... и продолжай убивать людей!» И в напряженный июль 1970 года участники демонстраций против преступлений тех дней обвиняли: «Христианская демократия: один убитый в неделю!»

И все же исполнители и духовные наставники убийства Шнейдера, а также те, кто ожидал последствий содеянного, чтобы начать государственный переворот, в самый решительный момент поняли, что могучие силы стоят на пути их преступной деятельности.

Когда-нибудь историки и ученые смогут понять причины исключительных для Латинской Америки характерных черт развития чилийского общества.

Очевидно одно, что мятеж или военный переворот — никогда не неизбежное, как правило, предприятие, очень трудное, сложное, с весьма сомнительным успехом в Чили по сравнению с другими латиноамериканскими странами.

Однако не следует также забывать, что две самые крупные гражданские войны в истории республиканского Чили окончились победой консерваторов над представителями прогрессивных сил. Битва при Ликрае в 1830 и битва при Пласильи, которая закончилась поражением в 1891 году сил президента Бальмаседы, свидетельствуют именно об этом.

Национальный чилийский конгресс возник 4 июля 1811 года и насчитывает 160 лет предположительно непрерывной деятельности. Народное единство и правительство Сальвадора Альенде имеют поддержку в конгрессе представителей Радикальной партии, руководители которой с гордостью вспоминают, что их партия самая давняя в Латинской Америке, возникшая в 1857 году и официально оформившаяся в 1888 году.

Когда руководители чилийских левых сил решили создать Народное единство и попытаться прийти к власти, используя президентские выборы 1970 года, они показали свое намерение следовать наиболее сильным историческим традициям страны. Если в Программе Народного единства отмечено намерение создать однопалатную Народную Ассамблею, то за этим стояла оценка исторической преемственности Национального конгресса; его непременимая приспособляемость к требованиям новой обстановки. Если Программа обеспечивает в новых условиях существование политических партий и подчер-

живается многопартийный характер самой коалиции — Народного единства, то это потому, что левые силы в ином другом случае не были бы верны действительно-сти и чилийской политической истории.

Подобным же образом, когда Фидель Кастро совершил нападение на казарму «Монкада» и в конечном итоге направил колонны повстанческой армии под руководством Камило Сьенфуэгоса и Че Гевары из восточной части Кубы в западную в направлении к Гаване, то успешно все это могло завершиться только потому, что он следовал самым глубоким историческим традициям Кубы.

Бесчисленные героические подвиги, наполнившие кубинскую историю, начал Карлос Мануэль де Сеспедес, когда он 10 октября 1868 года отпустил на свободу рабов со своего сахарного завода «Ла Демахагуа» и поднял оружие против испанского господства. Когда уменьшились силы его отряда два дня спустя в первом бою, Сеспедес воскликнул: «Нас осталось только 12 человек: этого достаточно, чтобы завоевать независимость Кубы!» Прошло немногим меньше ста лет, и в декабре 1956 года после высадки со шхуны «Гранма» близ местечка Лас-Колорадас из 82 человек повстанцев осталось тоже 12. И когда оставшиеся добрались до безопасных мест 17 декабря, Фидель Кастро с оптимизмом сказал: «Мы выиграли войну. Батиста проиграл!»

Хосе Марти — журналист, поэт, литератор — один из самых великих латиноамериканцев всех времен, высадился на Кубе, чтобы бороться за ее независимость в апреле 1895 года. Генерал мулат Антонио Масео прибыл туда в это же время. Когда погиб Хосе Марти, Масео прошел в течение 90 дней во главе своего отряда всю Кубу с востока на запад и погиб в бою у Пунта-Брава.

Значительная концентрация военных испанских сил на Кубе, гораздо больших, чем в других латиноамериканских странах, привела к тому, что борьба за независимость приняла с самого начала черты партизанской войны, заставляя патриотов атаковать и исчезать. Сельская местность перешла под контроль восставших, в то время как испанцы отсиживались в крепостях и городах.

Империалистическое господство и жестокая военная диктатура Батисты — это факторы, которые среди про-

чих привели к тому, что в наш век Фидель Кастро решил использовать метод партизанской войны.

На Кубе в борьбе против диктатуры Герардо Мачадо в 30-е годы и в последующей борьбе против Фульгенсио Батисты сотни молодых людей пали в атаках на казармы и президентский дворец, а также погибли при высадке на берег с судов, снаряженных с большим напряжением сил в изгнании.

На праздновании столетия со дня восстания Карлоса Мануэля де Сеспедес Фидель Кастро подчеркнул в своей речи 10 октября 1968 года: «Наша революция своим стилем, своими главными характерными чертами имеет очень глубокие корни в истории нашей родины. Мы поэтому говорим и поэтому необходимо, чтобы мы, все революционеры, ясно поняли, что наша революция — это единая революция и она началась 10 октября 1868 года».

Столь верны боевым традициям своей нации были Фидель Кастро и его товарищи, что во главе с ним в 1953 году они атаковали казарму «Монкада», а также назвали самих себя «поколением столетия» в честь ста лет со дня рождения Хосе Марти. После поражения атаки Фидель заявил своим судьям: «Марти был духовным отцом атаки на казарму «Монкада».

3. ФАКТЫ, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ИСТОРИИ

Те, кто однажды возьмет на себя ответственность объяснить особенности политических феноменов нынешнего Чили, должны вспомнить хотя бы для начала, что конкистадор Педро де Вальдивиа был назначен первым губернатором этих земель не королем Испании и не вице-королем Перу, а Кабильдо¹, созданным в Сантьяго.

Отдаленность и изолированность Чили, а также начавшаяся война с местными индейцами-арауканцами, которая длилась вплоть до образования республики, содействовали принятию этого первого акта «демократической автономии». Многочисленные подобные решения, принимавшиеся почти на протяжении трех веков существования испанского колониального господства, приу-

---

¹ Кабильдо — городской совет.— *Прим. перев.*

чили правителей Чили самим решать многие вопросы, которые с юридической точки зрения входили в компетенцию матери-родины.

Будучи самой бедной испанской колонией, Чили не стало, как другие, колыбелью для креольской аристократии. В то время как вице-король Перу был почти окружен ореолом божественной власти, действовал в качестве наследника своего царствовавшего предшественника Инки, губернатор Чили продолжал оставаться солдатом, который в тяжелых условиях со шпагой в руках должен был сражаться с арауканцами, единственными индейцами на всем континенте, сражавшимися до последнего воина.

Сельское хозяйство, животноводство, ремесленничество, кустарное производство развивались под влиянием необходимости самоснабжения этой далекой колонии.

Война с арауканцами затрудняла возникновение крупных сельскохозяйственных производств. Прослойка помещиков была традиционно слабой со времен испанской колонии, что помогло Чили не иметь кровавых феодалных диктатур, которым было подвержено в прошлом веке большинство латиноамериканских республик.

Испанские купцы, имевшие торговые места на Пласа де Армас в Сантьяго, к концу существования колонии приобрели латифундии, которые ранее принадлежали иезуитам, изгнанным решением короля Испании Карла III. Купцы стали владельцами земли, но их образ мыслей, естественно, отличался от мышления тех землевладельцев, которые получали землю по праву наследства.

Пришла независимость, и либеральные идеи мыслителей, вдохновлявшие французскую революцию, имели в Чили, пожалуй, самое большое влияние, чем во всех остальных бывших колониях Испании. В то время когда судьба правительства остальных латиноамериканских стран решалась, как правило, в нескончаемых вооруженных выступлениях, Чили, если не считать нескольких гражданских и каудилистских войн, неуклонно превращалось в страну конституций. Их тексты обсуждались и принимались начиная с 1811 года, когда был образован первый конгресс.

Республика родилась как олигархическое общество, но в самом начале ей выпала судьба находиться под у-

равлением О'Хиггинса¹, который глубоко ненавидел аристократию.

Диего Порталес, который создал конституционные основы для развития этого олигархического общества, был не помещиком, а простым торговцем, который также испытывал неприязнь к состоятельным группам.

Несмотря на то что чилийская земельная аристократия была самым могущественным социальным классом, она согласилась с момента рождения республики, правда, не всегда в мирной форме, на управление страной политиками, происходящими из среды нарождающейся буржуазии, занятой в торговле или горнорудной промышленности.

Хотя чилийцев привыкли называть «британцами Латинской Америки» — эта страна без монарха с самых ранних времен была скорее латиноамериканской Францией. В Европе парламент и другие либеральные государственные институты возникали в результате быстрого развития капитализма. В Чили, наоборот, возник рудиментарный прокапитализм, в который внедрялись эти институты.

Прекрасная конституция Порталеса 1833 года и гражданский кодекс Андреса Бельо 1857 года — один из самых передовых в мире в это время — создавали юридическую структуру общества, чьи институты в своем развитии часто опережали его реальное экономическое и социальное положение.

В течение немногих десятилетий Чили под управлением своей активной и молодой буржуазии вышло на путь превращения в крупную державу на латиноамериканском континенте. Экспансивный дух этого нового класса в последнюю четверть прошлого века привел к тому, что Чили с помощью оружия приобрело крупнейшие горнорудные центры — селитры, меди, железа, серы; новые провинции — Тарапака и Антофагаста.

Крупные личности, как пионер горнорудной промышленности Матиас Коусиньо, пылкий публицист, писатель и политик Бенжамин Викунья Маккенна и идеолог либералов Хосе Викторิโอ Ластарриа, воплотили в себе созидательный дух этого нового класса.

Если бы не феодальное развитие деревни и широкое

---

¹ Национальный герой Чили. — *Прим. перев.*

проникновение сначала английского, а затем североамериканского империализма, который очень быстро захватил в свои руки минеральные богатства страны, Чили имело бы в будущем ясную перспективу развития в качестве капиталистического государства.

Эта перспектива была развеяна победой контрреволюции, которая привела в 1891 году к самоубийству президента Бальмаседы и усилила контроль со стороны иностранцев, например контроль со стороны англичанина Джона Томаса Норта в основной в то время отрасли промышленности страны — селитряной.

Однако когда буржуазия из-за поражения или предательства свернула свои знамена прогресса, на сцену вышла новая сила, которая с самого начала выступила в защиту интересов страны. Эта новая сила, имеющая решающее влияние во всех событиях, происходящих до сегодняшнего дня, приобрела в Чили чрезвычайное влияние как результат исторических факторов. Тихоокеанская война привела к тому, что на чилийской территории осталась самая большая на континенте концентрация пролетариата, которая создавалась на селитряных разработках Тарапаки и Антофагасты. Именно это определило появление новой силы, способной направить развитие событий по новому руслу, — рабочего класса.

4. ПАРТИЯ РАБОЧИХ

До сих пор дискутируется вопрос о том, в каком году была образована Коммунистическая партия Чили — в 1912, в 1920 или же в 1922 году. Но очевидно одно, что Социалистическая рабочая партия (ПОС), заложившая ее основы, образовалась не в Сантьяго, а на севере, в Икике, другими словами — в самом центре селитряного района.

Там, в районе селитряных разработок, где сконцентрировано более 50 тысяч рабочих, в борьбе против иностранных эксплуататоров родилось чилийское рабочее движение.

Хотя и изолированные в своих поселках, рабочие селитряных рудников объединялись в борьбе за приравнение к чилийским деньгам обесцененных бон, которые издавали английские предприниматели и которыми они

выдавали рабочим зарплату. В борьбе за это справедливое требование десять тысяч пампинос¹ — рабочие, женщины и дети — пришли в г. Икике в декабре 1907 года. Две тысячи из них были расстреляны в школе «Санта Мария» 21 декабря. В момент расстрела на здании школы рядом с национальным чилийским флагом развевались аргентинский, боливийский и перуанский флаги, водруженные рабочими этих национальностей, которые разделили с чилийцами их судьбу. Незадолго до атаки воинских частей на школу боливийские рабочие отвергли требование их консула покинуть здание школы.

В отличие от большинства стран Европы и Америки в Чили в создании Коммунистической партии не участвовала группа марксистов-интеллигентов, выходцев из буржуазных или же мелкобуржуазных кругов. Луис Эмилио Рекаберрен, Элиос Лаферте и другие основатели Социалистической рабочей партии в 1912 году в Икике были рабочими. Позже в 1920 году ПОС решила на своем съезде в Вальпараисо, «что партия будет называться Коммунистической партией». На съезде в Ранкагуа, открывшемся 1 января 1922 года, было окончательно решено «стать Чилийской секцией Коммунистического интернационала, одоблив его программу и борясь за его дело — дело рабочего класса».

Марксистско-ленинская доктрина не была привнесена в среду чилийского рабочего движения группой интеллигентов. Это были сами руководители зарождающегося движения, как, например, Рекабаррен, которые понимали необходимость нести прогрессивные идеи в ряды рабочих. Они открыли марксизм-ленинизм и восприняли его, получая помощь от Коммунистического интернационала.

Если бы Коммунистическая партия Чили не была по своему происхождению абсолютно пролетарской, она не смогла бы превратиться во влиятельную политическую силу, которая сегодня имеет несомненный вес в выборе путей развития страны.

В то время как в Европе и Америке многие рабочие партии испытывали в начале века в связи с начавшейся первой мировой войной раскол между социал-демократическим крылом и подлинно коммунистическим, больше-

---

¹ Жители пампы. — Прим. перев.

вистским, подобного положения не наблюдалось в Социалистической рабочей партии. В этой далекой и изолированной стране ПЭС высказалась с первого же дня за социализм, то есть за общественную собственность на средства производства, за ликвидацию эксплуатации человека человеком, против мировой империалистической войны, с энтузиазмом приветствовала в 1917 году первые известия о победе русской революции Ленина.

Основатели Социалистической рабочей партии боролись за общество без классов. Но одновременно они понимали, будучи рабочими и сталкиваясь с проблемами непосредственно, необходимость борьбы за насущные нужды: высокие заработки, лучшие условия труда, восьмичасовой рабочий день. Этот опыт борьбы питает силы Коммунистической партии и сегодня. Члены партии воспитываются в духе необходимости всегда решать конкретные проблемы, какими бы незначительными они ни казались, в духе объединения рабочих, домохозяек, крестьян, сельскохозяйственных рабочих, студентов и представителей других слоев населения в борьбе за решение этих проблем.

Вместе с этим с первых шагов деятельности Социалистической рабочей партии, затем Коммунистической партии ее основатели умели использовать все возможности в государственном чилийском аппарате для легальной работы и укрепления тем самым своих позиций.

В 1906 году, еще будучи членом Демократической партии, активный типографский рабочий, основатель рабочего движения и Коммунистической партии Чили Луис Эмилио Рекабаррен был избран депутатом парламента от Антофагасты. Однако оговорки, которые он сделал в момент клятвы «богом и святым евангелием хранить конституцию государства», послужили прологом для лишения его депутатского звания. Но перед тем, как было совершено грубое нарушение закона, Рекабаррен в своем выступлении в парламенте дал достойную отповедь высокомерным представителям чилийской аристократии: «Я пришел на это собрание как избранник народа и мне незачем обращаться к имени господина, в которого я не верю, чтобы он был свидетелем моих обещаний».

В 1920 году Социалистическая рабочая партия не дала себя обмануть популистской демагогией «льва из Тарапаки» — Артуро Алессандро Пальма и выдвинула кан-

дидатом в президенты Рекабаррена, который, как и следовало ожидать, не получил достаточного количества голосов. В 1921 году Рекабаррен и Луис Виктор Крус были избраны депутатами в парламент от ПОС.

В 1925 году компартия поддержала кандидатуру в президенты врача Хосе Сантоса Саласа в союзе с блоком значительных народных сил, среди которых выделялись некоторые группы, принявшие в дальнейшем участие в основании Социалистической партии. А на выборах 1931 и 1932 годов компартия выдвинула в президенты своего кандидата Элиаса Лафертте, который первый раз получил 2434 голоса, а во второй — 4128 голосов.

Начиная с 1927 года мировой капиталистический кризис сильно сказался на Чили. Закрываются рынки для селитры. Закрываются селитряные разработки, и десятки тысяч рабочих вместе со своими семьями с севера устремляются на юг. Они рассыпаются по городам и поселкам или направляются в деревню, откуда перебираются в пампу.

В пампе — теперь они называются пампинос — они создают организации для борьбы, объединяют безработных, создают профсоюзы. И в каждом таком месте укрепляется или вновь создается ячейка компартии. Семена, которые ранее произрастали только на севере страны или в центрах с большой концентрацией пролетариата, таких, как Сантьяго, Вальпараисо или Пунта-Аренас, стали теперь повсеместными.

Так было до 1938 года, когда партии — Радикальная, Социалистическая, Коммунистическая, Демократическая совместно с Конфедерацией трудящихся Чили образуют Народный фронт и добиваются победы для своего кандидата в президенты радикала Педро Агирре Серда.

Начиная с 1920 года чилийский рабочий класс превращается в силу, оказывающую влияние на все национальные события. Артуро Алессандри вознамерился нейтрализовать эту силу, сбить ее с пути с помощью своего популизма. Карлос Ибаньес дель Кампо в период с 1927 по 1931 год пытался подавить выступления рабочего класса военной силой. В 1946 году президент-изменник Габриэль Гонсалес Видела навязал стране легальную диктатуру с помощью закона о «защите демократии» и создал для коммунистов и руководителей трудящихся концентрационный лагерь в Писагуа.

Из всех этих сложных положений чилийский рабочий класс выходил победителем. Он всегда имел союзников и поддержку в других социальных группах населения. Он всегда умел использовать традиционные конституционные порядки в стране, чтобы отстоять права, добиться выполнения требований и демократических гарантий. Он не только добился принятия благоприятных для себя законов, но и был в состоянии добиться в парламенте отмены (сначала фактической, затем юридической) различных репрессивных законов, в частности закона о «защите демократии».

Участие социалистов и коммунистов привело к победе Народного фронта в 1938 году. Восстановление единства социалистов и коммунистов в 1956 году стало залогом того, что с течением времени возник блок Народного единства и стала возможной победа левых сил на выборах президента в сентябре 1970 года.

5. ПОРАЖЕНИЕ

Путь к победе в 1970 году шел через поражение на предыдущих президентских выборах 1964 года.

Фронт народного действия (ФРАП), созданный коммунистами, социалистами и другими левыми силами, выдвинув кандидатом в президенты Сальвадора Альенде, потерпел поражение, которое оказалось неожиданным для большинства его руководителей, участников и сторонников.

Поражение вызвало среди некоторых групп левых сил уныние и деморализацию.

Потерпеть поражение от известных традиционных правых сил было бы не столь драматично. С первого момента борьбы левые силы знали, что им выпала задача совершить фронтальную атаку против новых претендентов на власть — христианских демократов, которые на выборах 1964 года одержали победу. Новый президент демокрист Эдуардо Фрей прибыл в президентский дворец «Ла Монеда» с обещанием «все изменить». Ясно, что во время своей избирательной кампании он получил существенную финансовую помощь от США, Западной Германии, поддержку католической церкви, политичес-

кую помощь и голоса правых сил. Но в своей программе он обещал провести аграрную реформу, «цилизацию»¹, а не национализацию медных рудников, восстановление связей с СССР и другими социалистическими странами, а также осуществить некоторые реформы, которые могли бы служить приманкой для народных масс.

Все это и многое другое должно было осуществляться через «революцию в условиях свободы», а не «революцию насилия», которую якобы предлагали левые партии.

Фрей получил на выборах 1964 года 1 409 012 голосов, а Альенде потерпел третий раз поражение на выборах, получив 977 902 голоса.

Перед социалистами, коммунистами и членами других партий и групп, которые входили в Фронт народного действия и поддерживали кандидатуру Альенде, встали вопросы, требующие ясного ответа: следовало ли включаться в избирательную кампанию и в течение двух лет вести к ней подготовку, если их ожидало поражение? Существует ли в Чили какая-либо перспектива победы левых сил на выборах, если каждый раз правые вкупе с Соединенными Штатами способны изобрести новый маневр и бросить миллионы долларов на то, чтобы разгромить левые силы? Не лучше ли попытаться найти соглашение с христианскими демократами? Или мы будем вынуждены всегда вести бой там, где наши враги находятся в лучших условиях и всегда будут выходить победителями? Если мы потерпели поражение на выборах в 1952, в 1958 и в 1964 годах, то что же нам делать? Ждать новых поражений на выборах в 1970, в 1976 и в 1982 годах?

С первого же дня своей победы на выборах Фрей и руководители демохристиан начали пытаться склонить на свою сторону Социалистическую партию и расколоть ФРАП.

Демохристианский сенатор Томас Пабло, проходя мимо социалиста Анисето Родригеса, сказал, обращаясь к нему с широкой улыбкой:

— Теперь мы будем друзьями...

На что ему Анисето Родригес резко ответил:

— Так думаете только вы! Не мы ли отрицательные герои представления? И не вы ли говорили, что мы едим

---

¹ Постепенный, поэтапный выкуп. — *Прим. перев.*

младенцев и стремимся к насилию? Сейчас, когда представление окончилось, говорят, что мы уже хорошие и в нас нуждаются. Не ждите от нас ничего хорошего!

Эта последняя фраза стала общеизвестной. Дело обернулось таким образом, что сами инициаторы этого диалога в сенате не смогли предугадать его политическо-го резонанса.

Политика «ничего хорошего» правительству Фрея характеризовала твердую и всеобъемлющую оппозицию Социалистической партии с самого начала деятельности демокристического правительства.

Со своей стороны сразу же после победы Фрея руководители Коммунистической партии сочли крайне необходимым выработать и предложить перспективную политику членам партии и широким кругам населения, голосовавшим за Сальвадора Альенде.

Политическая комиссия КПЧ собралась на свое заседание спустя четыре дня после выборов и поручила Генеральному секретарю партии Луису Корвалану подготовить доклад.

Корвалан много работал в эти дни в своем доме на улице Бремен, в квартале Ньюнбоа.

Мнение Коммунистической партии имело важное значение для развития событий в стране и за ее пределами. Тем более что Коммунистическая партия поддерживала тезис о возможности — речь шла о «возможности», а не об «уверенности» — того, что широкое политическое движение левых сил в Чили откроет дорогу к власти, не прибегая в обязательном порядке к вооруженной борьбе.

Проблема «мирного пути» обсуждалась в коммунистическом и рабочем движении начиная с XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Корвалан выразил и развил основные взгляды чилийских коммунистов на эту проблему в трех статьях, которые затем были изданы отдельной брошюрой, озаглавленной «Наш революционный путь».

В этом труде отмечалось, что «мирный путь — это не просто и не обязательно путь через выборы», но подчеркивалась необходимость использовать и выборы, «чтобы разбить наиболее реакционную часть буржуазии ее собственным оружием». А в отношении Чили Корвалан объяснял, что Коммунистическая партия и другие члены

ФРАП видели большие возможности нового пути в президентских выборах, чем в парламентских...

В своей брошюре «Наш революционный путь» Корвалан предупреждал о возможности необходимого изменения пути, для чего нужно было быть готовым.

Именно поэтому чилийские коммунисты и не планировали невооруженный путь как что-то абсолютное для Чили, они также не считали, что следовать этим путем означало бы для левых сил достижение власти в своей стране через выборы.

В 1964 году еще невозможно было привести пример из мировой практики, когда бы революционное движение победило, не прибегая в какой-либо форме к вооруженной борьбе.

После поражения ФРАП на выборах в 1964 году эта возможность продолжала оставаться теоретическим понятием.

Необходимо было как можно скорее указать путь к победе более чем миллиону чилийцев, которые голосовали за Альенде, а также тем «альендистам», которые не попали в списки избирателей из-за неграмотности, по возрасту или по каким-либо другим причинам.

Компартии, ее членам и руководителям нужно было разобраться в обстановке. Как и все левые силы, коммунисты были убеждены, что Фрей победил не с чистыми руками. Многие негодовали, узнав, что на выборах победил кандидат, для поддержки которого была организована одна из самых чудовищных кампаний лжи и террора. Со всех концов страны сразу же после выборов начали поступать сообщения о том, что мужчины, женщины и молодежь подавали заявления о приеме в Коммунистическую партию и Коммунистическую молодежь.

И это первое выступление партии после выборов имело решающее значение. Впереди было еще достаточно времени, чтобы уточнить многие вопросы. В данный же момент нужно было определить основное направление.

6. ИСТОЛКОВАНИЕ

В дни, последовавшие за поражением на выборах 1964 года, Политическая комиссия Коммунистической партии приняла необычайное решение: опубликовать

основные части закрытого доклада, сделанного Луисом Корваланом.

Этого требовала срочность разъяснения положения, что и было сделано спустя пять дней после выборов.

Корвалан сказал, что «все мы понимали, одни лучше, другие хуже, возможность победы, но одновременно имели в виду, что победа трудна, что она может быть не достигнута на этот раз». Он указал на то, «что никто не видел ясно возможности поражения с такой большой разницей в полученных голосах на выборах».

Далее он коснулся одного из тех факторов, который впоследствии, будучи смело использован левыми силами, принес победу Народному единству: речь идет о противоречиях, существующих среди христианских демократов и среди тех сил, которые избрали президентом Эдуардо Фрея. Корвалан говорил: «На основе результатов выборов не следует делать заключение о том, будто большинство чилийцев голосовало за «статус-кво» и тем более за империализм и олигархию. Миллион четырехста тысяч голосов, поданных за себя, Фрей может разделить на три группы: а) реакционеры (консерваторы, либералы, а также часть радикалов и демохристиан), которые голосовали за него, защищая свои привилегии и против изменений; б) большая часть демохристиан и людей, не принадлежащих ни к какой партии, но попавших в сети пропаганды Фрея, что его путь — это путь прогресса; в) те, кто просто голосовал из-за страха».

Руководитель коммунистов со всей категоричностью заявил, что их линия «не была ошибочной». «То, что сейчас нужно делать, — сказал он, — не менять основную линию, а обогащать ее, чтобы действовать в соответствии с новой действительностью». Развивая эту мысль, он добавил: «Мы не за то, чтобы сложить руки и готовиться только к выборам 1970 года», так как «наш путь — это прежде всего путь борьбы и организации широкого движения масс».

В заключение Корвалан подчеркнул, что, «учитывая неизбежный классовый характер правительства сеньора Фрея, мы объединимся в оппозицию, в активную оппозицию, которая должна открывать перед народом все шире и шире путь в борьбе».

Спустя немногим меньше месяца со дня деятельности нового правительства, Коммунистическая партия уточ-

нила свою точку зрения на общее политическое положение в подробном заявлении, одобренном Пленумом Центрального Комитета.

Компартия указала на две опасности, подстерегающие оппозицию, которую левые силы должны создать в отношении правительства: «Первая опасность — реформизм оппозиции может вызвать иллюзии, содействующие возникновению классового сотрудничества; вторая опасность заключается в сектантских действиях, могущих в последствии привести к потере позиций». В документе отмечалось, что «Коммунистическая партия поддерживает проведение активной и твердой оппозиции», и подчеркивалось, что подобная оппозиция «не должна формально относиться к проблемам, а ясно представлять себе их».

Однако самым важным аспектом нового документа было определение некоторых серьезных ошибок, которые, по мнению руководителей коммунистов, привели к поражению Альенде.

В документе напоминалось об изменениях в ведении кампании за кандидатуру Альенде, происшедших после «наранхасо» — случая с дополнительными выборами депутата в парламент от провинции Курико, где левые силы добились победы для своего кандидата — врача, социалиста Оскара Наранхо.

«И все же, — говорилось в заявлении компартии, — Центральный Комитет единодушно пришел к выводу, что было серьезной ошибкой то обстоятельство, когда после Курико и в отличие от Курико левые силы перешли к обороне, главным образом в отношении спекуляций, мистификаций и извращений, которые совершал противник в таких вопросах, как Куба, Венгрия, берлинская стена, коммунизм и социализм, политика коммунистической и социалистической партий.

Никакое революционное движение не может победить без наступательного духа.

Урок должен быть усвоен...»

Но все-таки нашелся один — сенатор Бальтасар Кастро, принадлежащий к небольшой группке, называемой «Национальная гвардия народа», который посчитал, что опыт ФРАП уже не пригодится. Поэтому Бальтасар Кастро — «дон Бальта» — покинул коалицию левых сил и наострил уши в сторону призывов президента Фрея.

7. ТРАГЕДИЯ ФРЕЯ

Демохристианский руководитель Радомиро Томич Ромео предсказал, что его партия будет находиться у власти в Чили в течение 30 лет, а его самые верные последователи с энтузиазмом уверяли, что «демохристианская эра» преодолет границу 2000 года. Однако им пришлось довольствоваться правительством, которое пребывало у власти только шесть лет.

В марте 1965 года ХДП получила на парламентских выборах 82 места из 147, за нее голосовало 43,60 процентов избирателей наибольшее число голосов, поданных за какую-либо политическую партию в Чили в нынешнем веке.

Казалось, что никто не сможет задержать «демохристианизацию» Чили.

Однако не все шло гладко для Фрея.

Деятельность левых сил и обещания демохристиан во время избирательной кампании открыли перед обездоленными чилийскими массами огромные перспективы, и претворить их в жизнь могло только такое правительство, которое было готово действительно удовлетворить интересы этих масс.

Насущные требования рабочих, крестьян, служащих, требования жителей поселков нищеты, желания молодежи, учащихся, студентов, дух протеста, охвативший большинство чилийцев, в короткое время обратились против правительства, которое, как и прежние, предстало перед ними новым препятствием на их пути.

Так, 11 марта 1966 года, год спустя после своего прихода к власти, первое в истории Чили и Латинской Америки демохристианское правительство запятнало себя кровью расстрелянных на медном руднике Эль-Сальвадор. Радиолюбители, которые случайно перехватили официальные переговоры, услышали приказ о захвате с применением оружия помещения местного профсоюза, который был отдан самим министром обороны Хуаном де Дьос Кармона, одним из самых доверенных людей президента республики. Ни в один из президентских периодов, как в шестилетнее правление Фрея, Чили не знало такой глубокой, сложной и активной социальной борьбы.

Робкая аграрная реформа демохристиан ставила под вопрос существование латифундизма, но ее результаты были явно недостаточны для удовлетворения требований крестьян о земле. Захват поместий во время забастовочных движений стал обычным делом и уже не привлекал того внимания, что раньше.

Забастовки рабочих горнорудных и промышленных предприятий, выступления государственных служащих и учителей возникали часто и стали более боевыми.

Ни одна из организаций, независимо от своих традиций, не осталась в стороне от этих выступлений.

Студенты аристократического Католического университета занимали учебные корпуса, требуя проведения университетской реформы, которая началась с того, что были устранены самые консервативные силы из университетского руководства.

Проимпериалистическая газета «Меркурио», рядящаяся в одежды «беспристрастности», была пригвождена к позорному столбу. Те же самые студенты из Католического университета выпороли ее на глазах у всех: на фасаде захваченного ими университета они вывесили огромный плакат со словами: «Чилиец, «Меркурио» лжет!»

Захват земель для постройки жилищ бездомными людьми стал повсеместным. Несмотря на репрессии Подвижной группы карабинеров, «захваты» приводили к появлению десятков новых поселков.

В Пуэрто-Монте при выселении с захваченных земель на участке, называемом «Пампа Иригоин» были расстреляны одиннадцать человек. Это сделали карабинеры, выполнявшие приказ министра внутренних дел Эдмундо Переса Суховича.

В период шестилетней деятельности правительства Фрея не было ни одного университетского здания или лицея, которые один или несколько раз не были бы заняты студентами или учащимися, требовавшими решения своих проблем. Даже ученики начальных школ в возрасте 8, 9 и 10 лет занимали свои школы, требуя улучшения условий учебы.

Дело дошло до того, что однажды утром в воскресенье, когда самые набожные прихожане направлялись на утреннюю мессу в кафедральный собор в Сантьяго, они обнаружили, что он занят группой священников, ма-

нахов и просто верующих, которые укрепили между башиями собора плакат с призывом: «За церковь вместе с народом в его борьбе».

Лишь два традиционных государственных института — вооруженные силы и юридическая власть, — казалось, остались в стороне от этого процесса, охватившего все социальные слои. Но пробил и их час.

Судебные исполнители, заседатели, судьи, секретари судебных трибуналов, за исключением членов Верховного суда, объявили забастовку в конце декабря 1969 года. Под руководством судебного исполнителя Серхио Данлоп Рудоффи из апелляционного суда Тальки, они требовали увеличения для всех судейских чиновников заработной платы.

Что же касается вооруженных сил, то их очередь настала с восстанием полка «Такны», которое произошло со скрытой политической целью, известной лишь их руководителю, а для остальной массы чилийских офицеров и солдат представлялось лишь как движение за справедливые требования.

Фрею не давали спокойно спать и проблемы, возникавшие в его опоре, в рядах самой Христианско-демократической партии. Участие в правительстве еще больше обострило противоречия между различными внутренними течениями, вплоть до того, что они привели к разрыву и разделению.

8. ДЕБРЭ В ЧИЛИ

Режи Дебрэ впервые ступил на чилийскую землю за несколько недель до президентских выборов 1964 года. Ему было 23 года. Он жил в мастерской художника и певца Хуана Кариа по улице Кармен, 340, и в это время завязывал знакомства с некоторыми представителями левых организаций.

Никто тогда и не предполагал, что этот молодой француз с худым лицом и внимательным взглядом однажды станет компаньоном Че Гевары в его боливийском походе и проведет за это три года в боливийской тюрьме в г. Камири.

Взгляды Дебрэ на проблемы Чили и других латиноамериканских стран положили начало острой междуна-

родной дискуссии. Журнал «Дома Америк» в Гаване опубликовал в июле 1965 года его статью «Латинская Америка и некоторые проблемы революционной стратегии».

Касаясь Чили, Дебрэ в этой статье указывал, что результаты выборов 1964 года показали «поражение пацифистского реформизма».

Дебрэ, исходя из некоторых недостатков деятельности левых сил в избирательной кампании, как, например, из их оборонительной позиции в последние месяцы этой кампании, пришел к выводу, что теперь-то чилийским революционерам лучше было бы «обратиться к неиссякаемому источнику опыта, накопленного венесуэльцами, опыта, даже порой ошибочного, который могут использовать все». Так как в то время в Венесуэле левые силы были заняты в значительном партизанском движении, то эти слова прямо означали рекомендацию того же пути для чилийских левых сил. Мимоходом Дебрэ попытался опровергнуть положение Программы Коммунистической партии Чили, состоящее в том, что «нынешняя расстановка национальных и международных сил создала большие возможности для совершения революции без вооруженной борьбы». Дебрэ говорил о «неразумном оптимизме этого положения для нынешней Латинской Америки сегодня, пять лет спустя после кубинской революции...».

В конце 1964 года в Гаване состоялась встреча представителей коммунистических и рабочих партий Латинской Америки. Делегацию Единой партии социалистической революции Кубы (ПУРСК), которая в дальнейшем стала называться Коммунистической партией, возглавлял ее Первый секретарь и премьер-министр Фидель Кастро. На встрече было достигнуто единодушное мнение о борьбе, солидарности и единстве коммунистического и революционного движения на континенте.

В июне 1965 года Кубу посетила делегация Коммунистической партии Чили в составе ее Генерального секретаря Луиса Корвалана и руководителей Мануэла Кантеро и Хосе Ойярсес, последний стал потом министром труда в правительстве Народного единства. Состоялись важные политические переговоры между руководителями компартии Чили и делегацией ПУРСК, в которую входили Фидель Кастро, Карлос Рафаэль Родригес, Ари-

андо Харт и Исидоро Мальмерка. В заключение переговоров было опубликовано сердечное совместное коммюнике.

Однако в это же самое время революционное движение в Латинской Америке переживало период острых дискуссий.

Новые отряды борцов присоединялись в ходе борьбы к левым силам, и некоторые коммунистические партии испытывали влияние возникших разногласий.

Положения, сформулированные Режи Дебрэ, главным образом его детальная разработка роли «партизанского очага», рекламировались по всему континенту. Его брошюра «Революция в Революции» превратилась в дискуссионную тему для многих латиноамериканских революционеров. В ряде стран возникали партизанские движения.

Эта политика приобрела особый характер в отношении Чили из-за намерения новых, демохристианских правителей начать международное соревнование с Кубой, и в этом случае Фидель Кастро пожелал поднять перчатку.

Спустя шесть дней после победы Фрея на выборах произошел случай, который сделал христианских демократов буквально посмешищем международного масштаба. Он выразился в диалоге, происшедшем между Фиделем Кастро и новоиспеченным министром внутренних дел Фрея — Бернардо Лейттоном. Этот диалог происходил в виде заявлений и речей, которыми обменивались Гавана и Сантьяго. Основные положения этой полемики были следующими:

Фидель Кастро: «Похоже, что империалисты намерены противопоставить пример Чили нашему примеру: похоже, что они хотят, чтобы чилийский опыт выиграл соревнование с кубинским опытом. Что же, хорошо, мы рады этому соревнованию» (10 сентября 1964 г.).

Бернардо Лейттон: «Если сеньор Кастро хочет знать правду о том, что происходит в Чили, он может приехать в нашу страну, когда ему будет удобно, однако пусть же и он позволит мне поехать на Кубу, чтобы узнать правду, но я не верю, что он даст разрешение на везд» (4 декабря 1964 г.).

Фидель Кастро: «Если этим заявлением министра внутренних дел Чили... был сделан вызов, то я его при-

нимаю. Мы разрешаем ему посетить Кубу, предоставляем ему при этом полную свободу слова, возможность выступать перед нашим народом, используя все средства информации, проехать по острову из одного конца в другой, спрашивать кого угодно, находиться столько времени, сколько он пожелает. А со своей стороны пусть он позволит делать то же самое в своей стране, как об этом и говорится в его заявлении» (6 декабря 1964 г.).

Бернардо Лейгтон: «Все эти обстоятельства, возникшие в связи со сделанными мною заявлениями, были изучены президентом республики, в чьем ведении находится руководство внешней политикой Чили, и он пришел к заключению, что поездка на Кубу не может быть мною осуществлена» (11 декабря 1964 г.).

В самом Чили положение левых сил в это время было далеко не лучшим. Фронт народного действия (ФРАП), куда входили коммунисты, социалисты и другие группы левых сил, теоретически все же продолжал существовать. Было похоже, что левые силы еще не совсем оправились от поражения на президентских выборах 1964 года, на которых победил демокристиянин Эдуардо Фрей...

Так развивались события, когда кампания по выборам президента в 1970 году вошла в свою предварительную фазу.

9. ТОМИЧ ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Для Радомиро Томича было характерно то, что в политике он всегда все делал не вовремя. Так, он слишком поторопился уехать в США послом, потом слишком рано оттуда вернулся. Начал он свою кампанию по выборам президента в 1970 году слишком рано, но для него лично это уже было поздно, потому что в Чили уже закатилась звезда христианской демократии.

Сразу же после победы Фрея в 1964 году Томич направился в США в составе делегации, которая должна была вести переговоры о заключении соглашений на очень выгодных для североамериканских компаний условиях, о «чилизации» меди. У него были разногласия по

уже доступной договоренности с другими членами делегации, и об этом он сообщил в своем частном письме Фрею. Однако в дальнейшем он согласился выступить по радио с речью в поддержку подписанных соглашений. Несколько лет спустя он предал гласности эти свои разногласия в заметке, направленной в редакцию одной из газет в Сантьяго, но время уже было упущено, чтобы можно было убедить кого-либо в своих антиимпериалистических взглядах.

После Фрея Томич был одним из самых значительных представителей поколения молодых демохристиан.

В аудиториях факультета права Католического университета он появился, прибыв с севера страны, и сразу же покориł своими ораторскими способностями участников собраний консервативной молодежи, которая отделилась в 1938 году от старого древа Консервативной партии, чтобы создать национальную фалангу, предшественницу Христианско-демократической партии.

В 1941 году он стал одним из трех депутатов в парламенте от национальной фаланги — организации, возникшей с некоторыми характерными чертами, присущими ее испанской тезке¹, однако прежде всего она следовала идеям папских энциклик, которые формулировали социальную доктрину католической церкви.

Когда в 1964 году Фрей стал президентом Чили, никто из демохристиан не сомневался в том, что его на этом посту сменит Радомиро Томич. Тот же со своей стороны так построил свою жизнь, что для достижения этой главной цели занимался пока делами другого рода: к этому времени он уже был сенатором и успел отдать несколько лет предпринимательской деятельности. В конце концов, ведь и политика требует денег!

Появившись в США в качестве посла первого демохристианского правительства на континенте, он стал там главным лицом на всех университетских диспутах о будущем Латинской Америки. Он читал лекции, давал интервью, писал статьи, которые вызывали интерес к новому чилийскому опыту.

Из Чили ему присылали письма, не всегда объективные, его сторонники, которые писали, что вся страна ожидает его приезда с большим нетерпением.

---

¹ Имеется в виду испанская фаланга Франко. — *Прим. перев.*

И вот одним апрельским вечером 1968 года Радомиро Томич сел на пароход, который должен был доставить его в Вальпараисо, где его друзья приготовили ему теплую встречу. Отсюда, как ему казалось, для него был открыт прямой путь в президентский дворец «Ла Монеда».

Томич искренне верил, что достаточно одного его присутствия в Чили, чтобы за короткое время добиться объединения вокруг себя Христианско-демократической партии, как первого шага для получения в дальнейшем поддержки от других политических сил. Он даже верил в то, что левые силы, а главным образом компартия, поддерживают его, чтобы не дать дороги правым силам.

Однако в то время как посол Томич процветал на университетской ниве в США, на его далекой родине происходили непостижимые для него важные изменения.

«Бум» христианской демократии с каждым днем терял свои силы.

Профсоюзные, крестьянские, молодежные организации, левые силы организовали постоянную осаду правительства, активно выступая против каждого его антинародного мероприятия и всякий раз оказывая на него давление, чтобы подтолкнуть его еще дальше вперед, когда правительство проводило в жизнь какую-либо передовую меру.

Идея о необходимости создания «народного единства» начала широко распространяться, и она нашла сторонников даже в рядах правящей партии — Христианско-демократической.

Христианско-демократическая партия переживала период глубоких политических и теоретических дискуссий. В ее рядах определились более или менее четко три течения: «официальное» — к нему принадлежали наиболее консервативные члены партии, безусловные приверженцы президента Фрея; «третья позиция» — группа посредников, возглавляемая депутатами Боско Парра и Луисом Мариа Агирре, к которой присоединилась и часть молодежи; «мятежное» течение, возглавляемое сенатором Рафаэлем Агустином Гумусио, депутатами Альберто Хересом и Хулио Сильва Соларом. Это «мятежное» течение располагало поддержкой части молодежи, руководимой социологом Родриго Амбросио.

Основные споры велись вокруг так называемого «пути некапиталистического развития», который предлага-

ли для Чили демохристиане, придерживающиеся передовых взглядов.

Почти на каждом собрании членов партии, даже на каждом заседании Национального совета ХДП вспыхивали бурные дебаты по тем или иным точкам зрения, которые распространялись руководителями различных течений путем издания различных брошюр и через периодическую печать. Более двадцати подобных документов было издано от имени партии или демохристианской молодежи.

«Мятежный» сектор в свою очередь издавал периодическое издание «Документасьон».

Поиски решения дилеммы: капитализм или коммунизм беспокоили демохристиан с давних пор.

Адвокат с научным уклоном Хило Сильва Салар, агроном Жак Чончоль, темпераментный руководитель Боско Парра вместе с некоторыми другими лицами издали несколько теоретических работ, в которых выдвинули в качестве задачи демохристиан создание так называемого «коммунитарного» режима. Позже они пришли к мысли о «коммунитарном социализме», с которого полностью перешли к «некапиталистическому пути развития».

Эти выражения начали появляться в некоторых официальных документах ХДП и вошли в декларацию о принципах на ее II национальном конгрессе. Процесс теоретической разработки окончился в 1967 году созданием руководством партии комиссии, которой было поручено подготовить план для второй половины срока пребывания у власти демохристианского правительства.

Во главе этой технической и политической комиссии, которой было поручено подготовить документ, был поставлен Жак Чончоль, бывший в то время вице-председателем Института сельскохозяйственного развития. В итоге глубокого и тщательного изучения появился на свет труд, названный «Предложения по политическим действиям на период 1967—1970 годов на пути некапиталистического развития».

В документе предлагалось усилить преобразования страны, особенно в деревне, путем проведения аграрной реформы и планировалась необходимость передачи в руки государства основных отраслей экономики, принадлежащих все еще частному капиталу.

Документ был грубо отвергнут «официальной» группой партии, правыми силами и их подголосками из прессы.

Таково было положение дел, когда возвратился в Чили полный боевого задора и энтузиазма Радомиро Томич.

10. ЧЕТЫРЕ ПОДВОДНЫХ РИФА

Едва прибыв в Чили в апреле 1968 года, Томич сразу же высказался в поддержку «некапиталистического пути развития», но с первым препятствием он столкнулся в «мятежном» секторе своей партии.

Политические идеи бывшего посла содержались в следующих двух абзацах заявления, сделанного им для печати в те дни:

«Некапиталистический путь развития, или, лучше сказать, коммунитарный путь, основывается на социологической мобилизации трудящихся масс, которые согласны работать больше и лучше, производить больше с меньшей себестоимостью продукции, а в переходный период не потреблять больше, исключая из этого лишь те секторы, которые терпят лишения. Эта социологическая мобилизация должна сопровождаться необходимыми экономическими мерами».

«Лично я являюсь сторонником попытки, направленной на достижение глубокого взаимопонимания всех политических и социальных сил, которые верят в необходимость дать Чили те основные государственные институты, которые соответствовали бы ему более, чем возникшие в прошлом, и кроме того, чтобы они были способны изменить капиталистические структуры на коммунитарное общество, коммунитарную экономику, коммунитарное предприятие».

Сенатор Рафаэль Агустин Гумусио, руководитель «мятежного» сектора, ответил на это в печати в следующих выражениях:

«Более важно, чем имя кандидата, знать: правильно ли понимают политические силы, которые его поддерживают, задачу народного единства, необходимость в котором с каждым разом все больше проявляется в стремлениях к изменениям. Мне приятно было бы узнать, что

указанное единство может стать подлинным выражением стремлений масс, а не результатом приноравливания к обстановке руководителей, которые думают не как Томич, однако эмоционально говорят о единстве. Если Томич намеревался всех сделать довольными, то он совершил ошибку. Надо уточнить положение».

Другим подводным рифом для будущего кандидата в президенты были президент Фрей и члены «официального» сектора. Все они придерживались плана привести ХДП на выборы 1970 года на основе нового взаимопонимания с правыми силами. Они считали, что для получения голосов правых постоянные заявления Томича о необходимости «народного единства» неподходящи.

Третьим подводным рифом были молодые демохристиане.

С самого начала своего появления на свет в национальной фаланге, отколовшейся как молодежное движение от консервативной партии, а затем в Христианско-демократической партии всегда существовал культ молодежи. Основным звеном избирательной кампании Фрея был призыв к «молодой Родине», а когда толпы молодежи шли пешком с разных концов Чили в Сантьяго, это сопровождалось шумной пропагандистской кампанией.

Неспособность и двуличность правительства, чье избрание она поддерживала с энтузиазмом, вызвали широкое недовольство среди демохристианской молодежи, что послужило причиной возникновения внутри нее сильного течения, схожего с «мятежным» сектором самой партии. Молодой социолог из Католического университета Родриго Амбросио, возвратившись из поездки по европейским университетам, с головой окунулся в это молодежное течение и завоевал право быть избранным в председатели христианско-демократической организации.

Томич думал, что он легко получит поддержку молодежи, но натолкнулся на жесткую позицию и недоверие. В позиции, занятой Амбросио, не было и намека на какой-либо интерес к ведению переговоров с будущим кандидатом в президенты.

И что было еще хуже, молодые демохристиане выразили ему публичное порицание. Это произошло в декабре 1968 года в парке Роседаль. Там проводился обед в честь Жака Чончоля, которого по решению президента Фрея и министра внутренних дел Эдмундо Переса Суховича за-

ставили покинуть пост вице-председателя Института сельского развития. На обеде присутствовало около трех тысяч человек. Как только Томич начал говорить, около сотни парней, заранее занявших места возле трибуны, прервали его свистками и выкриками. Крики и свист продолжались в течение всей речи. Молодые люди кричали: «Томич нет, Гумусио да!» — поддерживая таким образом сенатора и руководителя «мятежного» течения.

Четвертым подводным рифом на пути желания Радомиро Томича стать президентом были Коммунистическая партия Чили и левые силы.

Спустя некоторое время после возвращения экс-посла из Вашингтона Генеральный секретарь компартии Луис Корвалан во время одного интервью по радио бросил фразу, которая приобрела широкую известность: «С Томичем ни шагу». Компартия неоднократно подтверждала свою позицию: «С Томичем никогда». Немного позже руководители Социалистической и Радикальной партий высказались в том же духе.

Корвалан, объясняя позицию коммунистов, говорил, что «в борьбе за власть не следует недооценивать возможность маневра правительства и некоторых олигархических и буржуазных групп, которые могут захотеть оставить у власти демохристиан на второй этап». Исходя из этого он утверждал: «На поверхности появилась кандидатура Томича, и положено начало пропаганды обмана. Так же как и в 1964 году, когда часть народа была ослеплена идеями «революции в условиях свободы», и сегодня пытаются сделать то же самое с помощью антикапиталистических заявлений и обещаний о национализации, которые являются лишь пустым звуком в устах тех, кто имеет власть в своих руках».

Так был блокирован Радомиро Томич.

11. НОВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Однако демохристианский кандидат был не тем человеком, который позволил бы себе смириться с поражением.

Те, кто беседовал с ним в эти дни — в конце 1968 года и в начале 1969 года, ощущал горечь в его словах, ког-

да он говорил о том, что не смог ни сплотить вокруг себя всех демохристиан, ни добиться поддержки левых партий.

Он не понимал причин, по которым его отвергали коммунисты. «Коммунисты меня не понимают», — говорил он.

Первые месяцы 1969 года Томич посвятил поездкам по стране, участвуя в актах по выдвижению кандидатов в сенаторы и депутаты от своей партии. Среди присутствовавших на этих актах и среди руководителей ХДП прошел слух, что «Томич уже не пройдет», «Томич вышел из игры».

Его речи, сказанные тоном наставника-священника, длились по два и более часов. Романтические образы Кордильер, северной пампы, лесов и льдов Юга переполняли выступление, смысл которого с трудом доходил до аудитории.

Для многих становилось понятным, что в речах Томича было все, кроме ясных политических положений.

В то же время, несмотря на личные усилия Радомиро Томича, на парламентских выборах в 1969 году ХДП потеряла значительное число голосов избирателей: с 43,6 процента, полученных ею в 1965 году, они уменьшились теперь до 31,05.

Затем 3 мая 1969 года Национальная хунта ХДП собралась на заседание для определения позиций по проблеме кандидата в президенты.

А тремя неделями ранее, 10 апреля, Томич отказался выдвинуть свою кандидатуру в президенты.

В письме, направленном председателю своей партии — сенатору Ренану Фуэнтеальбе, он указал на одну из причин своего отказа: недавний расстрел бездомных, захвативших землю для строительства жилищ в Пуэрто-Монт. Впервые он использовал повод для открытой критики правительства Фрея.

В письме говорилось далее:

«Это также отказы коммунистов и в меньшей степени социалистов, сделанные несколько раз публично, сотрудничать лично со мной и со всей партией. Ясно, что социалисты и коммунисты — это только часть народа и левых сил, но ясно также, что без них не будет народного единства».

В письме, посланном в тот же день депутату Луису Мариа, говорилось:

«Мой долг — быть честным, серьезным и понятным. Отсутствует основа для народного единства, и поэтому не будет кандидатуры Томича. *Не соглашаться по какой-либо причине быть кандидатом одной партии.* Сторонники подобной формулировки должны брать на себя определенную ответственность. И тогда они найдут своего кандидата».

Отказ Томича, который на самом деле никто не считал окончательным, облегчил достижение взаимопонимания среди различных течений и руководителей ХДП, сторонников формулы «народное единство».

Эта формула понималась Томичем и большинством его сторонников как достижение соглашения с левыми партиями, в основном с Социалистической и Коммунистической, в деле создания коалиции в поддержку демохристианского кандидата в президенты.

В Национальной хунте ХДП блок сторонников народного единства охватывал широкую гамму течений и руководителей, начиная с Радомиро Томича, экс-министра Бернардо Лейгтона и председателя партии Ренана Фуэнтеальба и кончая участниками «мятежного» сектора и «третьей позиции» в партии, в том числе подавляющим большинством демохристианской молодежи.

А во дворце «Ла Монеда» президент Фрей и предприниматель Эдмундо Перес Сухович, министр внутренних дел, со своей стороны прилагали усилия к созданию другого блока, противостоящего первому, из лиц, находящихся на самых консервативных позициях. На значительное число представителей партии, занимавших государственные посты, было оказано давление с тем, чтобы они вступили в этот блок, который вел ХДП по пути самоизоляции, определенной как «собственный путь».

При драматическом голосовании прошел тезис «собственный путь» и был отвергнут тезис «народного единства» голосами 233 против 215.

Пробивной адвокат Хайме Кастильо Веласко, будучи в то время министром юстиции и постоянным идеологом всех самых консервативных положений своей партии, стал председателем партии. ХДП приняла решение через два месяца провести новое заседание Национальной хунты для определения своей кандидатуры в президенты.

Весь этот период ХДП переживала самый глубокий кризис за всю свою историю. Один за другим покидали ее

ряды такие члены, как сенатор Рафаэль Агустин Гумусио Вивес, сенатор Альберто Херес, депутаты Хулио Сильва Солар и Висенте Сота, бывший вице-председатель Института сельского развития (ИНДАП) Жак Чончоль, все руководители профсоюзного отдела партии, все члены крестьянского отдела партии и большая часть руководителей и членов демохристианской молодежной организации во главе с ее председателем Хуаном Энрике Вега.

Шестидесятилетний сенатор Рафаэль Агустин Гумусио Вивес, основатель национальной фаланги и христианской демократии в Чили, анализируя в своем письме, которым он уведомлял о выходе из партии, то, что произошло на заседании Национальной хунты ХДП, утверждал:

«Происшедшее привело меня к выводу о том, что в нашей партии укрепились силы, не имеющие ничего общего с теми, к которым принадлежу я сам. Решение хунты показывает действительно опасное безразличие перед серьезной возможностью снова прийти к власти правым, и одновременно с этим были резко отвергнуты попытки создания условий, которые могли бы сблизить нас с левыми силами».

Раскол в ХДП и выход из нее членов «мятежного» сектора открывали путь для создания в дальнейшем Движения единого народного действия (МАПУ).

Три месяца спустя, 15 августа 1969 года ХДП провела новое заседание Национальной хунты для определения кандидата в президенты. Отход от ХДП наиболее левого сектора закрывал перед Томичем возможность маневра. Тысячу раз он повторял, что «без народного единства» не может быть «кандидатуры Томича», и столько же раз он говорил, что «не будет кандидатуры только от одной Христианско-демократической партии». Бесчисленное число раз он говорил, что его правительство будет добиваться полной национализации меди.

Однако на заседании хунты в августе 1969 года Томич согласился быть кандидатом без народного единства и только от одной Христианско-демократической партии.

Он представил проект «Политической декларации и программных основ». Но сектор, близкий к президенту Фрею, потребовал для поддержки его кандидатуры сделать две уступки, на которые Томич должен был согласиться. Первая — включение двух представителей правой группировки в партии — Хайме Кастильо Веласко и Хосе

де Грегорио, в руководящую группу из четырех членов, которую возглавил сенатор Бенхамин Прадо; вторая — изменение документа, предложенного Томичем.

Поправки к документу, не более десяти, но существенные, были внесены карандашом от руки на уже отпечатанные экземпляры.

В проекте документа определялось, что «второе демокристическое правительство, продолжая процесс возвращения стране ее основных богатств, начатый в нынешний период, дополнит закон о национализации всех основных предприятий, производящих медь».

Смысл этой фразы был сведен на нет внесением в него поправки, согласно которой новый текст гласил, что второе демокристическое правительство «дополнит закон, *если защита национальных интересов этого потребует, положениями о национализации...*». Другими словами, проблема национализации меди повисала в воздухе в зависимости от будущих оценок ее необходимости в национальных интересах.

А выражение «народное единство», которое все понимали как поиски путей к соглашению с левыми партиями, было заменено обычной фразой «единство народа».

На этой основе была выдвинута кандидатура Томича.

В то же время Фрей не терял надежды и в этих целях делал все необходимое для получения кандидату ХДП поддержки правых.

Если бы эти его попытки увенчались успехом, то он пожертвовал бы Томичем, чтобы назначить нового кандидата, более подходящего для правых сил и Национальной партии.

12. АЛЕССАНДРИ ВСТУПАЕТ В ИГРУ

В действительности же правые силы имели своего кандидата еще с 4 ноября 1964 года.

В тот самый день, когда Хорхе Алессандри оставил президентский дворец, началась активная кампания за его возвращение во дворец «Ла Монеда».

Если Либеральная и Консервативная партии, позже объединившиеся в Национальную партию, поддержали в 1964 году кандидатуру Фрея, то в то время это был един-

ственный путь воспрепятствовать победе ФРАП и Сальвадору Альенде.

Но колеблющаяся позиция Фрея на посту президента создала возможности для восстановления позиций правыми силами. И в той мере, как эти позиции укреплялись, улучшались возможности для нового выдвижения Хорхе Алессандри кандидатом в президенты.

После победы Фрея Либеральная и Консервативная партии получили на парламентских выборах 1965 года самое малое количество голосов за всю историю, поставив себя в катастрофическое положение. Либералы получили тогда 7,5 процента голосов, консерваторы — 5,3. После слияния на выборах городских советников в 1967 году количество голосов, поданных за Национальную партию, выросло до 14,61 процента, на парламентских выборах 1969 года достигло 20,8 процента.

Рост голосов правых на этих выборах происходил главным образом за счет возврата сил, которые в 1964 году поддержали демохристиан и их кандидата Эдуардо Фрея.

Руководители Национальной партии смогли удачно использовать фактор недовольства демохристианским правительством. Крупные предприниматели-монополисты и помещики, используя Конфедерацию промышленности и торговли во главе с алессандристом Хорхе Фонтайне Альдунате, смогли повести за собой большую часть мелких и средних торговцев и промышленников, интересы которых были ущемлены налоговой политикой правительства. В деревне в борьбе против аграрной реформы крупным помещикам удавалось во многих случаях привлекать на свою сторону мелких и средних крестьян, а также темных и забитых крестьян. Они использовали для этого главным образом недостатки и несправедливости, совершенные правительством по отношению к ним. Среди женщин, даже принадлежащих к трудовым слоям, Национальная партия получала поддержку, обещая вернуть «порядок и гармонию» стране, сотрясаемой социальной борьбой.

Но если действительно и был такой фактор, который послужил бы рычагом для восстановления позиций правых сил, так этим явилось умелое использование правыми политического лица Хорхе Алессандри.

Хорхе Алессандри — или «дон Хорхе», как его называли его же приспешники, подавался как серьезный, энер-

гичный, прямой, но в то же время строгий старик, враг всех пороков традиционной политики.

С того времени как он покинул президентский дворец в 1964 году, группа его бывших министров составила нечто вроде негласной комиссии, которая занималась поисками лучших методов наведения блеска на его политический облик.

Ежегодно на Пласа де лас Армас 4 ноября собиралось «население Сантьяго», чтобы приветствовать бывшего государственного деятеля. Старики, которые еще пожимали руку его отцу — Артуро Алессандри, бывшему два раза президентом, пенсионеры, неудачливые предприниматели, а также небольшая группа дам и аристократической молодежи прибывали под балкон дона Хорхе с надеждой увидеть и приветствовать его платком или взмахом руки.

Привлекательность его образа была такова, что многие кандидаты Национальной партии на парламентских выборах 1969 года писали на своих пропагандистских лозунгах имя Алессандри более крупными буквами, чем свое собственное. А высокий процент голосов, полученных в этот раз правыми в Сантьяго, не в последнюю очередь объясняется тем фактом, что в первом округе список Национальной партии возглавляла племянница дона Хорхе — Сильвия Алессандри, а в третьем округе — его племянник Густаво.

Основными факторами успеха всей алессандристской кампании было использование термина «независимый», который приписывался кандидату, а также и то, что настойчиво утверждали, будто бы дон Хорхе ни под каким видом не желает возвращаться во дворец «Ла Монеда».

Представители правых сил разъезжали по стране, обещая разрешение всех проблем в день возвращения к власти дона Хорхе. С ним, утверждали они, вернутся порядок и достоинство и навсегда будет покончено с повышением цен, инфляцией, насилием, жилищным кризисом, преступностью, безработицей и всеми другими бедами страны.

Любопытно то, что все эти беды и многие другие существовали и стали еще более тяжелыми в период между 1958 и 1964 годами, когда у власти находилось правительство Хорхе Алессандри, правление которого прозвали «режимом управляющих».

С середины 1969 года алессандристская пропаганда начала национальную кампанию «просьб», направляемых

со всех уголков страны дону Хорхе согласиться выдвинуть свою кандидатуру в президенты. В газетах появились полосы, заполненные списками лиц, обращавшихся с подобными «просьбами». «Согласись на нашу просьбу, сеньор, и возврати нам надежду»,— говорилось в одной из петиций жителей города Линарес.

Не в состоянии больше противиться стольким «просьбам», Алессандри кончил тем, что «сдался» 2 ноября 1969 года. Он согласился выставить свою кандидатуру, выступив вечером в тот день по радио с речью, изобилующей не совсем скромными утверждениями, как, например, следующие:

— Никогда в своей жизни я не стремился заниматься политикой и даже не мечтал стать президентом республики.

— Став в молодом возрасте профессором университета, а позже государственным служащим, сначала среднего, а затем высшего ранга, я должен был оставить эти два поста из-за своей фамилии.

— Моя жизнь, очень скромная по сравнению с той, которую мне приписывают мои противники, зависела только исключительно от моих собственных сбережений, сделанных благодаря воздержанию в повседневной жизни.

— Судьба, видимо, хочет отказать некоторым людям в тишине и спокойствии, к которым они стремились всю свою жизнь, и даже теперь, на склоне лет они не могут позволить себе насладиться заслуженным отдыхом.

— Если я добьюсь победы, то буду править, повторяю это еще раз, в абсолютно независимой манере и, стремясь каждый момент к прочным контактам с трудящимися, я буду это делать для всех чилийцев без исключения, не применяя к ним никакого иного мерила, кроме достоинства и простой способности служить интересам страны.

— Только бог понимает ужасную жертву, которую приношу я сегодня, и я молю у него защиты, чтобы он вел меня за собой.

С этой визитной карточкой кандидат правых разрешил политический образ «неподдающегося», который был создан вокруг него.

На самом же деле еще год назад Алессандри сообщил своему шурину Артуро Маттэ Ларраину и группе

своих бывших министров о своем решении выставить свою кандидатуру в президенты. Однако это решение держалось в строгом секрете в ожидании удобного момента для начала кампании.

Все сходились на том, что дон Хорхе не должен давать согласия до конца и дать его лишь за несколько месяцев до выборов. Это делало кампанию короткой, что всеми принималось как положительный фактор.

Однако четыре причины объясняют вынужденную поспешность с перенесением даты: а) Такнасо, происшедшее 21 октября 1969 года, которое могло привести к тому, что некоторые правые лидеры покинут дона Хорхе и присоединятся к генералу Вио или к другому военачальнику; б) убеждение, что таким путем можно избежать перехода правых избирателей на сторону христианской демократии; в) преклонный возраст кандидата, который мог бы помешать ему совершить зимой поездку в холодные провинции Юга, поэтому лучше было немедленно начать избирательную кампанию и совершить эти поездки летом; г) необходимость сказать что-то новое манифестантам, которые снова соберутся 4 ноября под его балконом и будут кричать: «Дон Хорхе вернется!»

Другими словами, если бы Алессандри не решился сделать это немедленно, то он потерял бы возможность выдвинуть свою кандидатуру в президенты.

И все же то, что он был выдвинут в ноябре 1969, а не в апреле или мае 1970 года, стало одним из факторов, сделавшим еще более неизбежным его поражение.

13. РАЗВАЛ

Десятилетняя непрерывная пропаганда его личности превратила Алессандри в миф. Тем не менее хватило одного месяца избирательной кампании, чтобы в глазах чилийцев он снова стал человеком во плоти и крови.

Это был 73-летний старик, который нуждался в электрической печке у ног, когда выступал на митинге. Каждый раз сопровождающие должны были поддерживать его под руки, когда он выходил из автомобиля, и, путешествуя по стране, он произносил речи, содержащие одни и те же неизменные идеи.

Так, например, Алессандри утверждал, что Чили является жертвой злоупотреблений политиканством и демагогией и поэтому необходимо покончить раз и навсегда с этим положением путем конституционной реформы, которая, кроме всего прочего, позволила бы президенту республики распустить конгресс. «Моя доктрина,— говорил он,— это объединение всех чилийцев независимо от партийной принадлежности и убеждений». Он уверял, что его правительство восстановит якобы в стране настоящую власть.

Однако ход избирательной кампании вынудил Алессандри высказаться и на животрепещущие политические темы, а тогда стали ясны некоторые его взгляды, вроде следующих:

— Я не сторонник национализации меди, поскольку то, в чем нуждается Чили,— это капиталовложения. Следовательно, ресурсы, которыми располагает Чили, должны использоваться главным образом для развития новых возможностей получения капиталовложений.

— Если все имеющиеся у нас ресурсы мы разделим между всем активным населением — чилийцами и иностранцами, каждый из них получит небольшую сумму в 775 эскудо в месяц. К этой сумме следует добавить лишь то, что каждый имеет в своем семейном бюджете. Это и только это в конечном итоге может предложить каждому из вас социализация, доведенная до крайних пределов. Кроме того, эта сумма должна будет уменьшаться для тех, кто, имея свой собственный дом, вынужден будет все же платить за него арендную плату.

— Я вижу, как наша молодежь теряет надежды и уже среди нее появились группы, которые думают, что с помощью насилия они смогут добиться претворения в жизнь своих желаний. Но я хочу им сказать, что молодежь требует выполнения обещаний и тогда наступит разочарование, которое вскоре уступит место ненависти за обман, что именно ее принесли в жертву.

— Частное предпринимательство не понесло поражения. Переживаемый нами кризис и нищета многих слоев населения — это отражение экономики, которую душат демагогия и политиканство.

В своих речах и в пропаганде Алессандри пытался использовать прошлое своего отца — Артуро Алессандри Пальма, бывшего два раза президентом Чили. «Я совер-

шу измену против унаследованной мною крови, если попытаюсь задержать социальный прогресс», — утверждал дон Хорхе.

Но, появившись на политической сцене, кандидат правых не смог остаться там невредимым. Не только его такие доводы, как раскладка на равные доли 775 эскудо для каждого чилийца в случае победы социализма, были разбиты и осмеяны его противниками. Его образ «неподкупного» и «независимого» человека начинал быстро развенчиваться.

Было обнаружено, что этот кандидат в президенты, осуждавший миллионные пенсии, сам получал в месяц немалую сумму в 13,1 тысячи эскудо как бывший парламентарий.

Кроме того, этот человек, утверждавший, что он не связан ни с кем, на самом деле имел поддержку Национальной партии, состоящей из предпринимателей и помещиков, а также радикалов-демократов правого крыла, отколовшегося от Радикальной партии. И несмотря ни на что, он продолжал оставаться на посту президента компании по производству бумаги и картона, монопольным производителем этой продукции в стране, а также семи других компаний: компании мебели и дерева; национальной компании перевозок (ЮДИНА); компании торгового развития; страховой компании «Ла универсаль»; компании ренты в Сантьяго; компании «Макинарнас Кодина Мако» и компании «Индустриальное общество Писареньо». В одном из докладов управления анонимных обществ, опубликованном в середине 1970 года, указывалось, что за последний отчетный период этих компаний, исчисленный от шести месяцев до года, Алессандри получил от этих компаний в качестве вознаграждения и отчислений от прибылей сумму в 233 017,26 эскудо.

Самые острые атаки против дона Хорхе совершала газета «Кларин». Дарио Сайнте Марие, владелец «Кларин», через свою газету поддерживал кандидатуру Томича и в меньшей степени кандидатуру Сальвадора Альенде.

Атаки, начатые «Кларином» еще за несколько месяцев до официального провозглашения кандидатуры Алессандри, казались поначалу чрезмерными, излишними и грубыми. Но прошло время, и газете действительно удалось нанести удар по престижу кандидата правых сил.

На самом деле странности в характере дон Хорхе были раскрыты в интервью, которое получила от него газета «Меркурио». В этом интервью дон Хорхе признавал, что у него еще в детстве «наблюдалась бессонница и тоска» и что эти недостатки «углубляются, когда он находится в поездке». Алессандри объяснил: «В детстве я очень цеплялся за мать Росу Эстер. Мой отец даже прозвал меня поэтому «муж Росы Эстер». К моей привязанности она относилась очень ревниво. Когда я стал взрослым и более независимым от нее, ей это не понравилось. Она сильно и долго болела. С того дня, как она умерла, я каждое воскресенье хожу на кладбище. Говорят, что мне нравится ходить... что я обожаю кладбище. Действительно, его не знает никто лучше, чем я... Это потому, что она боялась одиночества и всегда просила меня, когда умрет, не оставлять ее одну...»

Помимо того, что против Алессандри вели борьбу левые силы и печать его противников, один из решающих ударов во время своей кампании он получил от рабочих угольной зоны.

19 марта 1970 года он прибыл в город Лота, где шахтеры, металлурги, муниципальные рабочие и служащие, рабочие теплоэлектростанции встретили его 24-часовой забастовкой. Муниципалитеты Лоты и Коронеля единодушно решили считать Алессандри персоной нон-грата. Профсоюзы, Единый профсоюзный центр трудящихся района, молодежь и партии, входящие в Народное единство, игнорировали его присутствие.

Никто не забыл продолжительной забастовки (96 дней), которую шахтеры проводили, когда Алессандри был у власти, и в течение которой они должны были бороться против единого фронта правительства и предпринимателей.

Поэтому теперь шахтеры, их жены и дети заполнили улицы и в знак протеста препятствовали продвижению каравана автомобилей с Алессандри и его сопровождающими. С большим трудом карабинерам удалось пропустить кандидата в театр Лаури, находящийся на площади Лоты. Пока Алессандри находился в театре, стекла его белого «форд фалкона» были выбиты камнями, а одна из машин каравана подожжена.

Подобные инциденты повторились в Коронеле, где

рабочие бастовали два часа, в городе текстильщиков Томе. в порту Талькакуано и в самом Консепсьоне.

В итоге после визита дона Хорхе в эту зону полицией был ранен 21 человек и более 30 арестовано. Его визит длился лишь 96 часов.

С этого времени поездки кандидата правых стали трудными.

23 марта 1970 года рабочие медных рудников приняли решение не допускать Алессандри на рудники Эль-Сальвадор, Потрерильос и Баркитос. 2 апреля Алессандри был встречен в сельскохозяйственной провинции Линарес 24-часовой забастовкой сельскохозяйственных рабочих. На следующий день различные профсоюзы сельскохозяйственных рабочих провинции Ньюбле сделали то же самое, узнав о его приезде. 28 апреля 12 тысяч крестьян провинции О'Хиггинс также прекратили работу в знак протеста против приезда дона Хорхе.

В свою очередь муниципалитет Антофагасты принял решение объявить Алессандри персоной нон-грата.

Кандидатура правых плавала по бурному морю. Сам мореплаватель Хорхе Алессандри позже решился наконец показаться перед телевизионными камерами.

1. НАЧАЛО

Сенатор Сальвадор Альенде пришел в помещение руководства Радикальной партии в сопровождении сенаторов — социал-демократа Луиса Фернандо Луэнго и радикала Уго Миранда.

Координационный комитет Народного единства в это время уже собрался на заседание на втором этаже здания.

Звуки, проникавшие с улицы сюда в дом, в зал, где проходило заседание, бодрили и поднимали настроение. Отдельные слова складывались в целую фразу:

«Левые силы... объединенные... никогда не будут побеждены!..»

Группами и колоннами шли чилийцы по улицам Мирафлорес, Мак-Ивер, Эстадо, Аумада, Бандера в направлении к улице Аламеда и проспекту Бульнеса. Из окон участники заседания — руководители партий и групп, входящих в Народное единство, — тем летним вечером видели море развевающихся красных знамен и чилийских флагов...

Председательствовал на заседании Жак Чончоль, генеральный секретарь МАПУ.

Руководители четырех партий и двух движений, входящих в Народное единство, возглавляли свои делегации: сенатор Анисето Родригес от Социалистической партии, сенатор Луис Корвалан от Коммунистической партии, депутат Карлос Моралес Абарсуа от Радикальной

партии, Чончоль от МАПУ, алькальд г. Ренго Эстебан Лейтон от Социал-демократической партии и Альфонсо Давид Лебон от Независимого народного действия (АПИ).

Аплодисменты, раздававшиеся на первом этаже, известили о прибытии Альенде. Когда он шел по лестнице, к нему тянулось множество рук для крепкого рукопожатия. В зале заседания он занял место рядом с председателем.

Чончоль сказал:

«Мы, руководители всех партий, входящих в Народное единство, собрались здесь и единодушно решили провозгласить вашу кандидатуру, взяв на себя обязательство приложить все наши усилия к тому, чтобы народ через вас получил власть и чтобы мы смогли построить социалистическое общество в Чили.

От имени Координационного комитета Народного единства провозглашаю вас нашим кандидатом в президенты республики».

Альенде поблагодарил за оказанное ему доверие, но сказал, что «выдвижение его кандидатом в президенты возлагает на него большую ответственность». В своей речи он напомнил один за другим те постепенные шаги, которые привели к возникновению Народного единства, к одобрению его Программы и других основных документов.

Он подчеркнул тот факт, что выдвижение его кандидатуры происходит в зале заседаний Радикальной партии, к которой принадлежал президент Чили от Народного фронта — Педро Агирре Серда¹. Его портрет висел на одной из стен зала, а министром здравоохранения правительства в то время был Сальвадор Альенде.

Он поблагодарил также от имени своей Социалистической партии за доверие, оказанное ему и партии.

«Хочу упомянуть добрым словом, — сказал он, — лиц, которые имели полное право представлять, так же как и я, Народное единство и которые, заняв достойную позицию, облегчили принятие вами решения. Это: Альберто Бальтра, Жак Чончоль, Рафаэль Таруд и Пабло Неруда...»

---

¹ Октябрь 1938 г. — Прим. перев.

2. ТАРУД

Когда сенатор Рафаэль Таруд выставил свою кандидатуру в президенты, никто не думал, что через год его имя и имя Сальвадора Альенде будут стоять вместе в списке на конечном этапе по выдвижению кандидата в президенты от Народного единства.

Таруд начал заниматься политикой на волне любопытного популистского движения, которое в 1952 году второй раз привело во дворец «Ла Монеда» генерала Карлоса Ибаньеса дель Кампо. Позже, став министром экономики, Таруд сумел спасти себя как политического деятеля при поражении Ибаньеса, став сенатором от провинций Талька, Линарес и Мауле.

С тех времен он перемежал деятельность в торговле и в управлении своим поместьем с парламентской активностью сенатора без партии. Это продолжалось до тех пор, пока он не организовал Независимое народное действие (АПИ), которое с самого своего появления на свет поддерживало идею Народного единства. АПИ было создано в кафе «Эль Аррайян», расположенном на одном из склонов холмистого района Сантьяго, 29 апреля 1969 года.

На учредительное заседание прибыли бывшие министры, бывшие парламентарии и бывшие участники потерявших политическое влияние групп ибаньистов, некоторые офицеры и унтер-офицеры в отставке вооруженных сил и корпуса карабинеров.

На этом собрании было создано АПИ как движение, а не как партия, был избран его председатель, бывший депутат Альфонсо Давид Лейбон, а Рафаэль Таруд, которому в этот день исполнился 51 год, был выдвинут как первый кандидат в президенты от левых сил. Это выдвижение способного сенатора, сына эмигрантов из Сирии, встретило положительный отклик среди торговцев и промышленников арабского происхождения.

Пять месяцев спустя, в середине сентября 1969 года, Таруд проявил свои способности. Неожиданно он добился поддержки небольшой Социал-демократической партии, истоки происхождения которой уходят к Демократической партии, пользовавшейся в начале века значительным влиянием среди ремесленников и рабочих. В ее рядах начал свою политическую деятельность Луис Эмилио Рекабаррен.

На заседании Социал-демократической партии Таруд получил 147 голосов против 96, поданных за сенатора Луиса Фернандо Луэнго, единственного парламентария партии.

В целях получения этого большинства голосов Таруд сумел склонить на свою сторону алькальда г. Ренго Эстебана Лейтона, генерального секретаря Социал-демократической партии. И все время он пользовался поддержкой своего друга, бывшего депутата Хуана Тума, заместителя генерального секретаря СДП.

3. БАЛЬТРА

Вторым кандидатом в президенты был провозглашен сенатор Альберто Бальтра Кортес.

Перед тем как был создан блок Народного единства, но уже в то время, когда вопрос единства левых сил стал на повестку дня, Радикальная партия выдвинула своего кандидата.

Выдвижение Бальтры кандидатом явилось завершающим шагом сближения Радикальной партии с левыми силами в целях союза, к этому с июня 1967 года стремилась группа руководителей, в большинстве своем молодых руководителей.

Это левое течение, представляющее большинство ее состава, поставило перед собой задачу вернуть партии к ее столетию со дня создания утерянные позиции передовой политической силы в стране.

В годы, последовавшие за пребыванием у власти Народного фронта, после 1938 года, когда радикалы возглавляли единый блок левых сил, правые два раза сумели толкнуть Радикальную партию на политическое предательство.

Первый раз это случилось во время правительства Габриэля Гонсалеса Виделы, в период с 1946 по 1952 год, когда Видела, став президентом, превратился в палача тех, кто открыл перед ним двери дворца «Ла Монета». Он установил открытую диктатуру и послал в тюрьмы и концентрационный лагерь Писагуа коммунистов и других руководителей левых сил.

Другой раз это произошло, когда президентом был

Хорхе Алессандри, в период с 1958 по 1964 год, когда Радикальная партия, после либералов и консерваторов, стала «третьим столпом» «режима управляющих».

И все же в обоих случаях в рядах партии находились люди, которые поднимали голос протеста против предательства или в знак протеста покидали ее ряды.

Основанная в 1888 году Радикальная партия одобрила на своем третьем национальном съезде программные установки о «государственном социализме», который горячо защищал ее способный идеолог Валентин Летельер.

В нашем веке радикализм стал знаменем для растущих чилийских «средних слоев». Радикалы, тесно связанные с масонством, взяв на свое вооружение самые прогрессивные программные установки, как, например, введение обязательного, бесплатного, гражданского начального обучения, сделали свою партию самой значительной в Чили. На ассамблеях и конференциях Радикальной партии происходили острые, надолго запоминающиеся дискуссии. Руководители радикалов были известны своей способностью к политическим маневрам.

В то же самое время в рядах партии с каждым разом обострялась внутренняя борьба, отражавшая возникновение внутри нее групп с противоположными взглядами и интересами.

Вместе с массой служащих, учителей, мелких и средних торговцев и предпринимателей в партию входили крупные помещики, как, например, сенатор и министр Кристобаль Саэс, адвокаты североамериканских компаний, крупные финансисты и банкиры. Многие из них происходили из семей среднего достатка, но сумели обогатиться, участвуя в политической жизни. Поэтому никого не удивляло то, что, начав с произнесения зажигательных «революционных» речей, многие из них кончали тем, что становились пленниками аристократических кругов и выразителями интересов местной олигархии или иностранного капитала.

Однажды сенатор Хулио Дуран, видный представитель правого крыла радикализма, выразил мысль, что в чилийской политике Радикальная партия должна придерживаться «закона маятника». Согласно его словам, радикализм должен выполнять задачу «колеблющейся силы» в политическом спектре, чтобы противостоять экстремизму левых или правых сил.

После победы Фрея руководители-радикалы вновь попытались превратить партию в самостоятельную политическую силу. В этих целях они начали широко пропагандировать соглашение о присоединении к социал-демократическому интернационалу — II интернационалу с местопребыванием в Лондоне. Находясь, с одной стороны, между правыми и демохристианами и ФРАП социалистов и коммунистов — с другой, радикалы хотели выступить как третья сила. Однако, если эта центристская установка могла бы иметь перспективы на успех в европейской капиталистической стране, то в Чили, зависимой и слабо развитой, в первую половину 60-х годов она просто не годилась.

Наиболее дальновидные деятели радикализма вскоре могли убедиться в этом. В июне 1967 года на XIII национальном съезде Радикальной партии победило большинство, выступающее за поиски взаимопонимания с левыми силами, выбрав председателем партии сенатора Уго Миранду.

В эти же дни депутат Карлос Моралес Абарсуа, активный представитель большинства, выдвинул мысль о необходимости «восстановления полного единства чилийских левых сил, среди которых постоянно должны находиться радикалы». Альберто Бальтра также утверждал, что экономическое развитие страны и преобразование общества «не могут происходить с успехом, если не будет достигнуто прочное объединение левых сил».

Эта политическая линия пробила себе дорогу на XIV съезде партии в июне 1969 года, на котором речь шла о кандидатуре в президенты, о сенаторе Бальтра. Там же «маятник» радикалов качнулся влево, и по пути он политически «обезглавил» сенатора Дурана и его близких последователей.

В защиту идеи сближения с левыми силами выступила группа руководителей, в которую вошли сенаторы Уго Миранда и Ансельмо Суле, депутат Карлос Моралес Абарсуа, профсоюзные деятели Марио Асторга и Игнасио Лагно, а также молодые руководители — Альсидес Леаль, Аркалаус Коронель и Патрисио Вальдес, последний — президент организации Радикальная молодежь, переименованной затем в Революционную радикальную молодежь.

За несколько недель до съезда руководители правого крыла партии организовали так называемое «Движение

радикального возрождения» с целью повести борьбу за контроль над традиционными ассамблеями Радикальной партии.

Существование этого правого сектора, в который входили сенатор Хулио Дуран и многочисленные бывшие министры и бывшие сотрудники правительства Габриэля Гонсалеса Виделы и Хорхе Алессандри, создало преграду, которая препятствовала постоянному взаимопониманию между Радикальной партией и Социалистической и Коммунистической партиями. «С большей частью радикалов мы могли бы найти общий язык, но с Дураном и его сторонниками никогда», — сказал Генеральный секретарь Компартии Луис Корвалан.

Это препятствие было разрушено самими радикалами. 582 голосами против 43 их съезд постановил исключить из партии руководителей «Движения возрождения». Были исключены сенатор Дуран, депутаты Рафаэль Сеньорет и Хулио Меркадо, банкир и магнат печати Герман Пико Каньяс — бывший министр правительства Гонсалеса Виделы, Орландо Сандоваль — бывший министр правительства Алессандри, бывшие парламентарии Анхель Файнович, Инес Энрикес и другие лица.

Позже все они приняли участие в создании Радикал-демократической партии, которая поддержала в 1970 году кандидата в президенты Хорхе Алессандри.

На том же заседании съезда была единодушно выдвинута кандидатура Альберто Бальтра в президенты, поддержанная голосами левого политического направления. В одобренном документе подчеркивалось, что «Радикальная партия является социалистической» в том, что касается одобрения «организации, которая должна в первую очередь учитывать интересы коллектива, а не частные устремления». Подтверждалась также левая позиция партии, «являющаяся единственной и соответствующей гуманным и социальным установкам радикализма».

В рядах Радикальной партии сенатор Альберто Бальтра превратился в магнит для тех, кто стремился к восстановлению связей с левыми силами.

Во время правительства Алессандри Бальтра находился среди тех, кто решительно выступал против сотрудничества радикалов с правыми. К тому же он был профессором экономики на факультете права Чилийского университета и автором книг по проблемам экономики и поли-

тики. Необщительный, с суровым характером, худой, в пенсне, вынужденный придерживаться диеты и других ограничений из-за язвы — таким знали его люди.

И все же в декабре 1967 года за полтора года до решающего в его жизни съезда, на котором была одобрена его кандидатура в президенты, Бальтра сумел выйти на политическую арену как кандидат, победивший на дополнительных выборах в сенат в провинциях Био-Био, Мальеко и Каутин. На этих выборах он получил открытую поддержку Коммунистической и Социал-демократической партий, а также скрытую поддержку большинства руководителей социалистов этой зоны.

Профессор Бальтра, превратившись в «кандидата Бальтра», продемонстрировал, что нелюдность его характера была лишь чисто внешней оболочкой, под которой скрывались благие человеческие чувства политического деятеля левых убеждений.

Став кандидатом в президенты от Радикальной партии, Бальтра начал свои поездки по стране, выступая за необходимость включения радикалов в сильное движение Народного единства.

4. АЛЬЕНДЕ

На пути к тому, чтобы стать третьим кандидатом в президенты, выдвинутым в 1969 году другой политической группировкой левых сил, сенатор Сальвадор Альенде должен был преодолеть многочисленные препятствия.

Не ко времени отправился Альенде в поездку в КНДР, ДРВ и на Кубу, где он встречался с Ким Ир Сеном, Хо Ши Мином и Фиделем Кастро, рассчитывая после возвращения на полную поддержку своей партии.

Однако за время его отсутствия неожиданно для него в партии набрало силу течение, участники которого вознамерились в ускоренном порядке провозгласить кандидатом партии в президенты генерального секретаря партии, сенатора Анисето Родригеса.

Альенде, говорили они, уже три раза потерпел поражение, и его новое выдвижение кандидатом в президенты с самого начала будет нести на себе печать прежних поражений. С другой стороны, утверждалось, что кандидату-

ра Анисето Родригеса, который на десять лет моложе Альенде, будет символизировать новые веяния. Менее известный, чем сенатор Альенде, широкой публике, Анисето Родригес большую часть своей деятельности посвящал внутренним проблемам Социалистической партии. С успехом он воспротивился попыткам изгнанного из партии сенатора Рауля Ампуэро, своего многолетнего товарища, создать параллельную социалистическую партию под названием Социалистический народный союз.

Идея «народного единства» приобретала широкую популярность, и последователи Анисето Родригеса организовали ему в июньские дни 1969 года чествование в парке Роседаль. Во время этой манифестации его кандидатура в президенты открыто обсуждалась.

В это время пришла телеграмма.

Она пришла с Кубы, где Альенде совершал последний этап своей поездки. Принимая во внимание действия небольшой независимой группы, которая в его отсутствие опубликовала манифест, провозгласив его кандидатом в президенты, Альенде в телеграмме писал:

«В связи с выдвижением моей кандидатуры независимыми левыми группами и подготовкой к моему приезду глубоко благодарю за революционную верность тех, кто вспомнил обо мне. Твердо отклоняю провозглашение моей кандидатуры. Полагаю, что не должны приниматься во внимание мои личные заслуги в связи с обстановкой в Чили и Латинской Америке, всегда считаю себя верным членом Социалистической партии».

Телеграмма пришла за несколько часов до чествования Анисето Родригеса в парке Роседаль. Во время манифестации самому Анисето Родригесу пришлось ее зачитать. Более двух тысяч присутствующих — членов Социалистической партии — стоя аплодировали ей.

Аплодисменты в честь Сальвадора Альенде, который, находясь за рубежом, отвергал свое выдвижение в кандидаты, связывали руки сторонников сенатора и генерального секретаря партии Анисето Родригеса, сделав невозможным в этот момент провозглашение его кандидатом в президенты.

Кандидатура Анисето Родригеса отошла на второй план. У Альенде был шанс вернуться в Чили вовремя.

5. ОСНОВНАЯ ПАРТИЯ

Когда в апреле 1933 года создавалась Социалистическая партия, двадцатичетырехлетний врач из Вальпараисо Сальвадор Альенде Госсенс был одним из ее самых молодых основателей.

Социалистическая партия была образована в то время, когда Чили еще испытывало разрушительные последствия мирового экономического кризиса.

Недолговечная и утопистская «социалистическая республика», провозглашенная в 1932 году в Чили группой военных и гражданских и просуществовавшая всего двенадцать дней, стала тем толчком, который вызвал к жизни новые убеждения и посеял ростки новой партии.

Адвокат Эугенио Матте Уртадо — один из видных мasonicких руководителей, военный летчик-офицер Мармадуке Грове, интеллигент, носивший постоянно черный костюм, Эугенио Гонсалес, неугомонный политик с длинными волосами, Оскар Кнаке и такие представители от рабочих, как Карлос Альберто Мартинес, объединились для создания новой партии. Сальвадор Альенде, как и другие студенческие руководители «Передовой группы» Чилийского университета, также участвовал в создании партии.

Новая партия появилась, не неся на себе печати основного греха социал-демократии. Ее основатели заявили о намерении построить общество трудящихся — рабочих и интеллигенции, свободное от нищеты и эксплуатации. Они призывали также к латиноамериканской солидарности.

В ту пору социал-демократический интернационал являлся активным правым крылом рабочего движения в капиталистическом мире, и руководители молодой Социалистической партии Чили не намеревались присоединяться к нему. Со временем они начали искать контакты с АПРА в Перу¹ и партией Демократическое действие в Венесуэле, однако позже они порвали с ними, когда те превратились в инструмент для империалистического проникновения на континент.

Участие партии в Народном фронте в 1938 году завое-

---

¹ АПРА — «Американский народно-революционный альянс» — старое название Народной партии Перу — создана в конце 20-х годов. — *Прим. перев.*

вало ей такую популярность, что на парламентских выборах 1941 года она получила наибольшее за всю свою историю число голосов — 16,69 процента.

Это превратило Социалистическую партию в основную партию чилийских левых сил с сильным влиянием среди служащих и интеллигенции в университетских кругах, в важнейших рабочих центрах. Ее лидеры, такие, как Оскар Шнаке, Эугенио Гонсалес, Сальвадор Альенде, Рауль Ампуэро, Анисето Родригес, в основном выходцы из средних слоев населения, становились заметными фигурами в национальной политике. Одетые в форму милиции члены Социалистической партии появлялись во всех уголках Чили, участники этих отрядов вместе со своими руководителями с поднятыми сжатыми кулаками и певшие «Марсельезу» пользовались значительной популярностью. В уличных боях против сторонников местного фашизма в 40-е годы коммунисты и социалисты часто сражались плечо к плечу.

Но были времена и междоусобицы, когда трудящиеся и молодые социалисты и коммунисты не выступали вместе. Этот перерыв продолжался до тех пор, пока не возникло новое социал-коммунистическое единство в связи с выдвижением первый раз кандидатом в президенты Сальвадора Альенде в 1952 году.

Возникшая в результате частой фракционной борьбы новая социалистическая организация — сильная Народная социалистическая партия во главе с Ампуэро и Анисето Родригесом поддержала популистскую кандидатуру в президенты генерала Карлоса Ибаньеса дель Кампо. Группа, оставшаяся в меньшинстве, оставила прежнее название — Социалистическая партия Чили, усиленная контингентом антиибаньистских известных социалистов, которыми руководил Сальвадор Альенде и молодой тогда Хосе Тоа, вошла в Народный фронт, выставивший кандидатуру Сальвадора Альенде в президенты. В этот фронт вошли — Коммунистическая партия, Социалистическая партия Чили и несколько небольших политических группировок.

«Мы надеемся, — сказал тогда пророчески Сальвадор Альенде, — что это станет подлинным инструментом для создания великого политического единства чилийского народа, которое полностью изменит драматическую действительность нашей родины».

Новая коалиция едва получила на выборах 51 975 голосов против 446 439 голосов, поданных за победителя Карлоса Ибаньеса дель Кампо. Но вскоре Народный фронт превратился в Национальный народный фронт, потому что к нему присоединились Партия труда во главе с Бальтасаром Кастро и одна из фракций Демократической партии.

Когда Народная социалистическая партия порвала с президентом Ибаньесом в 1955 году, а ее представители вышли из состава правительства из-за несогласия с проведением им антинародной политики, положение левых сил существенным образом изменилось. Партии, входящие в Национальный народный фронт, совместно с Народной социалистической партией создали в 1956 году Фронт народного действия (ФРАП), положив начало постоянному взаимопониманию между социалистами и коммунистами. В 1957 году социалистические партии создали объединительный конгресс, и вскоре, в 1958 году, Сальвадор Альенде стал кандидатом в президенты, поддержанный на этот раз сильным блоком объединенных левых сил.

Кандидат правых Хорхе Алессандри победил на этот раз с небольшим перевесом, получив 389 909 голосов против 356 493 голосов, поданных за Сальвадора Альенде и ФРАП.

Шесть лет спустя ФРАП со своим кандидатом Альенде, возглавив широкое движение масс, сознание которых теперь было выше — сказывалась победа кубинской революции, потерпел поражение, на этот раз из-за того, что кандидатура демокристианина-реформиста Эдуардо Фрея Монтальва получила поддержку правых сил не только в Чили, но и за рубежом.

В 1958 году, как и в 1964, небольшие группки, вышедшие из Радикальной партии, поддержали кампанию в пользу Сальвадора Альенде. Хотя речь и шла о группах с незначительным влиянием, они, однако, стремились поднять прежние знамена левого радикализма.

Когда в 1967 году в Радикальной партии началось движение на сближение с левыми силами, внутри Социалистической партии распространились настроения не идти на соглашение с радикалами.

Начиная со своего объединительного конгресса в 1957 году Социалистическая партия выступала за необходи-

мость создания «фронта трудящихся» и за отказ от контактов с силами, которые определялись как буржуазные. Под это определение в основном подпадала Радикальная партия.

Антирадикальные позиции усилились со времени XXII конгресса Социалистической партии, проведенного в Чильяне в ноябре 1967 года. Конгресс должен был определить линию в отношении президентских выборов 1970 года. Он проводился в тот момент, когда в Латинской Америке обострилась полемика вокруг «вооруженного пути и партизанского очага...».

Решение конгресса в Чильяне явилось победой для группы, руководимой сенатором Карлосом Альтамирано, университетским профессором Клодомиро Альмейда и Адонисом Сепульведа. Эта группа действовала во время конгресса в согласии с сенатором Анисето Родригесом и его сторонниками и все время пользовалась поддержкой представителей молодежной организации.

Сальвадор Альенде, не имея возможности убедить конгресс в своих взглядах, лишь выступил с краткой речью, чтобы высказать свое несогласие с теми, кто отвергал союз с Радикальной партией.

Однако сенатор Карлос Альтамирано, который занимал непреклонную позицию по отношению к радикалам и демохристианам и стоял за создание «фронта трудящихся» без них, не проявил желания стать кандидатом в президенты и вынести свои суждения на арену борьбы за президентство.

Это объяснялось тем, что в решении Социалистической партии, принятом в связи с выборами 1970 года, упоминались имена сенаторов Сальвадора Альенде и Анисето Родригеса. На конгрессе в Чильяне Анисето Родригес был переизбран генеральным секретарем партии, и его политические возможности ставили его между Альенде и Альтамирано.

В то же время сенатор Сальвадор Альенде не отказался от своих позиций, осужденных решениями конгресса в Чильяне.

В послании, направленном с Кубы группе своих последователей в июне 1969 года, он выдвинул идею о создании «Отечественного фронта». «В первую очередь,— писал он,— нужно оживить деятельность ФРАП и создать

на его базе Отечественный фронт, революционного и антиимпериалистического преемника».

Несколько дней спустя в Гаване в интервью корреспонденту кубинского агентства Пренса Латина он отметил:

«Представляю себе Отечественный фронт как самое сильное национальное и антиимпериалистическое движение. В этом случае он будет реальной альтернативой власти. Объединение всех антиимпериалистических сил, выступающих за кубинскую революцию, немедленно приведет к изменению сил в пользу революции».

Далее Сальвадор Альенде сказал: «Отечественный фронт, начав с единства социалистов и коммунистов, которое нашло свое выражение в десятилетнем существовании ФРАП, должен стать мобилизующим центром всех тех, кто борется за Чили, за независимое развитие страны, всех тех, кто не колеблясь выступает за революционные изменения, за построение социализма. Повторяю. Отечественный фронт будет самым могучим революционным движением в нашей истории. Нужно объединить для завоевания власти и осуществления национальной революции народные партии, студенческие федерации, Единый профсоюзный центр трудящихся, крестьянские конфедерации, а также тысячи и тысячи людей, находящихся вне партийных рядов, но придерживающихся левых взглядов. Никогда еще международные и национальные условия не были столь благоприятны для победы народа. Перед нами одна цель: завоевание власти. И один только лозунг: «По праву или силой».

После возвращения Сальвадора Альенде из своей заграничной поездки Социалистическая партия попала в водоворот дискуссий вокруг президентских выборов. Все, начиная с членов ЦК и кончая рядовыми членами партии, стали участниками дискуссий, иногда весьма острых, по вопросу о кандидате в президенты.

Вскоре определилось две группы: одна — это Альенде и его сторонники, другая — сторонники провозглашения кандидатом в президенты Анисето Родригеса; третья группа, возглавляемая сенатором Альтамирано, все еще воздерживалась от выбора определенной позиции, собираясь определить ее во время избирательной кампании.

С 15 по 17 августа 1969 года во всех провинциях состоялись региональные конференции Социалистической

партии. На этих собраниях путем тайного голосования были выявлены различные позиции. Большинство провинциальных организаций высказалось за кандидатуру Альенде. Другая группа поддержала Анисето Родригеса, и третья высказалась за определение кандидата в ходе избирательной кампании.

Позиции провинциальных организаций затрудняли действия сторонников Анисето Родригеса.

Во вторник — 29 августа — Центральный Комитет Социалистической партии одобрил кандидатуру Сальвадора Альенде в президенты.

В официальном сообщении указывалось, что решение было принято единодушно. К тому же Анисето Родригес направил ЦК письмо, в котором просил не выдвигать его кандидатуру. Сторонники Анисето Родригеса воздержались от голосования. То же самое сделали сенатор Алтамирано и другие руководители, которые занимали иную позицию по отношению к участию в избирательной кампании. В результате при голосовании 13 человек воздержалось и 12 голосов было подано за Сальвадора Альенде.

Таким образом, сенатор Альенде стал третьим кандидатом в президенты от левых сил, поддержанный меньшинством руководителей своей собственной партии.

6. ЧОНЧОЛЬ

Выдвижение Жака Чончоля кандидатом в президенты от Движения единого народного действия (МАПУ) не было неожиданным, но то, чего многие не ожидали, была положительная реакция на его кандидатуру самых широких кругов левых сил.

Чончоль стал четвертым претендентом на единственную кандидатуру левых сил в президенты после того, как МАПУ сделало его своим кандидатом 29 сентября 1969 года. «Нужно создать Народное единство», — первое, что заявил он после своего выдвижения.

«Я не политик, а технический работник», — эти слова стали привычной фразой в устах Чончоля после того, как он покинул руководящий пост в Институте сельского развития по настоянию президента Эдуардо Фрея и его министра внутренних дел Эдмундо Переса Суховича. Од-

нако развитие событий сделало дипломированного агронома серьезным претендентом на самый высокий политический пост в государстве.

Чончоль никогда ранее не пытался занять место в парламенте. Чончоль никогда не был красноречивым, как большинство традиционных политических деятелей. Вся его деятельность всегда была связана с сельским хозяйством, вначале в качестве чиновника министерства сельского хозяйства, затем служащего ФАО, позднее Корпорации развития производства, и, как специалист по контактам с ООН, он провел три года на Кубе за счет Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА).

Эти характерные черты, а также его тесная связь с растущим крестьянским движением создали политический образ Чончоля, далекий от традиционных пороков закулисной парламентской политики, что привлекло к нему как к кандидату в президенты многих чилийцев, главным образом молодежь.

То обстоятельство, что Чончоль вышел из среды христианских демократов, в случае удачного использования руководителями МАПУ этого факта, могло бы привлечь на сторону его кандидата демохристиан, ранее поддерживавших правительство Фрея. Возможно, что поэтому среди демохристиан укрепилось мнение: «Если Народное единство сделает своим кандидатом Чончоля, Томич останется ни с чем». Чончоля знали как теоретика некапиталистического пути развития, а эта идея имела много сторонников в рядах ХДП.

Являясь небольшой политической силой, МАПУ смогло в течение нескольких месяцев завоевать значительный авторитет благодаря честности и искренности своих руководителей. Руководители МАПУ вышли из состава правительства, хотя получали немалые личные выгоды. Они сделали это из-за того, что политика правительства не отвечала их программным установкам. Наибольшим влиянием МАПУ пользовалось в университетах, главным образом среди студентов, ранее входивших в Христианско-демократическую партию или ее молодежную организацию. Ее влияние распространялось и на руководителей крестьян и некоторые профсоюзные круги. Для католиков с передовыми взглядами МАПУ превратилось в притягательный центр.

Утверждение о том, что «мы не являемся партией масс, а являемся партией кадров», сделанное одним из руководителей МАПУ, соответствовало действительности. К этому следует добавить, что речь шла о молодой организации — не только из-за ее небольшого срока существования, но и возраста большинства ее руководителей и участников движения. И Чончоль был самым молодым из кандидатов левых партий. И все же это нисколько не уменьшало заслуги ветерана-сенатора Рафаэля Агустина Гумусио, который был призван сыграть свою роль в последнюю минуту в президентской головоломке Народного единства.

7. НЕРУДА

Члены Коммунистической партии, которые собрались 30 сентября 1969 года у здания ЦК партии, еще не знали, что этим вечером поэт Пабло Неруда будет провозглашен кандидатом в президенты от КПЧ.

Руководители коммунистов считали правильным, что имя человека, который будет назван пятым кандидатом левых сил, нет необходимости называть заранее. Печать и радио строили всевозможные догадки, придумывая несуществующую внутреннюю борьбу в компартии между возможными претендентами.

За несколько недель до этого Коммунистическая партия объявила о своем намерении выставить собственного кандидата на специальном пленуме ЦК партии, созывавшемся 30 сентября. Коммунисты полагали необходимым усилить деятельность по созданию Народного единства и по выдвижению единого кандидата от левых сил. Однако ввиду всевозможных отсрочек и затруднений со стороны других партий дальше ждать было нельзя.

В шесть часов вечера сенатор Володя Тейтельбойм выступил с балкона второго этажа здания ЦК партии, которое находится на перекрестке улиц Театинос и Компания. Он объявил имя кандидата: Пабло Неруда.

Сразу же бригады молодых коммунистов рассеялись по улицам столицы и всюду на стенах писали его имя.

Предложение о кандидатуре Пабло Неруды было сделано старым шахтером, профсоюзным деятелем, замести-

телем генерального секретаря компартии Оскаром Астудильо от имени Политической комиссии, Комиссии контроля и кадров и одобренное Центральным Комитетом.

«На сегодняшнем заседании,— сказал Корвалан, выходя с балкона,— мы быстро и единодушно решили: выдвинуть кандидатуру передового борца, человека, который всегда, при всех обстоятельствах — и в горе и в радости — был с народом, чилийца, самого известного сегодня, прославившего имя нашей родины во всех уголках мира, поэта и политического деятеля, члена Центрального Комитета нашей партии — Пабло Неруды».

Далее Корвалан сказал:

«Мы считаем, что Пабло Неруда — лучший кандидат в президенты.

Благодаря своим качествам испытанного борца, члена Коммунистической партии Чили, своей преданности народу, любви к родине, своему уму и чуткости, что позволяет ему всегда чувствовать тревоги и волнения трудящихся. Пабло Неруда может стать великим президентом, лучшим из тех, кого народ мог бы поставить во главе правительства многопартийной коалиции.

У нас есть право, а не только желание на то, чтобы наш кандидат стал кандидатом блока Народного единства. По воле народа Коммунистическая партия превратилась в ведущую партию чилийских левых сил. Кроме того, начиная с 1938 года мы всегда поддерживали кандидатов от радикалов и социалистов; поэтому неплохо бы, чтобы на этот раз они поддержали нашего кандидата».

Однако Корвалан пояснил: «Мы не говорим: только Пабло Неруда и никто другой. Мы не говорим: только наш кандидат. Иначе не может быть единства».

Выступивший также Пабло Неруда сказал своим обычным негромким голосом:

«Еще несколько лет назад многие думали, что коммунист не может быть кандидатом в президенты республики. Сегодня наша партия является первой среди левых партий, потому что народ имеет более ясное сознание и еще активнее поддерживает ее...»

Вспоминая свою жизнь, он сказал, что вступил в партию в 1943 году, «но считал себя коммунистом уже в Испании в 1936 году».

Назвав Пабло Неруду своим кандидатом, руководители коммунистов понимали, что эта кандидатура мо-

жет быть заменена другой в случае, если усилия по выдвижению единого кандидата левых сил увенчаются успехом. В то же время, если эти попытки провалятся, кандидатура Неруды останется до конца, а компартия использует все свои политические и организационные возможности для получения наибольшего числа голосов (предполагалось, что можно получить полмиллиона), для разъяснения чилийцам, что «голосовать за кандидата коммунистов, голосовать за Неруду — это значит голосовать за единство». И если это единство не будет достигнуто, то это произойдет не из-за недостатка усилий со стороны коммунистов.

Действительно, с самого начала руководители коммунистов указывали на нецелесообразность проведения своеобразного соревнования кандидатов левых сил. Но в конце концов они решили выдвинуть кандидатуру Пабло Неруды, так как каждая из остальных партий левых сил назвала своего кандидата.

Коммунистическая партия сформулировала свои первые предложения о необходимости создания Народного единства уже в октябре 1965 года, когда Фрей и ХДП еще только год находились у власти.

В докладе на XIII съезде Коммунистической партии, проходившем в то время, Луис Корвалан отмечал:

«На основе единства действий можно привести в движение весь народ, трудящиеся массы, которые голосовали за Сальвадора Альенде, и те, которые голосовали за сеньора Фрея. На одной стороне должен быть народ, на другой — реакционеры. Следовательно, надо прокладывать путь к единству действий всех народных и прогрессивных сил, которые поддерживают оппозицию или правительство против реакционных сил, имеющих в правительстве и в оппозиции. Иными словами, можно идти вперед на базе единства действий ФРАП, Национальной демократической партии, антиправых христианских демократов и радикалов, против империализма и олигархии, против наиболее реакционных слоев, состоящих из консерваторов, либералов, правых радикалов и христианских демократов».

Три года спустя, обогатившись опытом борьбы и единых действий при демохристианском правительстве, Коммунистическая партия в декабре 1968 года опубликовала «Обращение к народу», в котором говорилось:

«Чили нуждается в антиимпериалистическом и антиолигархическом народном правительстве, которое будет пользоваться поддержкой большинства населения страны и представлять все политические партии и течения, выразившие свое согласие с программой революционных преобразований. В него должны входить рабочие, крестьяне, служащие, женщины, молодежь, мелкие и средние предприниматели не только через представляющие их партии, но также и через представителей их массовых организаций во все учреждениях и на всех ступенях государственного аппарата.

Таким образом, мы выступаем за многопартийное народное правительство, широкое, сильное, революционное и энергичное, способное обеспечить стране демократическую стабильность, быстрый политический, экономический и социальный прогресс и предоставить народу полную свободу».

Далее в Обращении уточнялось:

«Народное правительство, опирающееся на национальное большинство, сможет преодолеть внутренние и внешние препятствия, стоящие на пути преобразований; оно позволит привести в действие все революционные силы чилийского общества и откроет путь к социализму. В условиях нашей страны чем более представительным будет правительство, тем тверже, революционнее и действеннее оно будет».

В то же время Луис Корвалан, выступая в Консепсьоне, предостерегал:

«Правые силы снова в наступлении. Необходимо преградить им дорогу!»

До этого времени внутри левых сил и Коммунистической партии существовало убеждение, что традиционные чилийские правые силы после победы христианских демократов разбиты и уже никогда не смогут включиться в борьбу за политическую власть. Однако быстрое восстановление позиций сил александризма заставило компартию пересмотреть этот вопрос и подчеркнуть, что правые силы — это одна из самых серьезных опасностей, против которой необходимо бороться.

В то же время опыт, накопленный в последние годы, привел руководителей коммунистов к заключению, что ФРАП, состоящий в основном из социалистов и коммунистов, является недостаточно широкой организацией для

мобилизации всех левых сил с перспективой победы на выборах и управления страной. Помимо коммунистов и социалистов, думали эти руководители, существуют другие политические силы, которые необходимо включить в процесс объединения левых сил. Среди них компартия придавала большое значение левому течению, имеющему большинство в Радикальной партии, передовому сектору в ХДП (речь идет о том времени, когда в этой партии еще не произошел раскол и не образовалось МАПУ).

Выступая на одном из митингов в Вальпараисо, Корвалан со всей откровенностью заявил, что «мы, коммунисты, а также социалисты, не можем действовать одни».

В апреле 1969 года, информируя ЦК партии, Луис Корвалан подчеркнул:

«В 1964 году мы фактически предлагали стране правительство социалистов и коммунистов. Все сказанное по поводу того, что мы проиграли на тех выборах из-за кампании обмана, проводившейся противником, лишь частично объясняет дело, не раскрывая всей глубины проблемы. От врага мы всегда должны ждать самого плохого. В действительности же тогда в стране еще не было условий для того, чтобы коммунисты и социалисты могли получить поддержку большинства и единолично руководить судьбами государства. Мы считаем, что положение не претерпело существенных изменений, и поэтому должны стремиться к созданию народного движения и правительства на более широкой социальной и политической основе».

В начале 1969 года Коммунистическая партия встретила парламентские выборы под лозунгом: «Народное единство в целях народного правительства».

В цитированном выше докладе Корвалан изложил отношение коммунистов к этому правительству в следующих словах: «Хорошо известно, что для коммунистов рабочий класс — основная движущая сила революции. Поэтому мы придаем главное значение достижению взаимопонимания между социалистами и коммунистами. В то же время мы считаем, что все партии и течения, которые будут содействовать созданию народного правительства, должны принять в нем участие как партнеры по общему делу».

Это положение было направлено против определенных взглядов, возникших в рядах левых сил, согласно которым

передовые группы в Радикальной и Христианско-демократической партиях могли бы поддерживать кандидата и правительство ФРАП, не участвуя в нем или же участвуя как второстепенные силы.

Касаясь острого вопроса о кандидате в том же докладе в апреле 1969 года, Луис Корвалан высказался против «лихорадки» выдвижения кандидатов, сотрясавшей левые силы, заявив:

«Нам известно, что есть люди, которые считают нецелесообразным отказаться от выдвижения кандидата в президенты. Честно говоря, мы относим к разряду нецелесообразного выдвижение на первый план вопроса о назначении кандидата. В желающих стать кандидатами недостатка нет и не будет. Чего не хватает, так это единства.

С одной стороны, мы считаем более разумным делать упор на социальное движение, на борьбу народа...

С другой стороны, мы убеждены, что окажем плохую услугу Народному единству, если сейчас поставим во главу угла проблему выдвижения кандидата в президенты, вопрос о том, кто должен быть кандидатом, этот человек или тот.

Короче говоря, в первую очередь следует продолжать содействовать народной борьбе, добиваясь в ходе ее взаимопонимания между всеми передовыми силами, какую бы позицию они ни занимали в данный момент.

Второй нашей задачей будет достижение соглашения по поводу ясной, конкретной программы и договоренности о том, какого рода народное правительство должно быть создано.

Вопрос о кандидатуре в президенты следует решить потом».

Коммунистическая партия много раз предупреждала руководителей других левых партий и групп, что если возникнут задержки в попытках договориться о программе и о других политических проблемах, то она будет вынуждена в конце концов выдвинуть своего кандидата и, не ожидая более, начать избирательную кампанию.

Именно это и произошло, поэтому вечером 30 сентября 1969 года была выдвинута кандидатура коммуниста на пост президента.

Для Пабло Неруды провозглашение его кандидатом в президенты явилось высочайшим доверием и признанием его заслуг...

В возрасте 65 лет, страдающий постоянным недомоганием Пабло Неруда, став кандидатом в президенты, начал в который уже раз поездку по родной стране. Сначала он отправился на север страны в район, где двадцать лет назад его избрали сенатором, пока Верховный суд не лишил его прав и не начал преследовать поэта за опубликование им знаменитого «Я обвиняю», направленного против президента-изменника Габриэля Гонсалеса Виделы.

Случай привел кандидата в президенты Пабло Неруду в Антофагасту накануне 21 октября 1969 года, когда генерал по имени Роберто Вио Марамбио поднял мятеж.

8. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Создание блока Народного единства и в дальнейшем провозглашение Сальвадора Альенде единым кандидатом левых сил явилось результатом кропотливой работы группы политических руководителей, которые смогли учесть все особенности положения, в котором находилась страна.

На фоне широкого развития социальной борьбы эти руководители сумели выработать политическую формулу, которая отражала бы желания и стремления к единству самых широких чилийских масс.

Провозглашение пяти кандидатов левых сил выявило очевидный разлад в их рядах. Это обострило также некоторые споры между группами рождающегося Народного единства. И все же то обстоятельство, что будущее каждого из кандидатов зависело от возможности добиться единодушной поддержки левых сил в свою пользу, ускорило проведение переговоров за круглым столом.

Первый формальный шаг к этому руководящих органов левых сил был сделан 26 августа 1969 года. В этот день был подписан документ, отвергающий «Соглашение Фрей — Анаконда», по которому североамериканская медная компания, имеющая крупные интересы в Чили, была подключена к системе «чилизации». Левые силы и трудящиеся требовали полной национализации медных рудников.

Требование полной национализации и отказ от упомянутого соглашения содержались в документе, подписан-

ном представителями партий: Социалистической, Коммунистической, Социал-демократической, Народного социалистического союза, а также АПИ, МАПУ, Единого профцентра трудящихся, многочисленных профсоюзных организаций. Так называемое «Командование национального обвинения режима и империализма», которое объединяло все молодежные организации, исключая правую организацию «Национальная молодежь», провело в эти же дни в Вальпараисо акт единства за национализацию меди, на котором присутствовало более 5 тысяч человек.

Эти действия привели к созданию комитета по национализации меди, в который вошли коммунисты, социалисты, радикалы, социал-демократы, народные социалисты, члены МАПУ и АПИ. Впервые почти за тридцать лет руководители радикалов и социалистов сели за один стол. С другой стороны, представители МАПУ, которые два месяца назад входили в правительство Фрея, впервые присоединились к левым силам, находящимся в оппозиции к христианско-демократическому правительству.

На этих встречах происходили первые обмены мнений по проблеме кандидата в президенты.

Анисето Родригес и другие руководители Социалистической партии предложили Коммунистической партии выдвинуть единого кандидата, а затем призвать другие левые силы поддержать его. Коммунисты не согласились на это, считая, что тем самым будет оказано давление, трудно приемлемое для других партий и движений.

Второе предложение социалистов состояло в создании комитета из представителей Социалистической, Коммунистической партии, а также МАПУ. Этот комитет провозгласил бы кандидата в президенты, а затем призвал бы другие левые силы поддержать его. Однако и этот путь вызвал у коммунистов те же возражения, что и первый. Его принятие означало бы дискриминацию Радикальной партии и сил, которые шли за сенатором Тарудом.

Руководители коммунистов предлагали, чтобы Социалистическая партия призвала бы все другие левые силы создать Координационный комитет. На это представители социалистов ответили новым предложением, которое и было проведено в жизнь. Оно состояло в том, чтобы призыв был осуществлен двумя партиями — Социалистической и Коммунистической.

Обращению предшествовали консультации для уточнения его отдельных пунктов. Сенатор Рафаэль Таруд, чья кандидатура пользовалась поддержкой Социал-демократической партии и АПИ, окончательно отверг возможность того, чтобы его сторонники считались одной группой. Он требовал направить отдельные приглашения ПСД и АПИ. По предложению руководителей социалистов из числа приглашенных в качестве отдельных групп был исключен малочисленный Народный социалистический союз, возглавляемый сенатором Раулем Ампуэро. Группа не выдвинула своего кандидата в президенты.

Наконец 7 октября 1969 года за подписью Анисето Родригеса и Луиса Корвалана Социалистическая и Коммунистическая партии направили радикалам, социал-демократам, АПИ и МАПУ предложения «по организации сильного и широкого движения социального освобождения», для чего указывали на необходимость «выработки совместной программы, определения одинаковой позиции в отношении народного правительства и изучения возможностей выдвижения единого кандидата в президенты».

Приглашались «силы, которые уже назвали своего кандидата, без промедления начать при равном представительстве» переговоры.

Весенним днем¹, в четверг 9 октября 1969 года, в первом зале Салона почета Национального конгресса за длинным столом был создан Координационный комитет Народного единства.

С момента роспуска Народного фронта в 1941 году прошло 28 лет, в течение которых различные левые группы иногда выступали с противоположных позиций. В 1938 году партии, пользующиеся наибольшим влиянием среди рабочих и трудящихся, согласились, участвуя во фронте, на лидерство Радикальной партии. Теперь же коммунисты и социалисты, став решающей силой в развитии национальных событий, увидели возможность с участием Радикальной партии, МАПУ, АПИ и социал-демократов при новых исторических условиях организовать движение, из которого возникнет могучий блок Народного единства.

---

¹ В Южном полушарии, где расположено Чили, весна начинается в сентябре. — *Прим. перев.*

За этим столом в первый же день совместной работы руководители партий и движений Народного единства положили начало не только политическим связям, но и чисто человеческим, в которых нашел свое отражение стиль работы, характерный впоследствии для звеньев нового правительства.

В первой встрече тем октябрьским вечером участвовали: социалисты Анисето Родригес и Адонис Сепульведа, коммунисты Луис Корвалан и Орландо Мильясь, радикалы Карлос Моралес Абарсуа и Орландо Кантуариас, руководители МАПУ Рафаэль Агустин Гумусио и Хайме Гасмури, социал-демократы Эстебан Лейтон и Хуан Тума и представители АПИ Альфонсо Давид Лебон и Гильермо Овалье. Все они стали членами Координационного комитета, на заседаниях которого по очереди, каждую неделю, председательствовали руководители различных партий.

Основным решением этого первого заседания было создание специальной комиссии из 18 человек, по три от каждой группы, для выработки программы правительства Народного единства.

Изложить то, что до настоящего времени было лишь намерениями, придать форму единству левых сил в реальном документе оказалось трудной задачей, на пути решения которой возникали тысячи затруднений.

Программная комиссия начала свою работу 11 октября и завершила ее два месяца спустя единодушным одобрением Основной программы правительства Народного единства. Но эти два месяца не были периодом мирного труда. Страна пережила в этот период такой острый кризис, как мятеж полка «Такна», который вызвал серьезные, но преодолимые разногласия внутри Народного единства. В течение этого времени правые силы выдвинули своим кандидатом в президенты Хорхе Алессандри, а пять кандидатов левых сил увеличили свои поездки по стране и усилили свои кампании, и одновременно каждый из шести участников Народного единства предпринимал усилия для укрепления своих политических позиций внутри единого блока.

Случались и напряженные моменты, когда работа программной комиссии прекращалась и не могла сдвинуться с мертвой точки. И все же переговоры возобновлялись и редактирование документа продвигалось вперед.

Однако, к тому же, в течение этих месяцев Народное единство подвергалось сильным нападкам извне в целях сковать его деятельность и вызвать его распад.

Правая печать использовала любой вид разногласий, возникавших при выработке программы, усиливала любое заявление или утверждение какого-либо из кандидатов или руководителей левых сил с тем, чтобы вызвать обострение в сложных отношениях, которые налаживались между партиями. Эта печать объявляла о распаде Народного единства, о выходе из него той или иной партии, того или иного движения или о предположительном отрицательном отношении той или иной партии или движения к какому-либо кандидату левых сил.

Фальшивые листовки и плакаты, авторство которых приписывалось Коммунистической партии, появлялись во всех крупных городах страны. На них, к примеру, было написано следующее:

«С Нерудой до конца!
Коммунистическая партия».
«Альенде пока еще... не коммунист.
Луис Корвалан».

Комиссия подготовила четыре варианта программы, пока наконец не появился окончательный текст, который был приемлем для всех.

10 ноября 1969 года представители партий и движений, входящих в Народное единство, единодушно приняли за основу один из текстов, подготовленных комиссией. Впоследствии в него вносились изменения и поправки.

Параллельно с этим велись переговоры по проблеме единого кандидата, и их ход вызывал новые осложнения в работе программной комиссии.

15 декабря представители Социалистической партии не появились на заседании Координационного комитета Народного единства. Руководители социалистов утверждали, что текст проекта программы был «упрощен», из него исчезли определения социалистического характера, который должен иметь режим народного правительства, и другие пункты, от которых Социалистическая партия считала невозможным «отказаться».

Создалась напряженная обстановка в отношениях между Социалистической и Коммунистической партиями. На одном из рабочих заседаний комиссии Генеральный секре-

тарь компартии Луис Корвалан выразил протест против некоторых утверждений представителей социалистов. 16 декабря компартия опубликовала заявление, в котором отмечалось, что «Коммунистическая партия выступала за революционный и реалистический характер Программы Народного единства, не делая уступок ни реформизму, ни революционной фразеологии».

Эти инциденты и дебаты внутри Народного единства были связаны с проблемой кандидата в президенты. В этой связи в заявлении коммунистов говорилось: «Компартия — это часть целого, и у нее один голос. Ее голос — это кандидатура Пабло Неруды». Далее отмечалось, что единство не обязательно должно быть создано вокруг кандидатуры Неруды и что компартия «готова поддержать кандидата, о котором будет достигнута договоренность за столом переговоров Народного единства». Коммунисты считали, что «перед тем, как будет назван кандидат, необходимо предварительно одобрить Программу Народного единства и достичь политического соглашения о правительстве, о руководстве, проведении и стиле избирательной кампании». В декларации указывалось также, что «борьба за выдвижение кандидата в президенты не может стать сама по себе главным вопросом на повестке дня».

В отношении руководства, проведения и стиля кампании было сказано, что необходимо «сделать упор не на личность кандидата, а на программу, новый тип правительства и борьбу масс».

Что же касается затруднений при выработке программы, то они были преодолены. 17 декабря 1969 года партии и движения Народного единства пришли к соглашению. В этот день Координационный комитет Народного единства окончательно и единодушно одобрил Основную программу, которая должна была стать руководством к действию будущего правительства Чили.

9. ПРОГРАММА

В комиссии по разработке программы напряженно трудились различные политические деятели, которые впоследствии должны были занять ответственные посты в правительстве Сальвадора Альенде.

Орландо Канмуариас, адвокат, вице-председатель Ра-

дикальной партии, а впоследствии министр горнорудной промышленности, на которого была возложена задача осуществления политики полной национализации меди, возглавил делегацию своей партии.

Клодомиро Альмейда, адвокат, социолог, профессор университета, впоследствии занявший пост министра иностранных дел в первом правительстве Народного единства, возглавил делегацию Социалистической партии. Ему помогал один из руководящих деятелей партии Адонис Сепульведа, который впоследствии по инициативе Народного единства заменил Сальвадора Альенде в сенате, после того как тот занял пост президента, представляя провинции крайнего Юга: Чилоэ, Айсен и Магальянес.

Коммунистическая партия была представлена инженером, активным парламентарием Хорхе Инсунса и рабочими Бернардо Арайя и Самуэлем Рикельме, членами Политической комиссии компартии. МАПУ представляли депутат Хулио Сильва Солар, будущий заместитель министра экономики Оскар Гильермо Гарретон и Висенто Уидобро, занявший через некоторое время одну из ведущих должностей в Корпорации аграрной реформы при правительстве Альенде.

Журналист Лаутаро Охеда, позже заместитель министра земель и колонизации (позднее это министерство было преобразовано в министерство морских богатств) возглавил делегацию Социал-демократической партии и выполнял обязанности секретаря комиссии по выработке программы.

Гильермо Искьердо Арайя и Нило Розенберг представляли АПИ.

Прежде чем комиссия начала свою деятельность, каждая партия и каждое движение внесли свой текст программы, а также другие документы, исследования, доклады и сообщения, которые считали нужными. Подготовка основных положений программы была распределена между представителями различных делегаций с тем, чтобы они сформулировали первые предложения. Изучение самых сложных и противоречивых пунктов было поручено специальным подкомиссиям. Каждый черне составленный документ передавался для рассмотрения и проверки в руководящие органы или политические комиссии соответствующих партий и движений, входящих в Народное единство.

В результате появился документ, не превышающий по размерам брошюру в 30 страниц; ему было предпослано предисловие, и состоял он из семи разделов. Впоследствии, после победы Альенде на выборах, эта брошюра стала продаваться во всех уголках Чили сотнями тысяч экземпляров, и спрос на нее со стороны чилийской общественности, политических и журналистских кругов, а также со стороны зарубежных организаций был огромен.

В Основной программе Народного единства указывалось, что «единственная и действительно важная задача, стоящая перед народным правительством, заключается в том, чтобы покончить с господством империалистов, монополий, помещичьей олигархией и начать строительство социализма в Чили».

«Для того чтобы развивать и направлять борьбу народа Чили на завоевание власти,— говорится в документе,— создадим повсеместно, на каждом предприятии, в деревнях, в поселках, в каждом учреждении и учебном заведении усилиями активистов левых движений и партий комитеты Народного единства, в которые войдет большинство чилийцев, выступающих за коренные преобразования».

В Основной программе Народного единства изложены идеи, высказанные представителями каждой из левых политических организаций.

Радикальная и Социал-демократическая партии разработали определение трех секторов новой экономики страны: а) сектор общественной собственности, куда относятся государственные предприятия, крупные национализированные объекты по добыче полезных ископаемых, банки и система страхования, внешняя торговля, оптовая торговля, крупные предприятия, имеющие важное государственное значение; б) смешанный сектор, куда войдут смешанные предприятия государственного и частного капитала; в) частный сектор, в который должно войти большинство частных предприятий промышленности, горнорудного дела, сельского хозяйства и сферы обслуживания.

Социалистическая партия сформулировала предложения, касающиеся основных политических аспектов программы. Конкретные пункты предложений Социалистической партии вошли в раздел о международной политике народного правительства. В нем говорится, что меж-

Дународная политика будет направлена на «утверждение полной политической и экономической независимости Чили». Подтверждается намерение поддерживать отношения со всеми странами мира, укреплять узы солидарности с народами Латинской Америки и других континентов, а также отстаивать принцип самоопределения народов перед лицом любого «давления или преднамеренной блокады со стороны империалистических стран». В программе говорится: «Будут укрепляться отношения с социалистическими странами, торговля и дружба с ними». И далее: «Чили будет проявлять активную солидарность с кубинской революцией, авангардом революции и строительства социализма на латиноамериканском континенте»; в программе подчеркивается, что народы Чили поддерживают борьбу вьетнамского народа и осуждают американскую агрессию в этой стране.

Многие предложения социалистов Адониса Сепульведа и Ивана Нуньеса вошли в раздел о культуре и образовании.

Были приняты также многочисленные идеи, выдвинутые от имени Коммунистической партии депутатом Хорхе Инсунса. Одна из них указывает на две стороны задачи правительства Народного единства в деле демократизации страны. Первая из них направлена на то, чтобы «сохранить, сделать более эффективными и углубить демократические права и завоевания трудящихся». Вторая направлена на то, чтобы «преобразовать действующие государственные институты в новое государство, в котором трудящиеся могли бы на деле осуществлять власть».

Среди мер по демократизации указывается на необходимость участия представителей профсоюзных и общественных организаций в работе органов власти.

По предложению МАПУ и Коммунистической партии было принято положение о создании Народной ассамблеи как «высшего органа власти».

Представители Радикальной партии внесли ряд предложений по сохранению принципов автономии и экономической независимости судебной власти, возглавляемой Верховным судом, который назначается ассамблеей.

Представители Коммунистической партии сформулировали также предложения относительно новой роли вооруженных сил. Определенный вклад в развитие этой темы внесли представители Независимого народного дейст-

вия. От имени группы военных в отставке, представляющих Независимое народное действие, Хосе Мигель Вера и Гильермо Искьердо Арайя передали комиссии предложения относительно новой роли чилийских вооруженных сил.

МАПУ была единственной политической группой, представившей полный проект программы под названием Протокол предложений народа, многие идеи которого были учтены при написании вступительной части программы. Жак Чончоль, ставший позднее министром сельского хозяйства в правительстве Альенде, специально присутствовал на заседаниях комиссии, на которых обсуждались семь пунктов, касающихся «углубления и расширения процесса проведения аграрной реформы». Оскар Гильермо Гарретон, экономист и автор капитального труда о концентрации власти монополий в Чили, содействовал разработке идей об экономическом планировании и строительстве новой экономики, предложенных Народным единством.

Социал-демократы Лаутаро Охеда и Хуан Тума сформулировали различные предложения по экономическим вопросам, по составлению новой политической конституции, а также некоторых положений раздела о внешней политике.

Так комиссия завершила свою работу, которая затем была одобрена Координационным комитетом Народного единства.

Однако после принятия Основной программы Народного единства предстояло преодолеть еще большие трудности, вставшие на пути к достижению соглашения о выдвижении единого кандидата левых сил.

10. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

Переговоры относительно кандидата в президенты от Народного единства проходили одновременно с завершением последнего этапа работы комиссии по выработке программы.

С формальной точки зрения эти события можно было рассматривать как чередование переговоров, маневров и соглашений, составляющих традиционный стиль чилий-

ской «политической кухни». Но если рассматривать их с точки зрения будущих событий, то можно утверждать, что не было другого пути для достижения соглашения между политическими представителями различных социальных сил, у которых была общая цель — завоевать власть и создать правительство республики, способное начать глубокие преобразования.

Руководители партий и движений, входящих в Народное единство, продемонстрировали в эти дни твердость в отстаивании своих позиций. Одновременно они проявили гибкость и понимание реального положения вещей, выказывая в нужный момент готовность идти на уступки для достижения искомого соглашения.

Хотя сенатор Сальвадор Альенде с самого начала обладал, по-видимому, наибольшими возможностями избрания, по правде говоря, когда в декабре начались переговоры, ни один из пяти кандидатов еще не мог рассчитывать на победу. Более того, нельзя было гарантировать, что сам блок Народного единства не распадется.

В июле того же 1969 года в доме у Ренэ Корнехо, зубного врача и предпринимателя, была устроена встреча сенатора Альенде с двумя лидерами МАПУ — сенатором Альберто Хересом и депутатом Хулио Сильва Соларом. В те дни Альенде еще не был выдвинут кандидатом от своей партии.

В откровенном разговоре руководители МАПУ признались Альенде, что они не считают его самой подходящей фигурой, чтобы представлять левых на предстоящих предвыборных баталиях. Не сомневаясь в его политической честности и личных достоинствах, необходимых для будущего президента республики, они высказали мнение, что он не сможет одолеть правых, группирующихся вокруг Алессандри.

Альберто Херес и Хулио Сильва утверждали: чтобы победить старого Алессандри, основным лозунгом которого в предстоящей кампании было нападать на политиков и критиковать пороки местного «политиканства», необходима новая личность наподобие Жака Чончоля, который был бы известен в стране как технический специалист. Альенде же, по мнению руководителей МАПУ, был политическим деятелем с 32-летним парламентским стажем, отождествляемым с деятельностью Национального собрания, потерявшего авторитет.

«Кроме того, Сальвадор, — сказал Альберто Херес, — по многим причинам ты не можешь привлечь на свою сторону современную молодежь в той мере, в какой это может сделать Чончоль».

Сенатор Сальвадор Альенде не сложил оружия. Он ответил, что может рассчитывать на «первоначальный капитал из одного миллиона голосов», собранных на выборах 1964 года, капитал, который мог быть увеличен до 1400 тысяч, если Народное единство будет создано.

«Я пользуюсь большой популярностью. Альенде знают во всех уголках страны. А сколько времени и сколько средств потребуется, чтобы такой же известностью стал пользоваться Чончоль?»

Он добавил категорическим тоном: «Кроме того, я единственный, кто может получить поддержку всех левых сил. Другого нет».

Высказывания этих двух представителей МАПУ в действительности отражали мнение многих руководящих деятелей и рядовых членов левых партий в тот период.

Каждый человек переживает хорошие и плохие моменты в своей жизни. Возможно, что одно из наибольших достоинств, которые могут быть у человека, — это умение вовремя осмыслить те внутренние причины, которые приводят его к отрыву от современной эпохи, преодолеть их силой воли и заставить свое сердце биться в унисон со временем. Впоследствии Сальвадор Альенде покажет, что он обладает этим достоинством.

Но в те дни середины 1969 года, по мнению многих чилийцев, сенатор Альенде находился на закате своей политической карьеры. И те же самые люди — многие из которых в 1970 году проголосовали за него — с удивлением видели впоследствии, как кандидат в президенты Альенде, энергичный и помолодевший, разъезжал по стране. Позднее они еще больше удивились, видя, как 62-летний президент Альенде, подтянутый и решительный, правил страной, глубоко проникнувшись исторической ответственностью своей миссии...

В таких условиях в ноябре 1969 года начались совещания «круглого стола» Народного единства по вопросам выдвижения в президенты от левых сил.

Изобретательный социал-демократ Хуан Тума предложил сложный механизм голосования, названный им «фак-

ториальной системой»¹. В этом случае было бы достаточно, чтобы члены Координационного комитета Народного единства провели бы целый день в подсчете голосов, и кандидат был бы определен. Единственная проблема заключалась в том, что благодаря этой «факториальной системе» можно было избрать только Рафаэля Таруда, то есть кандидата, предложенного самим Хуаном Тума, и никого другого.

Руководители МАПУ со своей стороны предложили организовать обсуждение на местах, в процессе которого руководители профсоюзов, жителей поселков и студенческих организаций высказались бы за того или иного кандидата.

Но в конце концов был избран путь межпартийных консультаций.

Руководители партий и движений Народного единства проявили большую активность. Их можно было видеть и в помещении Радикальной партии на улице Агустинас, и в помещении социалистов на улице Сан-Мартин, и в помещении АПИ — улица Компания, и в помещении Коммунистической партии на улице Театинос. Залы сената и палаты депутатов, кресла в кулуарах парламента и залы традиционных приемов обеих палат Национального конгресса превратились в места постоянных встреч, обмена мнений, прощупывания почвы и достижения соглашений. Встречи в домах руководителей или на нейтральной почве служили для установления, возобновления или прекращения переговоров — двух-, трех-, четырех- и более сторонних — в поисках формулы, удовлетворяющей всех.

Прошедший в последнюю неделю ноября 1969 года XIV Национальный съезд Коммунистической партии нарушил устоявшийся ход переговоров. Созыв съезда позволил руководителям Коммунистической партии подтвердить свои позиции и обеспечил представителям остальных левых сил возможность с трибуны съезда высказать свою точку зрения во время их выступлений с приветствиями в адрес участников съезда партии — своего союзника, собравшихся в театре «Кауполикан».

В эти дни отношения между коммунистами и социалистами переживали подъемы и спады.

---

¹ Формальный математический подсчет с использованием общего коэффициента. — *Прим. перев.*

На совместном заседании руководств обеих партий, происходившем на втором этаже помещения Коммунистической партии на улице Театинос, Луис Корвалан подтвердил, что кандидатом от КПЧ является Пабло Неруда.

Анисето Родригес, Адонис Сепульведа, Луис Херес и Хайме Суарес выступили от имени Социалистической партии с предложением согласовать позицию Коммунистической партии в отношении кандидата социалистов.

Корвалан, Орландо Мильяс и Хорхе Инсунса объяснили позицию КПЧ.

Руководители социалистов хотели знать, не означает ли такая позиция коммунистов, что Коммунистическая партия просит у социалистов снять своего кандидата, чтобы поддержать кандидата коммунистов, но ответ был отрицательный. Речь шла не об этом.

Через несколько дней в доме Луиса Корвалана было организовано совещание между Сальвадором Альенде и руководителями коммунистов. Они ему разъяснили свою точку зрения, уже высказанную руководителям Социалистической партии.

11. ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

Многочисленные встречи лидеров Народного единства участились накануне и сразу же после празднования Нового 1969 года; создавшуюся пеструю мозаику позиций можно было представить следующим образом:

Социалистическая партия настаивала на кандидатуре Альенде, впрочем не отвергая полностью возможность замены его на кандидатуру, например, сенатора Анисето Родригеса. Социалистическая партия отвергала всякую возможность поддержки кандидатур Бальтры, Таруда или сенатора по МАПУ Рафаэля Агустина Гумусио, не объявленного официально кандидатом.

Коммунистическая партия придерживалась позиции «Неруда или другой». Руководство КПЧ сообщило, что коммунисты будут голосовать за того кандидата, который добьется поддержки со стороны четырех организаций Народного единства, тогда, включая Коммунистическую партию, этот кандидат получит голоса пяти групп. Если

шестая партия, или Независимое народное действие, откажется от присоединения к большинству и от поддержки единого кандидата, это означало бы, что руководителей этой организации не интересует единство. Коммунисты считали, что любое решение должно быть поддержано по крайней мере Социалистической, Радикальной и Коммунистической партиями, самыми сильными партиями коалиции. Коммунистическая партия еще раз подтвердила, что она не навязывает своей воли Социалистической партии. Руководители коммунистов встречались поочередно со всеми кандидатами других политических организаций Народного единства, чтобы подтвердить, так же как и сенатору Альенде, что они продолжают поддерживать Пабло Неруду.

МАПУ настаивало на кандидатуре Чончоля, но не отвергало возможности заменить его кандидатурой Гумусио. В отношении других кандидатур указывалось, что по политическим мотивам им нельзя было поддерживать ни Бальтру, ни Таруда. Хотя кандидатура Альенде им не подходила, они заверяли, что в случае, если в отношении Альенде будет достигнуто единодушное соглашение, они его поддержат.

Радикальная партия настаивала на кандидатуре Бальтры. Решительно отвергала возможность рассмотрения других кандидатур, кроме объявленных официально; таким образом, радикалы отказывались поддерживать Анисето Родригеса и Рафаэля Агустина Гумусио.

Социал-демократическая партия настаивала на кандидатуре Таруда. Отвергала возможность рассмотрения новых имен, не включенных в программу обсуждения за «круглым столом».

Независимое народное действие настаивало на кандидатуре Таруда и отказывалось рассматривать новые имена...

Политическая комиссия Коммунистической партии собиралась один или два раза в день для рассмотрения хода переговоров. И так же как и в других случаях, решения принимались после опроса мнения всех 16 членов комиссии, большинство которых составляли рабочие.

Поэтому нельзя говорить, что успешная деятельность коммунистов в этих переговорах зависела исключительно от искусства Корвалана или других участников переговоров.

Хотя Корвалан пользуется наибольшим авторитетом в руководстве Коммунистической партии, свою личную точку зрения он во время коллективных дискуссий не навязывает другим.

Человек небольшого роста, за плечами которого более пятидесяти лет неустанной борьбы, Луис Корвалан является поистине носителем чилийского народного юмора, который, возможно, отчасти объясняется его крестьянским происхождением. В своей речи он использует образные и меткие выражения, свойственные народному языку. Так, например, в одном из своих выступлений, говоря о кандидатуре Алессандри, он сказал: «Те, кто хочет вернуть прошлое, плюют против ветра». Или: характеризуя когда-то раньше ситуацию в стране, он сказал, что для чилийской революции «время еще не пришло», так как «посевы еще не на блюде».

Сын учителя начальной школы и сам впоследствии учитель, Корвалан родился в южном городе Тома. Будучи студентом Педагогического института Чильяна, Корвалан вступил в ряды организации Коммунистической молодежи. Сначала он был молодежным вожаком, затем репортером, редактором газеты «Сигло», наконец, руководителем и организатором Коммунистической партии; в период подполья он был заключен в тюрьму, подвергался пыткам и был заключен в концлагерь в Писагуа. Он присутствовал при принятии многих важных решений международным коммунистическим движением.

Когда обострились противоречия между латиноамериканскими революционерами и казалось, что нет никакой перспективы для примирения, Корвалан в 1967 году написал статью «Союз революционных и антиимпериалистических сил Латинской Америки», в которой утверждал, что такая перспектива есть. Дальнейшая практика показала, что его позиция была дальновидной, так как постепенно стала намечаться тенденция к возобновлению встреч между латиноамериканскими революционерами.

Если дом, в котором проживает человек, чем-то напоминает характер своего хозяина, то это с полным правом можно отнести к дому Корвалана. Это дом южанина, переехавшего в столицу Чили. Деревянная галерея, идущая к кухне, в центре которой возвышается большой стол — в Сантьяго, городе, где мало осадков, все это на-

поминает те районы Чили, где неделями не прекращаются дожди.

Этот дом был куплен Пабло Нерудой на деньги, полученные при награждении его Ленинской премией в защиту мира, и подарен Коммунистической партии.

В этом доме Корвалан живет с женой, детьми и тестем все время за исключением периодов, когда партийный долг обязывает его уезжать в поездку по Чили или за рубеж, а также в случаях, когда какая-либо угроза заставляла его принимать меры предосторожности и уходить в подполье.

В период обострения политической обстановки, когда необходимо принимать важные решения, груз ответственности иногда лишает Корвалана сна. Тогда мучающий его хронический синусит превращается в пытку, но как только буря утихает, физические мучения также временно отступают.

Он глубоко переживает невозможность осуществить свое намерение: написать ряд политических книг, замысел которых готов у него в голове, — так как повседневная деятельность поглощает все его время.

После того как было создано правительство Народного единства, Корвалан признался в беседе с автором этих строк: «Похоже, что я уже попал в историю, теперь проблема заключается в том, как мне выйти из нее».

Будучи Генеральным секретарем Коммунистической партии с 1958 года и сенатором с 1961 года, Корвалан не имеет возможности из-за занятости партийными делами посещать регулярно сессии парламента. Он участвует лишь в важнейших голосованиях, принимает участие в дебатах или в разборе какого-либо проекта, как, например, закона об аграрной реформе, в обсуждении которого он принимал участие в течение нескольких месяцев. В качестве сенатора Корвалан уделяет внимание проблемам тех провинций, которые он представляет в сенате: первоначально это были Консепсьон и Арауко, а позднее Вальпараисо.

В дни обсуждений за «круглым столом» Народного единства дом Генерального секретаря Коммунистической партии превратился в место важных встреч, во время которых он показал себя гостеприимным хозяином.

В один из летних дней во дворе этого дома произошла беседа между Корваланом и Орландо Мильясом, с одной

стороны, и социалистами Анисето Родригесом и Адонисом Сепульведой — с другой.

Хотя об этом не говорилось, но из имевших место двух- и многосторонних переговоров вытекало, что сенатор Альенде имеет наибольшую возможность стать единственным кандидатом.

Коммунистическая партия считала, что, прежде чем будет достигнуто соглашение о кандидате, необходимо подписать политический пакт, ясно определяющий ответственность кандидата и каждой партии во время избирательной кампании и в будущем совместном правительстве. Коммунистическая партия была против того, чтобы по чилийской традиции кандидат и его партия получили бы неограниченные полномочия.

«Означает ли это, что вы не доверяете?» — спросил Анисето Родригес.

Корвалан ответил, что да.

Поэтому в то время, как все чилийцы праздновали Новый год, руководители Народного единства занялись изучением материалов для выработки политического пакта. 26 декабря руководителями левых партий и движений был подписан Пакт Народного единства.

Этот пакт провозгласил целью дать Чили «действенное правительство, широкую поддержку которому окажут все партии, движения и общественные силы, сделавшие возможным единство народа». Это правительство должно выражать интересы «всех общественных сил, выступающих против местных и иностранных монополий», и, кроме того, исключить возможность «гегемонии какой-либо партии в любой форме».

Пакт содержал четыре пункта норм управления страной при правительстве Народного единства.

Первый пункт гласил:

«Торжественно обещаем, что кандидат в президенты и партии и движения, которые его поддерживают, создадут народное правительство, а не правительство одного человека и будут управлять страной на основе единства и сотрудничества политических организаций народа, профсоюзных и массовых организаций, причем каждая из этих организаций будет нести определенную ответственность в соответствующих звеньях государственного аппарата в деле управления страной. Народное правительство будет действовать в согласии с большинством нации, оно

будет многопартийным, и при принятии важных решений будет учитываться общее мнение тех сил, которые создали это правительство и входят в него. Поэтому это не будет правительство одной партии и тем более не будет правительство личной власти. Мы изберем не монарха, а уполномоченного представителя народа. В органах управления нового правительства будут представлены все партии и движения, которые его создали».

Второй пункт Пакта Народного единства предусматривает, что «в правительстве Народного единства действия президента республики, партий и движений, входящих в это правительство, должны координироваться Политическим комитетом, в котором будут представлены эти силы». Наряду с другими задачами этот комитет должен будет рассматривать совместно с президентом республики «эффективность планов правительства и, в особенности, ход практического осуществления экономических и социальных, политических мероприятий, а также внешней политики».

В третьем пункте выражается решимость «избегать во что бы то ни стало дробления и установления зон влияния в отдельных звеньях государственного аппарата». В нем отмечалось, что «на каждом этапе работ и в решающих звеньях государственного управления будут представлены все силы, которые создадут народное правительство». Практически это должно означать назначение представителей различных партий и движений, входящих в Народное единство, на ответственные должности в министерствах, общественных учреждениях и государственных предприятиях, благодаря чему в каждом из них установится многопартийное коллективное руководство.

Четвертый пункт Пакта Народного единства указывает на то, что «правительство Народного единства будет сильным правительством, но не в смысле силы аппарата полицейского принуждения», а в основном благодаря ясности своих принципов и своей программы, а также благодаря поддержке народа.

В документе отмечается, что «в нашей стране потерпели поражение правительство, основой которых была единоличная власть президента республики, обладавшего полной и абсолютной властью».

Как только Пакт Народного единства был обнародован, развернулась яростная кампания нападок против ле-

вых сил. Утверждали, например, что президент республики от Народного единства станет якобы марионеткой, связанной по рукам и ногам директивами партий.

В действительности никогда прежде в Чили ни одна политическая сила не достигала в стране подобного соглашения о правительстве, основанном на совместных и коллективных решениях политического многопартийного блока, возглавляемом президентом республики, который при этом ни своей власти, ни своего авторитета не теряет.

Пакт Народного единства возымел немедленное воздействие на массы тем, что показал существенное различие между кандидатурой левых и другими кандидатурами — Алессандри и Томичем. Кандидат правых Алессандри предлагал авторитетное правительство, основанное на личной власти. Приход к власти христианского демократа Томича означал бы однопартийное правительство, а личность президента была бы также увенчана ореолом единовластия.

В последние дни перед выборами Координационный комитет Народного единства принял еще один документ, состоящий из семи пунктов, озаглавленный «Соглашение о проведении и стиле кампании». В нем говорилось о твердом намерении вести избирательную кампанию на основе главных положений программы, а также на основе развития борьбы рабочего класса и средних слоев за их нужды и требования. «Классовая борьба,— говорилось в документе,— в той мере, в какой она соответствует чилийской действительности, должна играть главную роль в предвыборной кампании». «В период избирательной кампании следует расширить идеологическое и практическое выступления против правительства христианских демократов, против империалистов и правых сил»,— указывалось в Соглашении.

Отмечалось, что Народное единство должно давать отпор демагогии правых и христианских демократов, отпор их деятельности пропагандистских аппаратов, не прибегая самим к другой форме демагогии и не сея иллюзий. Речь идет о том, отмечалось в документе, чтобы «поднять сознание народа до понимания его ответственности и его прав, его возможности добиться благосостояния».

Во время избирательной кампании, которую следует понимать как глубокий воспитательный процесс, должна крепиться «несгибаемая воля к решительному отпору со-

противлению империалистов и привилегированных слоев внутри страны».

Вместо того чтобы передать руководство кампанией только самому кандидату и его партии, как это обычно происходило ранее при выдвижении левых кандидатов, на этот раз было решено, что «руководство избирательной кампанией возьмут в свои руки партии, движения и силы, входящие в Народное единство». Для этого было образовано политическое руководство и придавалось огромное значение комитетам Народного единства, которые должны были создаваться по всей территории страны и стать «зародышем народной власти».

В последних числах декабря 1969 года единство левых сил уже стояло на прочной основе. Образовался блок Народного единства, имелась программа — плод двухмесячной работы, были выработаны общие нормы, которыми должно было руководствоваться будущее правительство левых, и даже были подготовлены правила проведения избирательной кампании.

Однако руководители Народного единства сочли необходимым подписать еще четвертый документ.

Он был составлен в одном экземпляре и подписан руководителями шести политических организаций, входящих в Народное единство, а также секретарем Координационного комитета Лаутаро Охедой. Текст документа не был опубликован.

В нем содержалась договоренность о том, что, кто бы ни был назначен кандидатом, в его посланиях благодарности, которые он пошлет каждой партии или движению Народного единства, будут содержаться следующие идеи:

1. Присоединение кандидата к «Основной программе Народного единства» и к «Соглашению о проведении и стиле предвыборной кампании».

2. Подтверждение взятого обязательства о том, что в правительстве будут представлены все организации, входящие в Координационный комитет Народного единства.

3. Выражение готовности, от себя лично и от имени своей партии, назначить министров согласно нижеследующим нормам пропорциональности: а) Коммунистическая, Социалистическая и Радикальная партии должны быть представлены равно; б) организации, которые поддерживают предварительную кандидатуру сенатора Та-

руда, будут считаться вследствие этого одной партией и, вместе взятые, будут иметь то же представительство, которое предусматривается для каждой партии в предыдущем пункте; в) МАПУ будет представлено как партия, которой даются наибольшие привилегии среди тех, кто перечислен в пункте «б».

Другими словами, документ узаконивал известную министерскую формулу 3—3—3—2—2—1. Иначе говоря, предполагалось иметь трех министров-радикалов, трех социалистов, трех коммунистов, двух от МАПУ, двух от других группировок, поддерживающих Таруда, и одного — еще от кого-нибудь.

Таким образом, левые решили не упускать ни одной детали.

Оставалась только одна проблема.

Против Алессандри и Томича Народное единство выставило — ни больше, ни меньше — пять кандидатов.

12. НА МЕРТВОЙ ТОЧКЕ

В Народном единстве имелась договоренность о том, что единый кандидат должен быть определен до конца 1969 года. Но начался 1970 год, а переговоры внезапно были прерваны, и все, казалось, надо было начинать с нуля.

После окончания бесед и выяснения мнений следовало решить вопрос о кандидатуре в последние два дня декабря. Для руководителей Народного единства и для журналистов это были тяжелые дни, когда нужно было беспрерывно перемещаться из одного места в другое и даже посещать пункт неотложной медицинской помощи.

Координационный комитет Народного единства заседал в эти дни непрерывно; было решено провести пробное голосование предложенных кандидатур. Каждая партия или движение должны были назвать два имени: имя выдвинутого ими кандидата и другое на случай, если ее кандидат будет отвергнут.

Представители каждой организации Народного единства высказались следующим образом.

Социалистическая партия: Сальвадор Альенде или Пабло Неруда.

Коммунистическая партия: Пабло Неруда или Сальвадор Альенде.

МАПУ: Жак Чончоль или Пабло Неруда.

Радикальная партия: Альберто Бальтра или Рафаэль Таруд.

АПИ: Рафаэль Таруд или Альберто Бальтра.

Социал-демократическая партия: Рафаэль Таруд или Альберто Бальтра.

Подсчет показал, что Неруда, Бальтра и Таруд получили по 3 очка каждый, Альенде — 2, а Чончоль — 1.

В помещении Коммунистической партии вечером во вторник 30 декабря состоялось решающее заседание. В качестве хозяев Корвалан, Орландо Мильяс и Хорхе Инсуна принимали гостей: председателя Радикальной партии Карлоса Моралеса, председателя АПИ Альфонсо Давида Лебона и руководителей Социал-демократической партии Эстебана Лейтона и Хуана Тума.

По мнению коммунистов, ознакомление с мнениями в этот период показало, что не было возможностей оставлять кандидатами ни Таруда, ни Бальтру, так как ни один из них не мог бы получить больше трех очков. Поэтому гостям было предложено искать другие формулировки и изучить, например, вопрос о том, при каких условиях они будут согласны поддержать кандидатуру сенатора Альенде.

Услышав это, Тума побледнел. Бывший депутат и заместитель генерального секретаря Социал-демократической партии, Хуан Тума Массо посвятил в последние месяцы всю свою деятельность содействию выдвижению кандидатуры Рафаэля Таруда, с которым он был связан не только узами дружбы, но и общностью происхождения — из арабов. Тума полагал, что Таруд будет наилучшим президентом во всей истории страны и что на выборах он добьется победы. Поэтому он продолжал настаивать, что Таруд — это все. В Последние дни Тума очень волновался, поэтому выкуривал ежедневно по две пачки сигарет и выпивал по пятнадцать чашек кофе. У него было пониженное давление. И сейчас, когда он сидел в кресле в здании ЦК КПЧ, с ним случился удар.

Его срочно в бессознательном состоянии отправили на центральный пункт скорой помощи. Руководители всех левых партий организовали там дежурство, пока не полу-

чили сведения о том, что он пришел в себя и отправлен домой.

Прямо с пункта скорой помощи Корвалан и другие участники переговоров отправились в дом сенатора Таруда и беседовали с ним до рассвета. Они убеждали его, что результаты опроса мнений показали: его кандидатура бесперспективна. Но Таруд настаивал на том, что Социалистическая партия и МАПУ могут еще решить оказать ему поддержку.

Аналогичные мнения сложились относительно кандидатуры Бальтры, что было высказано представителями коммунистов руководителям Радикальной партии на специальной встрече, в которой участвовали председатель Радикальной партии Карлос Моралес, сенатор Уго Миранда и заместитель председателя партии Орlando Кантуриас. Им предложили поддержать кандидатуру Альенде.

Ранее Альберто Бальтра просил депутата-коммуниста Орlando Мильяса о том, что если Коммунистическая партия в какой-то момент придет к выводу, что его кандидатура не будет иметь достаточной поддержки, то пусть его своевременно поставят об этом в известность. Поэтому после встречи с руководством Радикальной партии сенаторы-коммунисты Хульета Кампусано и Володя Тейтельбойм направились к Бальтре и откровенно сообщили ему, к какому выводу пришла Коммунистическая партия.

Именно в это время впервые внутри Народного единства возник блок.

31 декабря руководители Радикальной, Социал-демократической партий и АПИ прервали переговоры с представителями остальных партий и заняли жесткую позицию. Ходили разговоры, что «Коммунистическая партия наложила вето на кандидатуры Бальтры и Таруда».

Утром того же дня сенатор Альберто Херес и заместитель генерального секретаря МАПУ Хайме Гасмури объявили о снятии кандидатуры Чончоля. Они обратились к остальным партиям с призывом последовать их примеру, чтобы открыть путь к достижению соглашения.

В течение всего последнего дня 1969 года Координационный комитет Народного единства продолжал заседать в помещении Независимого народного действия. Три партии, поддерживающие кандидатуры Альберто Бальтры и Рафаэля Таруда, не изменили своих позиций; они указали, что, если к полуночи не будет достигнуто соглашение,

они будут считать себя свободными от каких бы то ни было обязательств, так как, по их мнению, срок выдвижения кандидата истекал в новогоднюю ночь.

Было предложено провести вновь голосование, но руководители МАПУ воспротивились этому, сославшись на то, что после снятия своей кандидатуры они не могут участвовать в голосовании. В этот момент МАПУ объявило себя сторонником поисков соглашения относительно кандидатуры Пабло Неруды или какого-либо социалиста, не вошедшего в списки кандидатов.

Корвалан от имени Коммунистической партии настаивал на необходимости искать политического взаимопонимания и в конце концов остановиться на одном из четырех кандидатов, которые не выбыли из игры. Однако если это окажется невозможным, то, предложил он, можно рассмотреть такие вероятные кандидатуры, не входящие в списки «круглого стола», как сенатор от МАПУ Рафаэль Агустин Гумусио. Важно, подчеркнул он, достичь решения.

Ввиду отсутствия соглашения, руководители Социалистической, Коммунистической партий и МАПУ предложили прервать заседание и возобновить его после Нового года. Это предложение было отвергнуто представителями Радикальной, Социал-демократической партий и АПИ, которые настаивали не прерывать заседания до полуночи. Если не будет достигнуто соглашение, дальнейшие переговоры будут бесполезны.

Время прошло незаметно. Ночью без десяти минут 11 заседание окончилось. Не было достигнуто соглашение даже относительно назначения нового заседания. Было зачитано лишь коммюнике, в котором в общих чертах указывалось, что Координационный комитет откровенно признает, что «еще имеются некоторые трудности, но у всех есть намерение покончить с ними в кратчайший срок».

13. И НАКОНЕЦ...

Возникновение блока Бальтра — Таруд разделило Народное единство на два крыла. Одно из них составляли социалисты, коммунисты и МАПУ. К другому относились Радикальная партия и две небольшие группировки после-

дователей сенатора Таруда. Внутри блока Бальтра — Таруд стали поговаривать о возможном создании союза в рамках так называемой Социал-демократической федерации.

Радикальная партия, Социал-демократическая партия и АПИ указывали в совместной декларации от 2 января 1970 года, что «возможности наших кандидатов позволят привлечь на сторону Народного единства столько их сторонников, что будет обеспечена победа народных сил». Руководители этих партий открыто намекали, что кандидаты от других партий, то есть сенатор Альенде или Пабло Неруда — единственные кандидаты, которые не выбыли из игры, — не смогут получить поддержки определенных групп из средних слоев и предпринимателей, кои, по их мнению, смогли бы привлечь на свою сторону Бальтру или Таруда.

В конечном счете они давали понять, что кандидатуры от радикалов и от АПИ предлагают более приемлемую программу для слоев, занимающих непоследовательные революционные позиции. Поэтому блок Бальтра — Таруд настаивал на праве возглавить коалицию.

Сенатор Таруд со своей стороны утверждал, что «Народное единство — это вроде векселя, срок которого истек 31 декабря и который был опротестован». По его словам, Народному единству пришел «капут».

Ответ коммунистов был твердым. Политическая комиссия Коммунистической партии организовала пресс-конференцию, на которой Корвалан сказал, что «нам непонятна позиция Радикальной партии и примыкающих к ней организаций, которые превращают вопрос о сроке в проблему жизни или смерти». И впервые публично руководитель коммунистов констатировал: не все партии и движения Народного единства имеют одинаковое влияние и силу. «Мнения разошлись, — сказал Корвалан, — но это еще не означает вето. Мы не накладывали вето ни на одну из кандидатур. Мы не образовали блоки и субблоки. И если Бальтра и Таруд получили три очка за круглым столом, то такое же количество очков получил Неруда, выступающий от партий, которые, вместе взятые, опираются на 800 тысяч голосов избирателей страны».

Хотя Корвалан об этом не говорил, все хорошо знали, что на последних парламентских выборах Радикальная партия получила лишь около 300 тысяч голосов, Социал-

демократическая партия — 20 тысяч, а АПИ еще не получала никаких голосов, так как была организована уже после выборов.

Коммунистическая партия предложила возобновить переговоры, считая, что из кандидатур «круглого стола» ни одна не может быть назначена большинством, в которое не были бы включены коммунисты, социалисты и радикалы. На данный момент, сказал Корвалан, «мы не снимаем кандидатуру Пабло Неруды и не опустим знамя Народного единства».

Члены Центрального комитета Коммунистической партии посетили все провинции страны, информизируя низовые партийные организации и активизируя кампанию в поддержку Пабло Неруды и борьбу за достижение соглашения в рамках Народного единства.

И именно тогда, в первых числах января 1970 года, было доказано, что Народное единство — это не нечто, навязанное «сверху», а политический факт, блок, отвечающий стремлениям огромных масс чилийцев.

В адрес организаций, партий и движений Народного единства, в адрес их руководителей стали прибывать тысячи писем и телеграмм от самых разных людей, в которых содержалось требование назначить единого кандидата Народного единства.

В редакции левых газет, редакции радио и телевидения приходили делегации с требованием единства.

По всей стране продолжали создаваться комитеты и избирательные комиссии Народного единства, которые в первую очередь направляли петиции к руководству своих партий с просьбой быстрее прийти к соглашению. «Интересы народа и родины требуют решения вопроса о назначении кандидата народа. Любое серьезное разногласие не будет поддержано народными массами», — так, например, говорилось в заявлении, подписанном руководителями организаций всех партий Народного единства провинции Осорно. В петиции в адрес национальных руководств левых сил, присланной из провинции О'Хиггинс, говорилось: «Приложите усилия, чтобы как можно скорее назначить кандидата. Мы считаем, что главная цель — это программа». Отраслевые профсоюзные федерации, крестьянские организации, отдельные профсоюзы, хунты соседей¹ и

---

¹ Организации по месту жительства. — *Прим. перев.*

даже спортивные клубы требовали единства. «Мы, трудящиеся, тысячу раз просим единства, потому что желудок не имеет ни политической окраски, ни религиозного верования»,— говорилось в письме, подписанном 66 рабочими-строителями из Вилья-Мехико общины Майпу. «Задержка нанесет ущерб надеждам народа, направленным на завоевание народного правительства»,— писали индейцы мауче и сельскохозяйственные рабочие провинции Каутин.

Рабочие компании «Минера Андина» просили скорее определить кандидата «как единственную возможность, способную пресечь козни буржуазии и империализма». Крестьяне провинции О'Хиггинс требовали от руководителей и кандидатов левых «отложить все разногласия личного порядка» и найти путь к соглашению. «Невыполнение этой задачи возложит на вас ответственность за возврат правых к власти»,— говорилось в послании комитета Народного единства Корпорации развития. «Каждый прошедший без пользы день приносит выгоду кандидатам правых и правительству»,— указывал комитет Народного единства Кольипульи.

По всей стране проходили митинги, участники которых требовали принятия определенного решения. Один из участников митинга в Каламе, на который собрались две тысячи трудящихся, попросил присутствовавшую там депутатку от левых сил: «Товарищ, передайте там, в Сантьяго, чтобы они договорились...»

Молодежь из Народного единства организовала в Сантьяго и в других городах сбор подписей. Были поставлены столы прямо на центральном вокзале, на улице Аумада, на Аламеде и в других многолюдных местах. Тысячи прохожих подходили, чтобы подписаться под простым лозунгом: «Чилийский народ требует единого кандидата левых! Мы отвергаем раскол! Требуем Народного единства!»

В первую неделю января отказались от выдвижения своих кандидатур радикал Альберто Бальтра и сенатор-социалист Сальвадор Альенде. Но здесь речь шла о том явлении, которое в Чили называется «отказ на помочах», то есть на словах, когда в каждом случае этот отказ единодушно отвергается руководством. Что касается Альенде, то этим самым укреплялись его позиции, которым внутри Социалистической партии угрожали те, кто счи-

тал более целесообразным заменить его кандидатуру кандидатурой Анисето Родригеса.

Национальный исполнительный комитет Радикальной партии глубоко обсудил создавшееся положение. Только один из руководителей партии, сенатор Рауль Моралес Адриасола (позднее, будучи изгнанным из Радикальной партии, он поддержал Алессандри, кроме того, было обнаружено, что он замешан в деле Шнейдера), предложил отказаться от Пакта Народного единства.

Сенатор Луис Фернандо Луэнго, единственный парламентарий от Социал-демократической партии, признал себя публично сторонником кандидатуры Альенде, хотя официальным кандидатом от его партии был Рафаэль Таруд.

Коммунисты настаивали на том, что, если ни одна из четырех кандидатур, оставшихся для согласования, не позволяет прийти к соглашению, надо искать новые имена из тех, кто не входил в «круглый стол». Подобного же мнения придерживались руководители МАПУ.

На третьей неделе января возобновились контакты, и обстановка начала проясняться.

19 января руководитель МАПУ сделал заявление, в котором провозгласил себя сторонником того, чтобы единый кандидат Народного единства был членом партии, «более близкой классу трудящихся», что означало: они отдадут предпочтение социалисту или коммунисту.

Между тем Коммунистическая партия активно готовила массовый митинг, который должен был состояться в четверг 22 января на проспекте Бульнес, самой широкой магистрали Сантьяго.

Коммунисты призывали жителей Сантьяго, придерживающихся левых убеждений, собраться и потребовать назначения единого кандидата. Если к этому времени не будет достигнуто соглашение, на митинге должна была быть провозглашена кандидатура Пабло Неруды, который таким образом становился знаменосцем единства всех левых сил.

Объявление об этом решении, а также отклик, который находил в народных массах призыв коммунистов, произвели сильное впечатление на руководителей остальных организаций Народного единства.

В этот период, кроме всего прочего, у руководителей левых партий и движений начало складываться все более

глубокое убеждение, что решение будет достигнуто, если провозгласить единым кандидатом Сальвадора Альенде.

20 января, в полдень, договорившись со своей партией, безоговорочно снял свою кандидатуру радикал Альберто Бальтра. Вечером того же дня его примеру последовал Пабло Неруда.

Оставались Альенде и Рафаэль Таруд.

В последующие часы состоялись встречи для подготовки заседания Координационного комитета Народного единства, на котором должны были объявить кандидата. Председатель Радикальной партии Карлос Моралес Абарсуа сообщил Рафаэлю Таруду, что при первом голосовании его партия поддержит его кандидатуру. Однако, если не будет достигнуто единого мнения, будут продолжены поиски другого решения. Это означало поворот Радикальной партии к кандидатуре Альенде при вторичном голосовании. Сенаторы и депутаты Радикальной партии поддерживали позицию своего руководства.

В Социал-демократической партии сенатор Луис Фернандо Луэнго победил в борьбе в пользу Альенде. Делегация Социал-демократической партии во главе с Эстебаном Лейтоном, наделенная широкими полномочиями, начала переговоры с руководством Социалистической партии, проявляя готовность искать пути для провозглашения Альенде.

Заседания следовали одно за другим начиная с рассвета 21 января. Только сенатор Рафаэль Таруд по-прежнему стоял на старых позициях.

В четверг 22 числа в 15 часов Таруд объявил: «Оба мы с Альенде имеем по три очка, у нас ничья. Поэтому не ждите письма, заявления или отказа».

Таруд находился все время как бы на казарменном положении в своем кабинете на втором этаже здания сената, окруженный своими приближенными людьми, ответственными за проведение кампании. Заместитель председателя Радикальной партии Орландо Кантуриас служил посредником между этим кабинетом и кабинетом сенатора Анисето Родригеса, расположенным на расстоянии четырех метров, где заседала политическая комиссия Социалистической партии.

В конце концов Таруд сдался. Он согласился быть председателем избирательной комиссии Народного единства во время предвыборной кампании. В 18.20 в читаль-

ном зале сената Рафаэль Таруд публично отказался от своей кандидатуры. Через десять минут после этого в помещении Радикальной партии началось заседание Координационного комитета Народного единства. Председательствовать на этот раз выпала очередь генеральному секретарю МАПУ Жаку Чончолу.

Сенатор Сальвадор Альенде вошел в помещение этой партии в 20.10 в сопровождении Уго Миранда и Луиса Фернандо Луэнго. В 20.40 он покинул помещение, уже будучи единственным кандидатом чилийских левых сил. В этот ясный вечер, окруженный остальными руководителями, он проследовал пешком до проспекта Бульнеса, где уже начинался митинг, созванный коммунистами.

Колонны демонстрантов, стекавшиеся с прилегающих улиц, скандировали:

«Объединенные... левые... непобедимы!»

В этот момент Луис Корвалан начинал свое выступление:

— Итак, решение принято! Уже есть единый кандидат! Это Сальвадор Альенде!

1. СЛОЖНАЯ БОРЬБА

Многие ожидали, что предвыборная борьба в 1970 году будет наиболее длительной по сравнению с предыдущими годами, а оказалась она самой короткой. Но это была острая, напряженная и суровая борьба.

Кампания в пользу Альенде в 1964 году началась за два года до выборов. Кампания 1970 года началась в феврале и завершилась 4 сентября: всего семь месяцев.

Традиционно президентская кампания в Чили заключалась в речах, ответных выступлениях, в дискуссиях кандидатов. Массы участвовали в этой борьбе, но, в общем, лишь поддерживая выдвинутого кандидата. Кампания 1970 года в основном проходила в плане социальной борьбы. Кандидаты перемещались по стране, как по шахматной доске, на которой передвигались также многие другие фигуры. Их слова и действия имели свое значение, однако на этот раз выступления кандидатов представляли собой какую-то часть неизмеримо более широкого процесса.

В капиталистических странах, где выборы имеют свои традиции, как, например, в США, стало привычкой анализировать «на основании полученного опыта» факторы, которые определили победу того или иного кандидата. Противники победителя досконально изучают этот «опыт», делают выводы и готовятся к реваншу.

Анализ победы Народного единства на выборах 1970 года в течение длительного времени будет представлять собой ценный политический опыт.

Поражение в России восстаний 1905 и 1907 годов послужило уроком, благодаря которому в 1917 году стала возможной победа социалистической революции. Неудачное нападение на казарму «Монкада» на Кубе в 1953 году стало предвестником подвига в горах Сьерра-Маэстры. Таким же образом в Чили кампании на выборах президента 1952, 1958 и 1964 годов дали необходимый опыт, который открыл путь победе Народного единства в 1970 году, сделал возможным начать широкие революционные преобразования.

Партии, входившие в ФРАП, признали своей главной ошибкой в 1964 году оборонительную тактику при завершении кампании. А в 1970 году, наоборот, левые перешли в наступление с первого этапа избирательной борьбы и наступательный темп смогли поддерживать почти непрерывно до 4 сентября.

Не проходило и дня без того, чтобы не вспыхнула какая-нибудь забастовка, без того, чтобы не захватывали земли, или без того, чтобы 10, 50 и даже 200 поместий не были заняты теми, кто работал в них. В разгар предвыборной кампании была объявлена первая в истории страны всеобщая крестьянская забастовка, а за 55 дней до выборов была успешно проведена национальная забастовка по призыву Единого профсоюзного центра трудящихся.

Январь 1970 года начался забастовками на крупных промышленных предприятиях «Сумар» и «Фенса» и отважным «голодным маршем» горняков Овалье. В феврале рабочие захватили фабрику макаронных изделий Кароцци, прекратили работу трудящиеся кожевенных и обувных предприятий, десятки тысяч рабочих-пенсионеров поднялись по всей стране, чтобы потребовать повышения мизерных пенсий. Борьба крестьян развивалась одновременно в провинциях Курико, Ньюбле и Магальянесе. В марте прекратилась работа в портах, а занятие поместий распространилось на провинции Кокимбо и О'Хиггинс, забастовали рабочие селитряных предприятий.

19 марта угольные районы страны встретили в штыки кандидата правых Алессандри. Альенде тотчас же направился в этот район, и 27 марта шахтеры устроили ему триумфальную встречу.

Кандидат Христианско-демократической партии Радомиро Томич со своей стороны пытался завоевать симпа-

тии среди рабочих селитряной промышленности, объявивших забастовку, и с этой целью направил им чек на 1000 эскудо для поддержки их движения. Однако шахтеры вернули ему этот чек вместе с написанным в энергичном тоне письмом, в котором указывалось, что они не нуждаются в помощи представителя правительства, несущего ответственность за положение, приведшее к забастовке.

Спустя неделю Альенде вылетел на север страны, и рабочие селитряной промышленности встретили его с энтузиазмом.

В апреле забастовка прервала работу компании «Чилена де электрисиад» и сталелитейного завода «Уачипато». Три тысячи горняков провинции Арауко прибыли маршем протеста в г. Лебу. Трудящиеся провинций Тарапака и Антофагаста прекратили свою работу в знак солидарности с трудящимися селитряной промышленности.

Одновременно с этим партии Народного единства поддерживали выступления профсоюзов, предпринимая наступление в парламенте. В парламенте они выступили с обвинениями в незаконных действиях министра обороны Серхио Осса Претота и министра труда Эдуардо Леона. В первом случае речь шла о поддержке пенсионеров, бывших служащих вооруженных сил и карабинеров, а во втором — о рабочих-пенсионерах, получавших пенсии по государственному социальному страхованию. Обеим этим группам пенсионеров в связи с ростом стоимости жизни необходимо было увеличить пенсионные пособия.

Вместе с тем Народное единство организовало обсуждение в палате депутатов, которое вызвало широкий отклик по всей стране, вопроса о необходимости проведения полной национализации медной промышленности.

С января по сентябрь 1970 года обстановка становилась все напряженнее. Землевладельцы вооружались, организовывали отряды белой гвардии. Правительство послало подвижную группу карабинеров и новоиспеченную бригаду специальной службы расследований на зверское подавление выступлений народных масс.

Генерал Роберто Вио Марамбио и члены его главного штаба разъезжали по стране и все более открыто призывали к военному перевороту.

В этой сложной обстановке росло число преступлений, немало было жертв.

2. СМАЗЫВАЯ ОРУЖИЕ

Убийство инженера-агронома Эрнана Мэри Фуэнса-лиды не было началом. Это было отражение эскалации насилия.

Сопrotивление помещиков началось с того самого дня, когда правительство президента Фрея пустило в ход свою робкую аграрную реформу.

Помещики препятствовали в течение двух лет продвижению соответствующего закона в парламенте, используя для этого депутатов и сенаторов Национальной партии, а также некоторых социальных демократов.

Вместе с тем в деревнях они пытались перетянуть на свою сторону некоторые слои средних и мелких землевладельцев, а также отдельные группы безземельных крестьян, по отношению к которым они вдруг стали великодушными и щедрыми.

Предприниматель, помещик и сенатор от Национальной партии Педро Ибаннес Охеда объезжал страну, принимал участие в создании так называемых «траншей», при помощи которых крупные землевладельцы и группы крестьян, обманутые их обещаниями, сопротивлялись проведению в течение недель и месяцев экспроприации земель и передачи поместий в распоряжение Корпорации аграрной реформы (КОРА).

Сопrotивление помещиков стало повсеместным с 15 января 1969 года в связи с действиями, получившими название «препятствия на дорогах».

В этот день в 15 часов помещики провинции Линарес блокировали своими автомашинами, подводами, грузовиками, тракторами и тягачами мост на большой дороге Лонгитудиналь-Сур через реку Ачибуэно. То же самое было предпринято в окрестностях местечка Тено на мосту через реку Лиркай, в провинции Талка и в других местах. На следующий день подобные случаи распространились вплоть до зоны Лаутаро, охватив 6 провинций: Кольчагуа, Талка, Линарес, Био-Био, Мальеко и Каутин. Остановка движения в течение более чем пяти часов на единственной дороге, которая идет от Сантьяго на юг страны, вызвала самую гигантскую «пробку», каковую только помнят в Чили.

«Пробка» была организована под руководством провинциальных организаций Национальной конфедерации профсоюзов сельскохозяйственных предпринимателей. Крупным помещикам удалось привлечь на свою сторону большое число мелких и средних землевладельцев, поддержав их требование об увеличении цен на пшеницу. Но одновременно они использовали и свои требования, преследовавшие цель прекращения экспроприации земель и проведения аграрной реформы.

Правительство Фрея приказало арестовать и предать суду 25 участников движения, которые вскоре были отпущены на свободу.

Среди арестованных был директор утренней консервативной газеты «Диарио иллюстрадо» и президент Федерации сельскохозяйственных предпринимателей провинции Линарес Карлос Монтеро Шмидт, который на следующий год оказался непосредственно замешанным в убийстве Мэри.

На том самом месте, где была создана «пробка», помещик Габриэль Бенавенте, будущее главное действующее лицо покушения на Эрнана Мэри, избил депутата демокристан Гидо Кастилья.

Руководили этими повсеместными выступлениями помещиков молодой президент недавно созданной Национальной конфедерации профсоюзов сельскохозяйственных предпринимателей Мануэль Вальдес, бывший сенатор, придерживающийся правых взглядов, Уго Сепеда Барриос, президент Национального сельскохозяйственного общества и президент компании «Консорсио агрокола дель Сур» Доминго Дуран, брат сенатора, сторонника правых радикалов Хулио Дурана.

На следующий месяц, собравшись на ферме Анкоса, руководители всех организаций помещиков страны предъявили ультиматум правительству, срок которого истекал 30 марта 1969 года. Если к этому сроку не будут приняты их условия, то они прервут полевые работы. Мануэль Вальдес заявил, что они «готовы пойти на все». А Хоакин Гарсия Уидобро, агрессивный вице-президент Национальной конфедерации сельскохозяйственных предпринимателей, признался журналистам, что «Чили нуждается в сильном правительстве военного характера».

Спустя некоторое время тот же Гарсия Уидобро заявил:

«У нас два пути: или сопротивляться, применяя силу, или эмигрировать за границу. Если мы не будем сопротивляться, применяя насилие, все мы пойдем на содержание к Корпорации аграрной реформы, принимая от нее плату за молчание».

Таким образом, с этого времени в деревне была объявлена война.

В октябре 1969 года во время открытия в Сантьяго международной ярмарки более сотни крупных землевладельцев сорвали выступление министра сельского хозяйства Уго Тривелли и издевались над тремя другими министрами правительства Фрея. Помещики спровоцировали настоящее сражение, избив нескольких высших государственных служащих.

Началось увольнение крестьян по всей стране. Владельцы поместий отказывались передавать профорганизациям крестьян установленные законом взносы и отчисления.

По горным тропам в провинции Курико и других районах помещики начали контрабандный ввоз оружия из Аргентины. В некоторых поместьях образовывались тайные склады оружия: пистолетов, револьверов, ружей, автоматических винтовок — все это аргентинского производства, а также автоматов калибра 7.65 марки «Тала» того же происхождения.

В различных районах страны крестьянские организации сообщали представителям местной власти о существовании этих арсеналов и о том, что помещики готовятся оказать вооруженное сопротивление проведению аграрной реформы. КОРА очень медленно осуществляла свою власть над экспропрированными поместьями — иногда этот процесс запаздывал на два-три года, что облегчало крупным землевладельцам возможность маневрирования.

Очаги сопротивления продолжали расти до конца апреля 1969 года. За короткий срок группы помещиков совершили нападение на помещение крестьянского профсоюза им. Луиса Эмильо Рекабаррена в местечке Ренго, зверски избили крестьянина и инженера-агронома КОРА Луиса Риверо в поместье «Эль Трансито» в местечке Бун, стреляли в рехидора — судебного исполнителя, коммуниста в местечке Фрутильар и угрожали огнестрельным оружием и действительно нападали на крестьян в разных районах.

Один из очагов напряженного положения находился в поместье «Ла Пьедад» в местечке Лонгави (провинция Линарес). Здесь выполнял обязанности зонального начальника КОРА тридцатилетний инженер-агроном, член Христианско-демократической партии Эрнан Мэри Фунсалида.

3. ЭРНАН МЭРИ

Убийство Эрнана Мэри было первым преступлением, совершенным при свидетелях. Подробности этого преступления изложены в протоколе, составленном нотариусом Хайме Моранде Оррего, который принимал участие в акте передачи КОРА поместья «Ла Пьедад».

Кроме того, показания дали: генерал карабинеров Роландо Сантос Виттке, полковник, 3 майора, 8 капитанов, 8 старших лейтенантов и 200 карабинеров. Случившееся нашло отражение и в фотографиях, сделанных самими помещиками, а также корреспондентами газет и журналов, были сделаны записи на магнитофонную ленту.

Карлос Монтеро Шмидт, президент провинциальной федерации сельскохозяйственных предпринимателей Линареса, Хоакин Гарсия Уидобро, вице-президент Национальной конфедерации сельскохозяйственных предпринимателей, и другие известные руководители движения сопротивления помещиков играли активную роль в этих событиях.

Конфискацией поместья «Ла Пьедад» завершились более чем двухгодичные проволочки, с помощью которых местные суды пытались доказать незаконность акта экспроприации, проведенного КОРА.

Поместье в 300 га принадлежало по наследству Габриэлю Бенавенте Бенавенте, а управлял им его сын Габриэль Бенавенте Пальма.

Этот последний был одним из самых наглых главарей упорного сопротивления, которое помещики провинции Линарес оказывали проведению аграрной реформы. «Подвиги» Бенавенте начались с принятия им активного участия в организации «пробки» на мосту через реку Ачи-

буэно в январе 1969 года, в нападении на депутата Гидо Кастилье.

Немного позже Бенавенте преследовал и ранил пулей в ногу служащего Института сельскохозяйственного развития Гильермо Кинтеро. Принимал участие в нападении на журналистов газеты «Меркурио», которых он и его сподручные приняли за служащих, проводящих аграрную реформу. 2 сентября 1969 года Бенавенте возглавил нападение 20 вооруженных помещиков на помещения Корпорации аграрной реформы в городе Линарес. Напавшие ворвались в канцелярии КОРА, угрожали револьверами сотрудникам, а Бенавенте пинком ноги распахнул дверь кабинета зонального начальника Эрнана Мэри, которого в тот день там не оказалось.

В мае 1968 года, когда большинство крестьян его поместья вступили в профсоюз им. Бернардо О'Хиггинса в Лонгави, Бенавенте уволил 14 из них. А вместо них он пригласил на работу в поместье нескольких человек из ближайшего поселка Лос-Кристалес.

Так возникло напряженное положение.

Уволенные крестьяне продолжали жить в поместье в домах, которые они занимали и раньше. Бенавенте и местные помещики создали «желтый» профсоюз, в который вошли как работники поместья, так и приглашенные со стороны — из поселка Лос-Кристалес. «Желтый» профсоюз стал называться «Уньон ла Пьедад».

Положение стало критическим. В июле 1969 года крестьянин Эктор Парра, руководитель прежнего профсоюза, был убит двумя членами «желтого» профсоюза, который выступал против проведения аграрной реформы.

С подобным положением должно было быть покончено при проведении КОРА конфискации поместья «Ла Пьедад» и создании асьентамьенто [кооператив. — *Перев.*], куда бы вошли 35 крестьян, проработавших там всю свою жизнь и принадлежавших к прежнему профсоюзу.

Для Эрнана Мэри 30 апреля 1970 года, день передачи имени КОРА, должно было стать значительной датой.

Мэри уже год выполнял обязанности начальника 7-й зоны КОРА, в которую входили провинции Линарес и Мауле. Несколькими месяцами раньше он вынужден был в последнюю минуту отложить свою поездку в поместье «Ла Пьедад», где должно было быть объявлено решение об экспроприации, принятое КОРА, из-за того, что ин-

тендант провинции Хорхе Фонтана предупредил его, что помещики приготовили ему «ловушку».

Служащим КОРА постоянно угрожали, а на улицах города их жены нередко подвергались оскорблениям со стороны членов семей помещиков.

Карлос Монтеро Шмидт, президент провинциальной федерации сельскохозяйственных предпринимателей, предупредил Мэри, что «если так пойдет и дальше, то прольется кровь...».

Монтеро часто хвастался своим положением бывшего министра внутренних дел при правительстве президента Карлоса Ибаньеса дель Кампо. Кроме того, он был родственником Эрнана Мэри по линии его матери.

Эрнар Мэри, сын служащего Чилийского банка, к тому времени ушедшего на пенсию, начал свою трудовую жизнь техническим служащим КОРА после окончания с отличными оценками агрономического факультета Католического университета. Он активно участвовал в работе по проведению аграрной реформы, приобрел политические убеждения и вступил в Христианско-демократическую партию. Он был глубоко убежденный католик, изучал Библию и симпатизировал одной из групп в «Движении молодой церкви».

За несколько месяцев до вступления в должность начальника 7-й зоны КОРА Мэри послал письмо епископу провинции Линарес Агусто Саминас, протестуя против его враждебной позиции по отношению к аграрной реформе и против его отказа присутствовать как высшему представителю церкви во время актов создания крестьянских асьентамьентос.

«Аграрная реформа,— нравилось говорить Мэри,— является самой настоящей религией».

Вечером 29 апреля состоялось собрание в доме зонального начальника КОРА. Вместе с Эрнаном Мэри здесь жили его жена Мария Анхелика Кастро и его дети: Мария Лорето семи лет, Клаудия четырех лет и Эрнар Андес четырех месяцев.

Многие руководители и молодые сотрудники КОРА и ИНДАП пришли со своими женами. Это были друзья, сплоченные общим делом проведения аграрной реформы. Дом Эрнана Мэри и Марии Анхелики был открыт для всех.

Мероприятие следующего дня — конфискация поместья «Ла Пьедад» — для них означало многое. Поэтому все хотели принять в нем участие.

В этот вечер среди них были Мигель Эрмосилья, начальник отдела КОРА по оказанию помощи крестьянству, Нельсон Роландо, начальник отдела планирования, Антонио Мансур, начальник финансового отдела, Эдуардо Корнехо от ИНДАП.

Эрнан Мэри сделал соответствующие распоряжения. Жена Антонио Мансура запротестовала против того, что ее муж не должен был участвовать в конфискации поместья. Мэри ей ответил: «Благовари бога, что завтра ты не окажешься вдовой... Со мной могут расправиться запросто, но будем надеяться, что этого не произойдет».

Приказ Мэри был категоричным: служащим не брать с собой оружия. Технический директор КОРА Густаво Эррера сообщил группе тревожную новость. Помещики спешно проводили собрание. Это означало, что они уже узнали о завтрашнем мероприятии, несмотря на секретность его подготовки. Кроме служащих, об этом были уведомлены интендант провинции Хорхе Фонтана и генерал местных карабинеров Роландо Сантос.

Все разошлись, понимая, что могут произойти инциденты.

Эрнан Мэри этим вечером прочел несколько страниц из книги о Че Геваре.

На следующий день он поднялся в 6 часов утра.

Было холодное утро с густым туманом. Мария Анхелика подала ему черную шерстяную куртку. Обе дочери спали. Эрнансито, самый маленький, проснулся. Отец подержал его на руках.

В 7.15 подъехал пикап. Мария Анхелика плакала. Он попрощался с ней, поцеловав ее. «На счастье», — сказал он.

Как всегда, Эрнан Мэри был спокоен, волновался он очень редко.

4. УБИЙСТВО

Операция началась в 9.30.

Генерал Сантос расположил своих людей у входа в поместье «Ла Пьедад». У его людей были автоматы, бом-

бы со слезоточивым газом, каски, щиты из пластика и другие предметы их экипировки.

Эрнан Мэри шагал, засунув руки в карманы своей куртки. Ворота были заперты на цепь и висячий замок.

Из поместья вышли Карлос Монтеро Шмидт, Хоакин Гарсия Уидобро и помещик Альберто Бенавенте. Внутри двора осталось человек двадцать владельцев других поместий, а за воротами — шесть женщин с камнями в руках. В сорока метрах от ворот можно было заметить группу «амарильос» — «желтых» — около пятидесяти человек, вооруженных палками, ножами, топорами и другими инструментами, которыми они угрожающе потрясали в воздухе. Они выкрикивали ругательства и предостерегали: «Если сунетесь сюда — убьем!..»

Огнестрельного оружия не было видно. Помещики прятали его под пончо.

Монтеро потребовал документы, на основании которых поместье подлежало конфискации. Генерал Сантос приказал нотариусу зачитать их.

Помещики отказались передать имение, и Монтеро попросил дать им два часа для раздумий. Генерал посоветовался с Мэри, и они согласились дать им только 15 минут. Прежде чем вернуться, Монтеро крикнул своим людям: «Хотите аграрную реформу, дети?» «Амарильос» ответили хором: «Нет!..»

Монтеро посоветовался и наконец вышел, чтобы сообщить их условие: они сдадут поместье в обмен на немедленную компенсацию в размере 2 миллионов эскудо. Из них один миллион предназначался бы владельцам, а другой — для распределения среди «амарильос», которые якобы останутся без работы.

Мэри отклонил это совершенно незаконное требование и попросил генерала Сантоса применить силу. Но генерал хотел сначала попытаться уладить это дело лично с владельцем Габриэлем Бенавенте, для чего вошел во двор и через пять минут вышел ни с чем.

«Я выхожу из игры, мой генерал, и, как Пилат, я умоваю руки. Все остальное — под вашу ответственность», — заявил наконец Монтеро.

Двадцать минут хватило одному из карабинеров, чтобы разбить засов.

«Проходите», — сказал генерал Эрнану Мэри.

Вошли.

Начальник КОРА шагал впереди с руками, засунутыми, как всегда, в карманы. С ним шли генерал и не более десяти карабинеров, нотариус и сотрудники КОРА Густаво Эррера и Маурисио Домингес.

Не прошли они и десяти шагов, как с правой стороны на Мэри бросился Габриэль Бенавенте. Он нанес ему сильный удар в живот и начал пинать ногами, крича:

«Отсюда ты не выйдешь живым, сукин сын!»

Эрнан Мэри согнулся от ударов.

Карабинеры подбежали и схватили нападающего.

«Отпустите его, потому что он хозяин дома!» — решительно заявил Карлос Монтеро. «Хорошо, отпустите его», — приказал генерал Сантос.

В этот же момент «амарильос» обрушили град камней на служащих КОРА, карабинеров и нотариуса. У служащего Густаво Эррера из раны на лбу потекла кровь.

Перед комиссией по расследованию, которую впоследствии создала палата депутатов, каждый свидетель или участник события по-своему рассказывал об этой жестокой расправе.

Хосе Иполито Эрнандес Уллоа или Иполито Уллоа — крестьянин, принадлежащий к «амарильос», неграмотный, 23 лет, без каких-либо документов, удостоверяющих его личность, умственно неразвитый, сказал, находясь в тюрьме провинции Линарес: «Когда произошла драка, я был зол... Или нет, когда вспыхнула драка, нет, когда началось... я схватил палку...»

Генерал Сантос свидетельствует: «Слева подходит этот человек, с виду типичный крестьянин, сутулый, в коричневой куртке и черном сомбреро, я смотрю на него, и он в это время ударяет Мэри... Он приблизился к нам, выхватил палку, которую он держал вот так, и сразу же нанес ею удар, очень быстро».

В акте о преступлении, составленном нотариусом, говорится: «Карабинеры, которые окружали поместье, направились к воротам, чтобы утихомирить тех, кто бросал камни, а в это время слева появился скромно одетый человек, который и нанес удар в голову сеньору зональному директору КОРА дону Эрнану Мэри Фуэнсалида. Преступник, совершив удар, сразу же скрылся».

Служащий КОРА Густаво Эррера заявил комиссии: «Это было похоже на звук разбиваемого палкой арбуза, удар был внезапным, сильным, и он упал».

«Дон Эрнан, вас чем-то ударили?» — спросил Мэри крестьянин Никанор Кофре.

«Меня ударили по голове палкой, — ответил Мэри, — но вы продолжайте конфискацию имени...»

Врач провинциальной больницы Линареса Галлермо Ампуэро Гонсалес подтвердил:

«Появились признаки внутримозгового кровоизлияния, оно начало прогрессировать, приостановить его было невозможно, иными словами, степень повреждения мозга была такой значительной, что положение пострадавшего оказалось тяжелым, и у него появилась рвота. Я сделал несколько уколов, зная заранее, что это бесполезно, но делал все, что было в моих силах. Для перевозки пострадавшего в Сантьяго, в Талку или в другое место практически уже не было времени. Больной скончался в 13.00».

5. КАРМИНЕ

Убийство Эрнана Мэри показало многим чилийцам, что страна находится в тяжелом положении.

В эти дни в кинотеатрах Сантьяго демонстрировался фильм «Z», в котором показывалось, как ударом по голове убивают греческого депутата левых сил Теодора Ламбракиса на глазах и при попустительстве полиции.

В Чили крупный государственный чиновник был убит таким же образом на виду большого полицейского отряда, возглавляемого генералом карабинеров, который только после телефонного разговора с министром внутренних дел осмелился арестовать Габриэля Бенавенте, Карлоса Монтеро Шмидта и других замешанных в этом деле помещиков. Так же как и в том фильме, с первых же шагов все говорило о том, что действия правосудия были направлены почти исключительно против батрака, нанесшего удар, а не против вдохновителей преступления.

Помещики Самуэль де ла Сотта, Деметрио Саньярту и Ренато Гасмури из района Бульнес провинции Ньюбле решили защитить от КОРА свои поместья «Ла Эрмита», «Сельва Нега» и «Лос Роблес». Для этого они собрали и обучили группу крестьян — «амарильос». Однажды они перекрыли дорогу своими машинами и заставили слу-

жащих Института сельскохозяйственного развития Рейнальдо Пуэнте и Хуана Аэдо выйти из автомобиля, отобрали у них документы, заставили их раздеться и наконец предупредили, что в следующий раз их кастрируют.

В провинции Био-Био в имении «Дуке кобрито» помещики, которые согласовывали свою деятельность с помощью современных радиоустановок, вооруженные автоматами и револьверами, схватили и избили зонального директора КОРА Хуана Эспоса и агронома Луиса Валенсуэлу. Их продержали взаперти в течение трех часов и в их присутствии обсуждали, каким способом убить их. Подобный случай произошел в провинции Мальеко с зональным директором Серхио Кастильо и Альберто Феррандо в поместье, принадлежавшем семье Шварца. Идентичные случаи были зарегистрированы в Осорио и других провинциях.

Сотням крестьянских руководителей помещики угрожали избиением и убийством.

Выступая на митинге в городе Сан-Фелипе, Хорхе Алессандри так отозвался о чиновниках христианско-демократического правительства:

«Я призываю граждан не отступать перед угрозами этих чиновников. Необходимо отвечать на эти угрозы мужественно, энергично. Пусть знают эти прохвосты — дни их сочтены, а мы с них потребуем отчета».

Похороны Эрнана Мэри были пышными. На них присутствовали президент Эдуардо Фрей и члены его кабинета, кандидат от христианских демократов Радомиро Томич и многочисленные представители власти.

В наиболее беспокойных зонах правительство приняло ряд мер по отношению к помещикам. В районе Бульнес были арестованы два главаря помещиков — Хорхе де ла Сотта и Ренато Гасмури, правда, через несколько дней они были отпущены на свободу.

Другим актом отпора помещикам, осуществленным правительством, был арест за незаконное владение огнестрельным оружием президента Федерации сельскохозяйственных предпринимателей провинции Курико Гастона Фуэнсалида Наваррете и владельца поместья «Эль Фосо» этой провинции Гонсало Прадо Бусета. Оба они поддерживали связи с торговцем и контрабандистом Серхио Мильан Васкес. Всего представители власти отобрали у

них 8 винтовок, 2 револьвера и около 1500 патронов — все это было получено из Аргентины.

Помещики утверждали, что упомянутое оружие они использовали для охоты на кроликов. А крестьяне уверяли, что они видели у помещиков также и автоматы.

Народное единство осудило «либеральность правительства и его потворство самым реакционным кругам, что дало им возможность чувствовать себя в состоянии препятствовать любыми средствами социальному прогрессу». Единый профсоюзный центр трудящихся, профсоюзные и общественные организации всей страны выражали протесты и требовали от правительства принятия решительных мер против помещиков. Молодые демохристиане проявляли недовольство тем, что правительство и сам Радомиро Томич не приняли во внимание их мнение о необходимости принятия более энергичных мер.

В этой обстановке началась подготовка к проведению первой национальной всеобщей забастовки крестьян, назначенной на 12 мая 1970 года. В ее организации принимали участие три национальные конфедерации крестьян: Конфедерация крестьян и индейцев имени Ранкиль, входящая в КУТ, Конфедерация сельскохозяйственных рабочих «Триумфо Кампесино» и Национальная конфедерация крестьян «Либертад», в двух последних большинство руководителей были христианскими демократами. В подготовке забастовки участвовали также конфедерации крестьянских и сельскохозяйственных кооперативов.

Еще до забастовки депутат от Национальной партии Виктор Кармине Суньига, тридцатидвухлетний юрист и владелец поместья в провинции Каутин, выступил со своими угрозами.

На заседании палаты депутатов он заявил:

«Чиновники КОРА действуют по всей стране, как настоящие преступники! Я заявляю, что, если хоть один из этих мошенников придет ко мне в поместье и будет воровать у меня скот, я всажу в него пулю!..»

В момент принятия решения о посылке соболезнования вдове Мэри он вне себя крикнул:

«Он был первым, но не последним убитым!..»

На этом заседании произошла настоящая потасовка.

Национальная партия поняла, что слова Кармине могут причинить ей вред во время избирательной кампании,

и решила исключить его из своих рядов в тот же день. Но на следующий день несдержанный депутат отказался от своих слов, извинившись перед семьей Мэри и палатой депутатов.

Несмотря на изгнание из рядов Национальной партии, Кармине дал понять, что он будет продолжать активно бороться в провинции Каутин за кандидатуру Хорхе Алессандри на пост президента.

Газета «Меркурио» использовала смерть Мэри и последующие эксцессы для внесения предложения о «приостановке проведения экспроприации в предвыборный период».

В то же время левые организации трудящихся с новыми силами приступили к борьбе за проведение аграрной реформы.

В национальной крестьянской забастовке 12 мая приняли участие 200 тысяч человек.

Несколько дней спустя Альенде посетил провинцию Линарес. Его встретили четыре колонны крестьян, которые прибыли с побережья и с гор, с севера и с юга.

Выступая на Пласа де лас Армас города Линареса, Альенде ознакомил крестьянское население с двадцатью основными пунктами аграрной реформы правительства Народного единства, подготовленными Жаком Чончолем и другими специалистами, представителями левых сил по проблемам сельского хозяйства.

6. УЛЬТРАЛЕВЫЕ

Хотя крупные помещики проявили себя наиболее агрессивной частью правых сил, к насилию прибегали не только они.

В Сантьяго и других городах сторонники Алессандри создавали ударные группы, вели пропаганду своего кандидата, применяя оружие против сторонников других кандидатов.

Было зарегистрировано более пятидесяти нападений на помещения Народного единства и здания левых партий в течение всей кампании в различных пунктах страны. Пускалось в ход все, начиная с града камней, обрушивавшихся на окна, или бутылок с краской, разби-

тых о фасады зданий, и до огнестрельного оружия и бомб.

С конца апреля политические деятели и левые журналисты получали анонимные записки с угрозами смерти, подписанные «ГРАКО»: Группа антикоммунистов. В эти дни взорвалась зажигательная бомба в типографии, принадлежавшей Коммунистической партии, в которой печатаются газеты «Сигло», «Нотисиас де ультима ора», а также боевой еженедельник, созданный в разгар кампании Народного единства, — «Пуро Чиле».

Что касается насильственных актов, то и правительство Фрея не оставалось позади. В конце апреля пятеро членов организации Коммунистическая молодежь, занимавшиеся пропагандистской деятельностью в поддержку кандидатуры Альенде, были арестованы и переданы в распоряжение недавно организованной бригады специальной разведывательной службы. Здесь их подвергали пыткам, применяя также электрический ток, с целью выявления их политических связей. Через два с половиной дня после незаконного ареста их выпустили на свободу, предупредив: «Если что-нибудь расскажете, заберем вас снова».

Напряженная обстановка, в создании которой участвовало и само правительство, подтолкнула одного из солдат военно-воздушных сил безрассудно выстрелить и ранить трех молодых социалистов, которые на стенах одной из казарм написали имя своего кандидата.

Подобная обстановка обязывала партии и молодежные организации левых сил, а также профсоюзные организации, организации жителей поселков и учащихся принять особые меры по защите своих помещений, безопасности людей во время демонстраций и по охране своих руководителей.

В ряде случаев нападения на помещения и на группы пропагандистов левых организаций были встречены отпором. А членам таких ультраправых организаций, как «Общество защиты традиций, семьи и собственности» («Фидусиа»), приходилось нести потери в своих рядах каждый раз, когда они выходили на улицу в своих традиционных плащах и со своими флажками в руках: в течение этих месяцев молодежь отправила в больницу более шестидесяти фидусианцев.

Обострение хода избирательной кампании и постоян-

ные угрозы показали необходимость создать группу по охране Сальвадора Альенде. Была создана группа активистов левых организаций, которая находилась в доме Альенде и сопровождала его в поездках. Два раза она предотвратила попытки нападения.

Следует заметить, что как Алессандри, так и Томич имели при себе постоянных телохранителей.

Существовал и другой источник насилия.

Он был создан действиями «революционно» настроенной молодежи, которая пыталась повернуть события по другому пути.

Юнцы, принадлежавшие к так называемым ультра-левым, считали, что для Чили пробил час вооруженной борьбы. И то, о чем вначале провозглашалось на университетских собраниях, они позже намеревались провести в жизнь с помощью пистолетов, гранат и автоматов.

Эти ультралевые входили в «Революционное движение левых» (МИР), возникшее после поражения левых сил на выборах в 1964 году.

Во время его организации в него влились различные мелкие группы, образовавшиеся главным образом из лиц, исключенных или вышедших из партий — Коммунистической и Социалистической и их молодежных организаций. Врач, троцкист с большим стажем, Энрике Сепульведа стал первым генеральным секретарем МИР.

А в конце 1967 года в результате внутренней борьбы начиная со съезда, проведенного в декабре в Сантьяго, МИР возглавила группа студенческих руководителей из университетов Консепсьона, Католического и Чилийского — Сантьяго. Генеральным секретарем стал двадцатичетырехлетний Мигель Энрикес, поступивший на медицинский факультет университета Консепсьона член семьи, тесно связанной с местными политиками и деятелями культуры. В руководство МИР вошел также Лусьяно Крус, президент Федерации студентов университета Консепсьона, студент медицинского факультета, физически сильный человек, который отличился в уличной борьбе против Подвижной группы карабинеров и своим участием в обмене захваченного карабинера на группу арестованных студентов.

Другой студент медицинского факультета, председатель Центра студентов этого факультета Баугиستا Ван

Шовен, также вошел в руководство МИР. В организации МИР в Сантьяго главные посты занимали студент социологического факультета Католического университета Андрес Паскаль Альенде, племянник Сальвадора Альенде (сын его сестры Лауры). Выделялся также своей активностью студент педагогического института Чилийского университета Сантьяго Серхио Соррилья, племянник одного из руководителей Коммунистической партии Америки Соррилья, позже ставшего министром финансов в правительстве Народного единства.

В середине 1968 года Мигель Энрикес выдвинул положения, характеризующие позиции МИР.

«Обострение агрессивных отношений империализма янки с нашим континентом и неспособность наших традиционных левых сил ответить на этот вызов способствовали возникновению нового революционного движения левых». Под «традиционными левыми силами» он подразумевал Коммунистическую и Социалистическую партии, а под «революционными левыми силами» — МИР.

МИР отвергал возможность победы на выборах и пропагандировал путь вооруженной борьбы как единственно возможный.

МИР и остальные группы «ультралевых» получали во второй половине 1969 года значительную поддержку со стороны редакции журнала «Пунто Финаль». Этот журнал возник по инициативе группы журналистов, связанных с левым движением, а некоторые из них ранее состояли в рядах Коммунистической партии. Выделялся среди них их руководитель Мануэль Кабьесес Доносо и журналисты Аугусто Оливарес и Карлос Хоркера Толоса.

Используя притягательную силу журналистики, «Пунто Финаль» поставила себе задачу выступить против позиций левых партий и особенно против политики массовой борьбы и народного единства, инициатором которой являются коммунисты, противопоставив этой политике политику «левых», которую они сами называли «революционной».

В своей статье, озаглавленной «Политический гнойник», главный редактор «Пунто Финаль» Мануэль Кабьесес заявил в 1966 году, что «в общем-то все равно, за какого кандидата голосовать». И указал на то, что, если «политический гнойник прорвется, ведущаяся политиче-

ская игра будет прекращена. Кончатся добрые времена и придет рычащая горилла, то есть будет использован метод, никогда не дающий осечки». «Для того чтобы иметь право принимать участие в игре (которую никогда не выиграть, потому что противником в ней является ловкий шулер) и чтобы добиться политического уважения, революционные силы должны расхваливать «превосходства» системы и обещать «уважать» ее», — писал Кабьесес.

Адвокат Хайме Файнович, редактор журнала «Пунто Финаль», утверждал, что «в Чили, как и в остальных странах Латинской Америки, вооруженная борьба неизбежна».

Он же утверждал, что «смехотворными являются усилия по созданию коалиции, которая могла бы иметь успех на выборах в 1970 году», заявив, что «из-за отсутствия трезвых революционных убеждений у руководителей народа, он — народ — играет своей судьбой в избирательной лотерее».

Как только большинство Радикальной партии высказалось за сближение с социалистами и коммунистами, «Пунто Финаль» бросился в атаку против любого контакта между левыми партиями и радикалами. В то время когда Луис Корвалан заявил, что «с Томичем ни шагу», «Пунто Финаль» поместил на первой странице обложки, преследуя явно провокационную цель, портрет Томича и статью под заголовком: «Альянс КП с ХДП».

До этого времени ультралевые только на словах оставались сплоченными, между тем внутри росла раздробленность и назревал кризис.

Руководитель МИР Мигель Энрикес признавал, что теоретические положения ультралевых еще не «нашли своего конкретного выражения в действиях на сегодняшний день».

Руководствуясь этим, один из секторов ультралевых приступил накануне избирательной кампании 1970 года к действиям.

7. ЭКСПРОПРИАТОРЫ

25 августа 1969 года в 11.20 утра в Чили произошел необычный случай.

Трое молодых людей с оружием в руках напали на машину сборщиков выручки Континентального банка у дверей столичного магазина «Портофино» на проспекте Яррарасаваль в районе Ньюньоа. Они захватили 161 тысячу эскудо.

Один из напавших был схвачен карабинером, им оказался студент факультета журналистики Чилийского университета Хорхе Сильва Лувессе. Полицейским он признался, что целью нападения было добыть деньги для революционной деятельности.

Так была проведена первая «экспроприация».

С этих пор чилийцы привыкли к периодическим известиям о новых нападениях, совершаемых членами МИР, принадлежащих к так называемому «Организованному авангарду народа» (ВОП) и к другим подобным, но еще более мелким группам.

Нападающие действовали весьма смело в разных районах столицы и всегда с оружием в руках.

В то же самое время и до Чили дошла мода угона самолетов.

Эскалация насилия ультралевых развивалась по следующим этапам:

20 августа 1969 года. Нападение на отделение английского банка «Банко Лондрес» в Санта-Элене; было изъято 92 317 эскудо и 50 сентаво.

12 ноября 1969 года. Попытка угнать на Кубу самолет на пути Сантьяго—Пунта-Аренас, обслуживаемом Национальными воздушными линиями («ЛАН-Чиле»). Она была сорвана, когда самолет находился над Антофагастой, благодаря быстрым действиям членов экипажа, которым удалось разоружить двух юнцов похитителей: пятнадцатилетнего Патрисио Дагач и шестнадцатилетнего Педро Варас Флорес.

13 ноября 1969 года. Нападение на «Банко де кредито э инверсионес», на его филиал в Бильбао-Тобалаба. Добыча — 122 885 эскудо.

19 декабря 1969 года. Угон на Кубу самолета «ЛАН-Чиле» «бойнг-727». Угон совершил двадцатитрехлетний Патрисио Аларкон Рохас во время полета по маршруту Сантьяго—Арика.

26 декабря 1969 года. Нападение на «Банко Осорно и ла уньон», на его филиал в Вилла Макуль, в кассе которого оказалось только 8400 эскудо.

13 января 1970 года. Поджог двух зданий на конечных станциях частных автобусных линий в знак протеста против повышения тарифа.

21 января 1970 года. Неизвестными лицами украдено 105 пакетов динамита и 15 килограммов пороха в местечке Лимаче. Исчезла армейская радиоустановка марки «Моторола».

29 января 1970 года. Неудачное нападение в районе Лас-Вискачас на машину, на которой везли 500 тысяч эскудо в санаторий «Эль Пераль». Арестованные признались в принадлежности к так называемой Армии национального освобождения.

6 февраля 1970 года. Неудавшийся угон на Кубу самолета «ЛАН-Чиле» «каравелла», летевшего по маршруту Пуэрто-Монт—Сантьяго. В аэропорту Пудауэль в Сантьяго два агента бригады специальной разведывательной службы, прозванной в народе «Эскадрон смерти», сели в самолет переодетые механиками.

Находясь в самолете, выполняя опрометчивый приказ, они начали перестрелку с похитителями. В результате два полицейских были легко ранены, а стюардесса Скарлетт Бургос тяжело ранена. Одного из похитителей — девятнадцатилетнего Педро Валенсуэлу убили, а другого — двадцатилетнего Омара Марсело схватили. Стрельба внутри самолета могла взорвать самолет, поджечь горючее, что привело бы к многочисленным жертвам.

17 февраля 1970 года. Неудачное нападение на склад пороха в Копьяпо.

23 февраля 1970 года. Первое нападение на филиал в Вега Поньенте банка «Банко националь дель трабахо». Добыча — 252 тысячи эскудо; нападение было совершено группой Ригоберто Саморы (МИР).

1 июня 1970 года. Вторичное нападение в Вега Поньенте на филиал банка «Банко националь дель трабахо» пятнадцатью парнями, одетыми в военную форму, которые захватили 198 тысяч эскудо и скрылись на трех машинах.

10 июня 1970 года. Нападение на оружейный магазин «Армериа италиана» по улице Артуро Прат № 142, осуществленное группой Педро Валенсуэла, принадлежащей к «Организованному авангарду народа». Молодые люди забрали оружие на сумму 152 000 эскудо, в том

числе 40 ружей, 34 револьвера, 25 пистолетов, 20 ножей и более 7000 пуль и ружейных патронов.

«Мы берем на себя ответственность за экспроприацию, осуществленную в четверг в филиале Бильбао-Тобалаба банка «Банко де credito э инверсионес», а также в филиале Санта-Элена банка «Банко лондрес», — заявил журналисту в конце 1969 года руководитель МИР Серхио Соррилья. «Мы нападаем на банки, экспроприруем деньги крупной финансовой буржуазии, которая присвоила их, обобрав народ, трудящихся», — добавил он.

«МИР вернет эти деньги всем рабочим и крестьянам страны, — говорилось в заявлении национального руководства МИР, — превратив их в оружие и создав вооруженные отряды, необходимые для возврата всем трудящимся того, что украли у них господа, правящие в Чили, иначе говоря, эти деньги пойдут на то, чтобы создать правительство рабочих и крестьян, которое построит в Чили социализм».

В середине марта 1970 года руководитель МИР Серхио Соррилья был арестован при случайном столкновении с полицейскими бригадами специальной службы расследований после неудачной попытки бросить гранату в своих преследователей. «Хочу сказать всем, компаньерос: это еще не поражение», — сказал он журналистам, когда его, раненного в ногу, уводили.

Полиция обвиняла главных руководителей МИР — Мигеля Энрикеса, Лусиано Крус, Андреса Паскаль Альенде, Серхио Соррильо, Баутисту Ван Шовена и Умберто Сотомайора — в прямом участии в вооруженных нападениях.

В Консепсьоне и в столице гражданские и военные суды и глава апелляционного суда Сантьяго Хосе Кановас продолжали процессы против налетчиков. Росло число приказов об аресте.

В то же самое время полиция бригады специальной службы расследований применяла различные виды пыток к тем немногочисленным членам групп налетчиков, которые попадали к ней в руки. Среди жертв таких пыток был француз, преподаватель факультета психологии Чилийского университета Луи Бенжамин Фабре, обвиненный в оказании помощи налетчикам.

В феврале 1970 года МИР публично передало сумму в 5000 эскудо, добытую при первом нападении на фили-

ал банка в Вега Поньенте «Банко дель трабахо», руководителям бездомных жителей лагеря имени 26 января в общине Ла-Гранха.

Виктор Торо, «начальник» этого лагеря, был известным активистом МИР, о его деятельности узнали особенно в последние месяцы.

Лагерь имени 26 января возник в результате одного из многих захватов земель. В нем поселилось 575 семей, и вскоре он превратился в место, где делали свои репортажи местные и иностранные журналисты. Виктор Торо с усами, как у Дебре, и в берете под партизана обычно говорил, что работает грузчиком.

Отряды охранников, возникшие в лагере после захвата земель, назывались «народной милицией».

Журнал «Пунто финаль» опубликовал «официальное» заявление от имени «народной милиции». «Эта милиция, — говорилось в нем, — будет той, которая вместе с революционными организациями возьмет наконец власть в свои руки и сформирует правительство, но не постепенно, а тогда, когда Революционная народная армия разрушит военный аппарат власти хозяев: капиталистическое государство».

Виктор Торо утверждал, что он был схвачен полицией бригады специальной службы расследований и что его продержали под арестом три дня, подвергая его пыткам и давая ему какие-то пилюли с целью заставить его заговорить.

Позже руководство лагеря имени 26 января заявило, что оно не разрешает появление в лагере полиции из «Эскадрона смерти», которая намерена арестовать Торо по приказу Хосе Кановас.

Виктор Торо и МИР в конце марта 1970 года создали в лагере имени 26 января «провинциальный съезд бездомного населения». Съезд проводился с большой помпой, в присутствии журналистов. Торо разъяснил положение в мире, «о котором бояться говорить реформисты, и, сползая на мелкобуржуазные повинистические позиции, они планируют проведение националистической революции и чилийской революции и намерены осуществить ее с помощью выборов, хотя никогда и нигде в мире трудящиеся так власти не завоевывали».

«Мы только начали, — добавил он, — революционную борьбу, которая будет длительной войной против буржуа-

зии и будет вестись партизанскими методами в городе и деревне, следовательно, будет столкновением революционной армии трудящихся с армией буржуазии».

Однако руководство бездомного населения провинции Сантьяго, примыкающее к КУТ, сделало заявление о незаконности собрания, проведенного Торо. Оно обвинило Торо в том, что он отказался сообщить семьям, проживающим в лагере имени 26 января, о предложении властей решить их жилищную проблему. Руководство указало, что организаторы собрания стремились «использовать жителей лагеря в качестве орудия осуществления своих недостойных и раскольнических методов».

8. КОММУНИСТЫ ОТВЕРГАЮТ

Коммунистическая партия сразу же выступила против МИР и других ультралевых.

Еще в прошлом Коммунистическая партия вела непоколебимую борьбу с анархизмом, затем с троцкизмом и, наконец, против тенденций, проявившихся у некоторых левых после 1960 года под влиянием «идей» Мао Цзэ-дуна и Коммунистической партии Китая.

В новых условиях политическая борьба коммунистов против платформы МИР представляла собой продолжение прежних идеологических битв.

Коммунистическая партия Чили с самого начала отвергла какие бы то ни было соглашения или политический союз с МИР. Она была против вступления МИР или его членов в открытой или завуалированной форме в ФРАП. В университетах студенты-коммунисты никогда не соглашались выступать на выборах в студенческие организации вместе единым списком с МИР или подобными более мелкими группировками.

Руководители-коммунисты называли МИР «группкой», а его членов «авантюристами» и «провокаторами».

Коммунисты всегда считали, что для чилийских левых сил было бы самоубийством принять позиции ультралевых. Заявление лидеров МИР о безусловном вооруженном восстании, а затем «экспроприация» банковских учреждений разоблачались коммунистами как акции, объективно благоприятствовавшие врагам народного движения.

Непонятные массам методы, которыми пользовались ультралевые, не вызвали бы, по мнению коммунистов, ничего иного, кроме страха среди отдельных групп населения, особенно среди средних его слоев. Создавалась бы лишь обстановка хаоса, которая была бы на руку правым, заинтересованным в осуществлении государственного переворота.

По мнению коммунистов, раз в Чили нет военной или террористической диктатуры, то левым силам и народным организациям следует, оценив правильно обстановку, воспользоваться уже завоеванными свободами, защитить их и добиться новых, чтобы открыть путь к победе. Пока существует подобная обстановка, использование методов, уже примененных в других латиноамериканских странах в других условиях, не только не вызывается необходимостью, но и приведет к обратному результату.

Для ультралевых главным препятствием в попытке навязать свои взгляды была Коммунистическая партия. Поэтому они основной огонь своих нападков направили именно против Коммунистической партии. Они считали руководителей коммунистов «обуржуазившимися реформистами». Ультралевые пытались любой ценой привлечь на свою сторону Социалистическую партию или Социалистическую молодежь, а также других сильных союзников коммунистов. Многие представители ультралевых не могли расстаться со своими иллюзорными намерениями расколоть Коммунистическую партию или Коммунистическую молодежь. Многие члены МИР и представители ультралевых ранее состояли в рядах Коммунистической партии, откуда они были изгнаны за раскольническую деятельность.

На страницах газеты «Сигло», органа Коммунистической партии, не раз разоблачалась деятельность отдельных представителей ультралевых, действовавших на руку врагам народного движения и пытавшихся создать обстановку, неблагоприятную для левых сил.

Это проявилось, например, в действиях руководителя лагеря имени 26 января Виктора Торо. Все его заявления подхватывались и широко освещались в правой печати, которая использовала их в кампании пропагандистского террора против Народного единства.

Использование университетских зданий для укрытий,

откуда они забрасывали камнями карабинеров, или для хранения взрывчатых веществ служило аргументом против университетской автономии, оправданием налетов полиции на университеты. Нападения на банки и использование налетчиками военной формы вызывали в среде вооруженных сил недовольство, направленное против народного движения. Захват здания, отведенного под полицейскую казарму жителями лагеря имени 26 января, под руководством Виктора Торо, было похоже на преднамеренное действие с целью вызвать кровавую расправу. Временное занятие одного из строящихся домов для жилья в районе Сан-Борха жителями лагеря, возглавляемыми Виктором Торо, также вызвало негативную реакцию. Этот дом был приобретен семьями средних слоев населения, и занятие его помогало правым утверждать, будто левые намерены выселять из домов тех чилийцев, которые имеют средний или выше среднего достаток, чтобы вселить в их дома семьи рабочих.

В своем докладе на XIV съезде Коммунистической партии после разъяснения некоторых явлений, возникших внутри левых сил, Луис Корвалан сказал:

«С другой стороны, в стане ультралевых орудуют антикоммунистические группы и группки, которых направляет рука классовых врагов пролетариата. Эти группы действуют вне масс, прибегают к террору, методу, который отвечает целям реакционеров и поэтому осужден много лет назад революционным движением рабочего класса...»

«Партия и комсомол Чили,— добавил Луис Корвалан,— сохраняют бдительность. Они отвергают всякую возможность соглашений с антикоммунистическими группами и уступок им, разоблачают их роль провокаторов на службе реакции и империализма, хотя в их рядах и имеются здоровые элементы, которые в условиях революционной практики и революционной критики смогут также перейти на правильные позиции.

Некоторые из этих групп находятся в стадии разложения. Те же из их членов, кто усвоил соответствующие уроки, могут занять свое место в рядах организованного и последовательного революционного движения».

Влияние МИР и других групп ультралевых было очень ограниченным.

Из девяти федераций университетских студентов, существующих в стране к началу 1970 года, МИР контролировало одну — федерацию университета Консепсьона, а другую — правые. Все остальные находились в руках руководителей молодежных организаций Народного единства, среди которых Коммунистическая молодежь являлась основной силой.

Из 18 тысяч бездомных семей, которые проживали в трущобах Сантьяго, руководители МИР оказывали непосредственное влияние лишь на 1200 семей.

Некоторые студенты, принадлежащие к МИР и другим ультралевым группам, в эти дни начали на юге страны работу среди крестьян — индейцев мапуче, не имевших достаточного опыта организованной борьбы.

В руководстве рабочих и профсоюзных организаций МИР и другие ультралевые группы не были представлены.

Внутри самого Народного единства не все разделяли непримиримую позицию коммунистов по отношению к МИР и другим ультралевым. Некоторая часть социалистов — особенно молодежи, а также часть членов МАПУ, с самого начала не верили в перспективы, намеченные Народным единством, и симпатизировали отдельным действиям ультралевых.

В середине 1969 года в доме, расположенном в ущелье на реке Маино в местечке Гуайякан, была обнаружена, как назвало ее правительство Фрея, «школа партизан». Четверо членов Социалистической партии и Социалистической молодежи предстали перед судом по этому делу.

В конце мая 1970 года за три с половиной месяца до выборов силы карабинеров и армии выследили в лесной зоне Чапуин, недалеко от порта Корраль в провинции Вильдивия, лагерь подготовки партизан. Шестеро молодых социалистов были арестованы и предстали перед судом. Как заявил генеральный секретарь Социалистической партии Анисето Родригес, их действия не имели отношения к партии.

По мере укрепления Народного единства МИР и ультралевые быстро теряли свои позиции.

«Революционное движение левых», предпринявшее лобовую атаку в Чили под знаменами революционного континентального течения, символом которого является

движение «тупамарос» в Уругвае, было вынуждено в начале июня 1970 года отказаться от вооруженных налетов и банковских «экспроприаций».

Несколько десятков молодых людей продолжали оставаться в тюрьме в результате этих действий.

9. ПРОРИЦАТЕЛИ

Решение МИР прекратить «экспроприации» выбило из рук правых один из важнейших аргументов их «кампании пропагандистского террора» против Народного единства.

Ультралевые сразу же отказались от возможности воспользоваться предвыборной борьбой.

В январе 1969 года директор «Пунто финаль» Мануэль Кабьесес писал:

«Если путем выборов нельзя взять крепость реакционеров, то не означает ли это, что пришло время применять оружие? Пробил ли час принятия решения: выборы или оружие в Чили? По нашему мнению: да, оружие». «Тактика выборов чилийских левых,— добавил он,— провалилась, и не будет преувеличением сказать, что она провалится и на этот раз».

«Без сомнения,— уверял Кабьесес,— начиная с 1935 года Коммунистическая партия отстаивала необходимость создания широких «фронтов», в которые входили бы также и буржуазные партии. Именно идеология буржуазии, а не рабочего класса руководит такими фронтами».

В феврале 1969 года Национальный секретариат МИР в обширном документе выразил свой отказ от участия в выборах, используя самые сильные выражения для нападок на левые партии, и особенно на Коммунистическую партию. «Классы, захватившие власть, не откажутся от нее независимо от результатов голосования»,— говорилось в документе МИР. Там же отмечалось, что «это не совпадение, что великие революции нашего века происходили не путем победы на выборах». В отношении усилий по созданию Народного единства МИР заявило: «Возможно, что такого союза Коммунистическая партия и добьется, но только благодаря кандидатуре уважаемо-

го прогрессивного буржуа и явно демократической буржуазной программе».

«Мы полагаем,— говорилось далее в документе,— даже конкретные шаги в направлении союза с Радикальной партией и ХДП или с частью их членов не принесли бы никакой пользы». И в заключение: «Мы призываем не голосовать, не участвовать в выборах; и мы стараемся, чтобы эта оппозиция выборам была активной, а не пассивной».

В своем стремлении найти путь к власти лидеры МИР начали в конце 1969 года переговоры с генералом — руководителем восстания полка «Такна» Роберто Вио Марамбио, которому они дали прозвище Старик. Руководители МИР были готовы участвовать в некоторых планах Старика с тем условием, чтобы тот снабдил их оружием, с помощью которого МИР хотел бы попытаться превратить народную общину Сан-Мигель в Сантьяго в «социалистический очаг».

Эти планы, однако, стали не чем иным, как простой политической спекуляцией.

В следующем, 1970 году, в феврале, когда уже была выдвинута кандидатура Альенде, директор «Пунто финаль» уверял, что «не было необходимости создавать Народное единство, чтобы понять, что еще далеко до реального столкновения с нынешним режимом». «Нужно было просто возродить иллюзии»,— уверял он. «Реформизм левых сил,— утверждал другой комментатор журнала,— является основой Программы Народного единства».

В конце апреля, за 4 месяца до выборов, «Пунто финаль» жаловался, что «в настоящее время повторяется шаг за шагом опыт избирательной кампании 1964 года со значительным увеличением буржуазного сектора в политическом блоке, который теоретически возглавляет пролетариат».

Однако в мае национальный секретариат МИР впервые в одном из своих заявлений косвенно признал некоторую возможность победы Народного единства на выборах, указав, что если произойдет это, то «господствующие классы в Чили и за рубежом решатся на военный переворот правых, чего бы это им ни стоило». МИР вновь заявило, что «выборы не являются реальным путем завоевания власти».

В заявлении уже не было прежних нападок на левые партии и даже утверждалось, что «только правые и те, кто следует их примеру, ищут возможность спровоцировать столкновение между Народным единством и МИР». В заявлении вновь подчеркивалось, что МИР «не будет участвовать в выборной кампании».

Однако журнал «Пунто финаль» не отказался от своего ядовитого тона по отношению к Народному единству. В связи с новым убийством, совершенным правительством Фрея в июле, журнал поместил на первой странице фотографию похоронной процессии с подписью: «Успех одной стратегии. Мирный путь: всего 31 убитый».

В плане разглагольствований о перспективах Народного единства в сентябре 1969 года начал действовать сенатор Рауль Ампуэро, ранее исключенный из Социалистической партии, организовавший Социалистический народный союз. В своей книге «Левые на мертвой точке» он отвергал Народное единство, уверяя: «Выбор таков: союз на время выборов или революционный фронт; коалиция, основанная на компромиссах и маневрах, или блок, созданный в огне битв. Другой выход предлагает враг; выборы должны проводить мы. От этого решения зависит положение левых сил — сдвинутся ли они с мертвой точки или же их положение еще более ухудшится».

За несколько недель до выборов вышла в свет новая книга, озаглавленная «Кто победит на выборах?», под псевдонимом Педро Урдемалеса, скрывавшим имя одного предпринимателя в металлургической промышленности, который после пребывания в рядах левых сил перешел к христианским демократам, а теперь захотел стать «вдохновенным советчиком» народного движения.

На последней странице своего «труда» автор сделал следующее заключение:

«Нынешняя обстановка и ее дальнейшее развитие дают основания считать, что результаты президентских выборов 1970 года будут такими:

Алессандри
Альенде
Томич».

10. В ХОД ПОШЛА ТЯЖЕЛАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Когда избирательная кампания была в полном разгаре, все понимали, что никакая появившаяся в политической жизни тенденция не могла рассматриваться как самая верная до тех пор, пока не начнутся главные события.

Они начались в понедельник 1 июня 1970 года. Грянули как гром среди ясного неба. И перед ними любой человек мог бы почувствовать себя беспомощным, как ребенок, столкнувшийся лицом к лицу с великаном, вооруженным дубинкой.

Это было уже слишком невероятным, трудно вообразимым, возможно непоправимым, делом...

В первый момент некоторые из левых почувствовали себя как бы парализованными.

Первым признаком надвигающейся опасности была публикация объявления на четверть страницы, появившегося в газете «Меркурио». Был помещен фотомонтаж с изображением дворца «Ла Монеда», перед дверью которого стоял советский танк с нарисованным на нем серпом, молотом и буквами «СССР». Подпись гласила: «В Чехословакии также не думали, что так получится... Но советские танки пришли при первом же удобном случае, который им представился. Правительство ставленников коммунизма откроет ворота Чили этим танкам, которые решительно подавят самое святое, что мы имеем: свободу». Подписано: «Чиле ховен» («Молодое Чили»).

Страна уже пережила кампанию пропагандистского террора в 1964 году во время выборов, на которых победил Эдуардо Фрей. Но та по сравнению с кампанией 1970 года вспоминалась как простая работа группы любителей.

Новая кампания получила невероятно широкий размах с использованием всех имеющихся в наличии средств. Передавались тревожные новости двадцатиминутной продолжительности всеми крупными радиостанциями страны. Все буржуазные газеты Чили — кроме тех, которые по политическим соображениям или престижным причинам их не принимали, — опубликовали платные объявления организаторов кампании террора на четверть страницы. Афиши, брошюры, красочные журналы, листов-

ки и другие самые различные виды материалов наводнили улицы, украшали стены домов и проникали в дома чилийцев. Две подписи, которых никто не знал до 1 июня, превратились в предмет жаркой национальной дискуссии: «Чили ховен» и «Аксьон мухерес де Чиле» («Действие женщин Чили»). Они появились под объявлениями и сообщениями в кампании террора.

Среди многочисленных объявлений по радио, записанных с музыкой и драматическими голосами, попадались и такие.

Диктор (он): В чем выражаются хорошие качества чилийской женщины?

Диктор (она): В отражении опасности, которая угрожает Чили...

Преградим дорогу режиму, который отнимет свободу!

Долой мелкое политиканство, которое ведет нас к катастрофе!

Для Чили — Независимое правительство!

Диктор (он): Чилийская женщина! Судьба родины в твоих руках!

Диктор (она): «Аксьон мухерес де Чиле!»

Диктор (он): Терроризм имеет своих героев...

Диктор (он): Это те, кто нападает на банки и развязывает террор и насилие.

Диктор (он): Пользуясь попустительством власти, они ожидают установления коммунизма, чтобы действовать внутри государства...

Диктор (он): Отвергнем тех, кто несет с собой насилие, и тех, кто неспособен предотвратить это!

Диктор (он): К вам обращалось «Чиле ховен»!

Диктор (он): Глагол «экспроприировать» означает «лишать»...

Диктор (он): Вначале будут экспропрированы результаты твоего труда... затем твои мысли... а еще позже твои дети...

Диктор (он): Все будет принадлежать государству...

Диктор (он): Отвергнем коммунизм и неспособных бороться с ним!

Диктор (он): Это призыв «Чиле ховен»!

На стенах по всей стране появились афиши, которые гласили: «Чилийская женщина! Освободись наконец и отдай своих детей государству. Голосуй за Альенде».

Фотографические превращения ребенка, сначала одетого в ученическую форму, а затем в берете и с автоматом в руке, были опубликованы в качестве платного объявления в печати в сопровождении следующей подписи: «Твой сын... или твой враг? В странах, где господствует коммунизм, детей заставляют выступать против родителей, чтобы подавить любую попытку освободиться от тех, кто поработил их с помощью террора. Мы не позволим, чтобы такое случилось в Чили!»

Луис Гойенечеа Сегарра, чилийский карикатурист, несколько лет тому назад эмигрировавший в Соединенные Штаты, где сотрудничал в изданиях кубинских контрреволюционеров, вернулся на родину. Из-под его пера выходил журнал типа комиксов под названием «Ла палмада эн ла френте» («Удар в лоб»), который являлся одним из главных орудий кампании пропагандистского террора.

Журнал показывал то, «что произошло бы в Чили» с приходом к власти правительства Альенде. На его страницах был изображен «первый марксистский кабинет». Альенде сидел в углу, а главные места занимали руководители-коммунисты и одетый в военную форму «советник, присланный из Кремля». Среди «обслуживающего персонала» находились сенатор Рафаэль Таруд, раскуривающий трубку для Пабло Неруды, сенатор от МАПУ Альберто Херес, несущий поднос с бутылкой и стаканом, депутат Карлос Моралес Абарсуа — председатель Радикальной партии, чистящий сапоги советскому генералу.

В 1964 году на папертях ряда церквей распространяли отпечатанный во многих тысячах экземпляров образ святой девы Кармен со следующей надписью: «Святая дева Кармен, царица и покровительница Чили, избавь нас от безбожного коммунизма». В 1970 году лики святой Кармен, а также «чудотворной» святой Хемиты с подобной же надписью были напечатаны уже в сотнях тысяч листовок, которые разбрасывались по улицам городов и селений всей страны.

В 1964 году распространялись слухи, что победа левых сил на выборах вовлечет Чили в международные

конфликты. В 1970 году подобные инсинуации, но только написанные более открытым античилийским языком, содержались в массовом издании — брошюрке «Роковые последствия».

В брошюрке в 14 главах описывались «роковые последствия президентских дел Сальвадора Альенде в случае его избрания». В одной из них, озаглавленной «Неизбежный конфликт с соседними странами», говорилось:

«Значительная протяженность границ Чили и соседство с группой антикоммунистических стран создают серьезную опасность для марксистского правительства, которое намереваются создать в Чили.

Несомненно, патриотические силы получают поддержку благодаря действиям соседних стран, не расположенных иметь у своих границ вторую Кубу. Соседние страны не допустят, чтобы к власти в Чили пришли правительство и президент, которые открыто прославляют кубинские доктрину и методы.

Столкновение со всеми патриотическими силами страны, которые рассчитывают на поддержку соседних стран, может быть фатальным для этого правительства. В этих условиях у правительства Сальвадора Альенде будет только один выход: просить помощи у иностранной коммунистической державы».

В 1964 году утверждалось, что левое правительство отнимет у чилийцев их телевизоры, автомашины, дома, а также заставит их поселить в своих домах семьи рабочих.

В 1970 году организаторы «кампании террора» разослали по домам анкету со следующим заголовком: «Городская реформа. Анкета переписи имущества и жилищ (должна быть заполнена главой семьи)».

Среди многочисленных вопросов анкета включала следующие:

— Ответьте, имеется ли в вашей собственности следующее: холодильник, радио, телевизор, телефон, автомобиль или другой вид транспорта.

— В состоянии ли вы принять в свой дом в качестве постоянных жителей других лиц, кроме тех, кто в настоящее время проживает с вами?.. Если нет, то перечислите причины, которые не позволяют вам принять в свой дом других лиц, которые в настоящее время лишены подходящего жилья.

В документе говорилось:

«Не забывайте, что эти анкеты будут собраны официальным представителем Городской реформы народного правительства, которое, конечно, благодарит Вас за поддержку программы, направленной на благо чилийской революции».

Ниже указывалось:

«Ничего не пишите в колонке, которая будет заполнена представителем правительства, который заберет эту анкету. Запись в этой колонке будет отражать Ваше отношение к программе Народного правительства».

Кампания террора 1970 года была хорошо подготовлена. Ее организаторы, казалось, предусмотрели все. Пропаганда «ужасов» преследовала каждого чилийца, никто не мог избежать ее. Поэтому она не должна была потерпеть поражение.

Однако она обанкротилась.

В 1964 году террористическая пропаганда застала чилийцев врасплох. Она началась внезапно, как эти призраки, наводящие ужас, которые появляются из-за поворота черного «туннеля ужасов» на праздничной ярмарке.

Но в 1970 году чилийцы знали, что на каком-то повороте призрак должен исчезнуть. И действительно, возникнув снова в еще более полном объеме, чем в 1964 году, «кампания террора» вызвала у всех ощущение того, что они уже раньше испытывали нечто подобное.

Нельзя дважды выиграть на одну и ту же крапленую карту. И как только в 1970 году началась новая кампания пропагандистского террора, левые силы немедленно дали ей отпор, разоблачив и показав стране, в чем заключается новый трюк, где западня.

Одновременно авторы «кампании террора» столкнулись с реакцией, неожиданной для них.

Католический архиепископ Сантьяго составил текст решительного осуждения, который читался во всех церквях все воскресенья, тех, кто использовал изображение святой девы Кармен и святой Хемиты в целях одиозной политической кампании ненависти.

Заведующий кафедрой психологии Чилийского университета и руководитель колледжа психологии указали на пагубное влияние, которое «кампания террора» могла оказать на эмоциональное и психическое состояние чилийцев, а особенно детей.

Народное единство разоблечило лживый характер анкеты «городской реформы» и других документов «кампании террора», опровержения широко распространялись через прессу, радио и телевидение, ставя в глупое положение авторов этих дел.

Генеральный штаб вооруженных сил расценил содержание брошюры «Роковые последствия» как весьма опасное, а открытое обсуждение этой брошюры показало антипатриотизм ее авторов, приглашавших соседние страны вторгнуться в Чили в случае победы левых сил.

Среди слоев, стоящих вне политики, и среди средних слоев населения «кампания террора», конечно, возымела некоторое действие.

Однако Народное единство и наиболее антиправые члены Христианско-демократической партии добились того, что упомянутая кампания в большей мере обернулась против самих же ее создателей.

В 1964 году подобная кампания привлекла внимание публики к таким провокационным вопросам, как вопрос о расстрелах, о судьбе детей, которых якобы вывезут на Кубу или в СССР, о религиозных преследованиях, о продовольственном пайке и других предполагаемых несчастьях, которые, как предсказывалось, наступят с приходом к власти правительства левых.

В 1970 году Народному единству удалось разоблечить «кампанию террора» и все поставить на свои места. В центре внимания общественности оказалось происхождение источников финансирования этой кампании, цели, которые в действительности она преследовала, факт аморальности пропаганды такого характера. Короче говоря, был осуществлен общественный процесс над «кампанией террора».

В отличие от 1964 года левым удалось заставить авторов «кампании террора» занять оборонительную позицию. И в конце концов даже Хорхе Алессандре, в пользу которого она проводилась, был вынужден, выступив по телевидению, выразить свое несогласие с ней.

И все это в значительной мере стало возможным благодаря действиям группы молодых людей, которые однажды вечером с пистолетами в руках проникли в контору, расположенную на восьмом этаже здания № 251 на улице Театинос.

11. «АНДАЛЬЕН»

Нападение на агентство «Андальен» было тщательно подготовлено и имело успех.

В операции принимало участие двадцать молодых коммунистов, которые заняли посты у основных пунктов: на тротуарах, у центральной двери здания, у лестницы и у лифтов, которые были остановлены на время всей операции.

Пятеро юношей, которые проникли в контору, приказали поднять руки служащим, находящимся там, — двум секретарям, двум курьерам, двум чиновникам и руководителю агентства Сальвадору Фернандесу, отключили четыре телефона и быстро собрали всю документацию, которая попала под руку.

Среди этих бумаг, по сути дела, было только три или четыре важных документа.

Однако, уже уходя, один из юношей обнаружил в одном из письменных столов черный чемоданчик типа тех, которые использовал известный Джеймс Бонд, и в последнее мгновение решил прихватить его с собой.

Он не знал того, что именно в нем находилась вся документация по проведению «кампании террора».

Сальвадор Фернандес Зегерс, 41 года, бывший морской офицер и управляющий агентством «Публисидад и нотисиас андальен лимитада», никому не доверял секретов крупного дела, которым он руководил. Поэтому он всегда носил с собой весь архив, помещавшийся в его чемоданчике. По чистой случайности Фернандес находился в помещении «Андальен» как раз в тот момент, когда группа юношей пришла туда, чтобы выполнить свою задачу, в 18.10 во вторник 21 июля 1970 года.

За шесть дней до этого события палата депутатов решила создать комиссию по расследованию с целью установления «законности, финансирования и выявления лиц или предприятий, несущих ответственность за деятельность организаций, именуемых «Чиле ховен» и «Аксьон мухерес де Чиле», а затем с целью выявления источника фальшивой информации, распространенной итальянским информационным агентством АНСА, относительно якобы проведенного опроса, который предрешил победу Хорхе Аллесандри на выборах».

Предложение об учреждении комиссии было сделано депутатом христианских демократов Луисом Майра, членом передового крыла своей партии и активным сторонником кандидатуры Радомиро Томича. Организация этой комиссии должна была завершить общественный процесс над «кампанией террора».

Бернардо Лейтон, депутат от ХДП и бывший министр внутренних дел правительства Фрея, был назначен председателем комиссии, деятельность которой правая печать попыталась высмеять, дав ей имя «драконовская комиссия».

Работа комиссии шла успешно благодаря интересу, который проявляли к ней парламентарии Народного единства и часть парламентариев — христианских демократов, но все понимали: этим путем нельзя будет добиться многого в установлении источников финансирования и выявления руководства «кампании террора».

И все же 27 июля на заседании комиссии по расследованию появились два журналиста, чтобы передать комиссии пакет, полученный неофициальным путем. В этом пакете были документы, находившиеся в чемоданчике Сальвадора Фернандеса Зегерса.

И тогда все прояснилось.

Документация «Андальен» содержала письма, сметы, расписки, проекты публикаций, месячные отчеты о деятельности и списки лиц, финансировавших «кампанию террора». Кроме того, там была обнаружена записная книжка со стенографическими записями, которые, будучи расшифрованы, явились сенсационным разоблачением.

Факты показали, что агенство «Андальен» в апреле 1970 года взяло в свои руки бразды правления «кампанией террора». 25 человек, 8 групп ночных «расклейщиков» афиш, которые работали даже по субботам и воскресеньям, и 4 типографии, работавшие по 14 часов в сутки, организовывали, подготавливали ход кампании.

Отчет о деятельности за июнь включал операции: организация передач через 40 радиостанций и публикация материалов в 22 газетах страны, выпуск и расклейка 1 миллиона афиш, рассылка по почте 100 тысяч брошюр, 100 тысяч экземпляров юмористического журнала «Пальмада эн ла фронте», издание и распространение девяти номеров журнала «Идея», предназначенного для интеллигенции и руководителей предприятий.

Энтузиасты борьбы, крестоносцы этой кампании, стремились получить большие суммы денег за свою террористическую деятельность. Если не считать комиссионных, то управляющий агентством Сальвадор Фернандес получал 13 тысяч эскудо в месяц. Художник Луис Гойенечеа Лугосе получал ежемесячно тысячу долларов, кроме того, ему оплачивали поездки в Нью-Йорк и обратно и его проживание в отеле «Крильон». Такие «неподкупные» граждане, как юморист Биготе и журналист Герман Гамональ, также получали свою долю.

Серхио Онофре Харпа, председатель Национальной партии, принимал участие в заседаниях исполнительной группы «кампании террора». На этих заседаниях именно он рекомендовал широко использовать фактор возможных международных конфликтов, в которые может быть втянуто Чили в случае победы Сальвадора Альенде.

Памятка, составленная Сальвадором Фернандесом, точно излагала цели «кампании террора», состоящие:

а) «Чиле ховен»: целенаправленная кампания показа жестокого террора, в основном отрицательная, которая в отдельных случаях может коснуться и Томича.

б) «Аксьон мухерес де Чиле»: внешне более мягкая кампания, описывающая ужасы и террор, пропагандирующая идеи о будущем родины и о том, что могут сделать для страны женщины.

Среди тем, которые должны быть разработаны, были и такие, как «бюрократия государства», «свобода труда», «справедливость (расстрелы)», «порнография в газетах (государство разрешает ее, чтобы отравить народ)», «русская интеллигенция за тюремной решеткой», «рабство при одном хозяине: государство», «русский флот в порту Вальпараисо», «военный парад русских в Сантьяго»...

Документация показала тесную связь между организаторами «кампании террора» и руководством кампании в пользу кандидатуры Хорхе Алессандри. На политическом уровне эти связи были установлены с генеральным секретарем группы по поддержке кандидатуры Хорхе Алессандри — Эдуардо Боештом, с председателем Национальной партии Серхио Онофре Харпа и с депутатом от этой партии Патрисио Мекисом. В этой связи упоминался и сенатор от радикальных демократов Хулио Ду-

ран. На уровне пропагандистских бригад Сальвадор Фернандес координировал деятельность своих людей с Хайме Эганья Бараньоном, руководителем ударных групп алессандристов.

Памятка содержала ссылку на «нужды» Национальной партии, среди которых упоминалось «защитное снаряжение демонстрантов» стоимостью в 35 тысяч эскудо. Существовали также многочисленные контакты между «Андальен» и СЕСЕС, псевдонаучной организацией, в задачи которой входило составление вымышленных опросов общественного мнения, которые всегда предсказывали победу на выборах Хорхе Алессандри.

Среди крупных сделок агентства «Андальен» упоминалась связь с алессандристским руководством федерации студентов Католического университета Сантьяго. Сальвадор Фернандес Зегерс передал этому руководству сумму в 30 тысяч эскудо на цели, о которых не упоминалось.

Но ключ к разоблачению «кампании террора» можно было подобрать, раскрыв источники ее финансирования.

В течение одного июня расходы на ее проведение достигли астрономической цифры: 2204 тысячи эскудо. Для проведения «кампании террора» не было недостатка в деньгах.

20 июля 1970 года агентство «Андальен» получило 600 тысяч эскудо от лица, которое в счетах фигурировало под кодовым именем «Чарли». Кто бы это был? Было невозможно отгадать это. Но по суммам, составляющим этот индивидуальный вклад, и по характеру анонимной регистрации можно было бы догадаться, что вклад сделан североамериканской медной компанией «Анаконда». Впрочем, расследования показали, что Сальвадор Фернандес и агентство «Андальен» провели за год до этого кампанию в печати против национализации меди, которую финансировала «Анаконда», никакое другое учреждение на это не могло пойти.

Производил впечатление список финансовых вкладчиков в «кампанию террора». «Анаконда» под своим собственным именем внесла два вклада — один на 23 458 эскудо и второй — на 35 596, 80 эскудо. В этом списке также фигурируют два североамериканских банка с их филиалами в Чили: «Бэнк оф Америка» и «Ферст нэйшенел сити бэнк». Издательство реакционной газеты «Мер-

курио» вносило по 8 тысяч эскудо в месяц, не считая более мелких сумм. Также по 8 тысяч эскудо ежемесячно вносили другие крупные чилийские фирмы и компании, в частности принадлежащие крупному монополистическому объединению, известному под названием «Клан Эдвардсов»: компании «Тьерра амарилья», «Чилена консолидада» и «Амолана».

Делали регулярные вклады также компании «Сосьедад агрикола Сан-Фернандо», «Сементо Полпаико», «Софруко», «Компания чилена де фосфорос», «Компания чилена де табакос», «Винья Конча и Торо С. А.»; «Сосьедад Ганадера Тьерра дель Фуэго» и «Сосьедад Ганадера Лагуна Бланка» — обе самые крупные латифундии на крайнем юге Чили.

Документы раскрыли также связи с компанией по производству бумаги и картона, а также с Национальной компанией по сбыту товаров (КОДИНА), с фирмами, которые возглавляет кандидат Хорхе Алессандри. В обширном списке числились также банки — Чилийский, Испанский и Южноамериканский, а также фирмы, принадлежащие сенатору от Национальной партии Педро Ибаньесу, «Компрадора де Маравильяс С. А.» и «Компания де комерсио монтемар».

В документах упоминалось имя Пауля Хартона, ответственного чиновника «Анаконды», который одиннадцать раз вылетал в Аргентину в предыдущие месяцы.

Комиссия по расследованию палаты депутатов подтвердила также, что организаторы «кампании террора» неоднократно нарушали законы и регламенты, существующие в стране. Афиши, брошюры и журналы не указывали, как это положено, место издания; денежные вклады не регистрировались, не платились соответствующие налоги, оплата труда в долларах художнику Лугосе нарушала закон о валютном обмене, а брошюра «Роковые последствия» была направлена против закона о внутренней безопасности государства.

Работа комиссии по расследованию получила огласку по всей стране. Она позволила чилийцам узнать, что решение о проведении «кампании террора» было принято представителями группы чилийских и североамериканских монополий, полных решимости любой ценой воспрепятствовать победе кандидата, который включил в свою

программу национализацию империалистических компаний, банков и монополий.

«Аксон мухерес де Чиле» и «Чиле ховен» были просто выдуманными названиями и ничем более.

Руководители «кампании террора» опубликовали составленные на скорую руку списки вымышленных сторонников «Аксон мухерес де Чиле» и «Чиле ховен», пытаясь убедить общественное мнение в существовании этих организаций.

Парламентарии Национальной партии пытались поднять шумиху по поводу того, что комиссия занимается подбором насильно взятых документов, и, кроме того, они утверждали, что деятельность этой комиссии была незаконной.

Газета «Меркурио» на скорую руку состряпала и опубликовала по частям брошюрку о так называемом «архиве Кунакова», «подлинном доказательстве», как уверяла газета, «советского шпионажа в Чили».

Оставалось всего одна неделя до президентских выборов.

1. ПАВЕС И НУНЬЕС

По-настоящему заговорщики начали свою деятельность в июне 1970 года.

Руководители кампании в пользу Алессандри, представители правительства христианских демократов, банкиры, крупные помещики, иностранные предприниматели, североамериканские политики, осознав реальное положение дел, вдруг поняли, что Альенде может победить.

Это привело к тому, что между ними сложилась из-за тактических соображений солидарность чувств и действий. Появился зародыш коллективного заговора, который впоследствии затемнил некоторые аспекты дела Шнейдера.

Убийство генерала преследовало цель помешать передаче власти победившему кандидату. Деятельность, начатая в июне 1970 года, была направлена на то, чтобы помешать победе этого кандидата.

Кампания нападок в печати призывала к использованию всех средств, в том числе и насилия. На этот раз речь шла уже не о терроре на словах, не об угрозах в печати и по радио, а о действительных попытках пролить кровь. В этих целях использовались всевозможные темные дела и махинации, в которых «благородные» личности, не колеблясь, пачкали руки.

Одно из таких дел произошло в городе Пуэнте-Альто, соседнем с Сантьяго. Предлогом явилась забастовка учащихся в знак солидарности с техническим персоналом министерства просвещения.

Клаудио Павес Идальго, восемнадцатилетний студент Промышленного училища в Пуэнте-Альто, член организации Социалистическая молодежь и председатель молодежного отряда Народного единства в секторе Касас Вьехас, был убит в пятницу 26 июня в 9.40 утра выстрелом из револьвера.

Павес участвовал в мирной студенческой демонстрации, которая подверглась нападению членов Подвижной группы карабинеров, прибывшей в большом числе из Сантьяго на машинах.

Патрисио Рохас, министр внутренних дел в правительстве Фрея, несколько часов спустя заявил о существовании «чрезвычайно тяжелой обстановки, препятствующей ходу избирательной кампании» в связи с событиями в Пуэнте-Альто.

Рохас указывал, что «силы порядка была обстреляны из помещения отделения Национальной службы здравоохранения в Пуэнте-Альто; выстрелы были произведены со второго этажа в направлении улицы». Он утверждал, что карабинеры стреляли только в воздух. «Пулевое ранение, вызвавшее смерть студента, — утверждал он, — имеет явно подозрительный характер, характер ранения рикошетом».

Министр обвинил председателя Центра студентов Промышленного училища Адольфо Кастильо, заявив об «имеющихся подозрениях, что именно он мог быть тем, кто использовал огнестрельное оружие». Он обосновывал свое обвинение тем, что в кармане задержанного студенческого руководителя была обнаружена гильза от использованного патрона.

Действуя в стиле самых традиционных методов старых министров чилийских правых сил, Рохас заявил о существовании «настоящего восстания». «Все это заставляет думать, что причины подобного положения имеют иной характер», — сказал он.

Выступая тем же вечером по национальной радио- и телесети, Патрисио Рохас обвинил «Революционное движение левых» (МИР) и членов Социалистической партии в «фактическом использовании насилия». Впервые министр использовал выражение «налетчики», пущенное в ход проамериканской газетой «Меркурио», в применении к участникам демонстрации.

Однако версия министра Рохаса была опровергнута

бесспорными фактами и заявлениями десятков свидетелей, совпадавшими при описании событий.

1. Перестрелка была начата незадолго до происшедшего случая с торговцем и одним из местных александристских руководителей Нольберто Ласеном, выстрелившим из-за двери своего магазина «Листо», расположенного на Пласа де Армас в Пуэрте-Альто.

2. Здание, со второго этажа которого, по словам министра Рохаса, был открыт огонь по карабинерам, было одноэтажным.

3. У студентов не было оружия. Никто из них не стрелял.

4. Человеком, совершившим смертельный выстрел в юношу Клаудио Павеса, был сержант карабинеров Элисео Алегриа, опознанный несколькими свидетелями. Это был прямой выстрел, а не рикошет, согласно нескольким свидетельским показаниям, опубликованным в печати.

Некоторые из свидетелей утверждали:

— Карабинер прицелился так, как будто он стрелял по мишени в тире.

— Карабинер все проделал так, как на учениях: прицелился и выстрелил.

— Этот жандарм чисто сработал.

Отец убитого студента Хосе Павес Ульоа был членом Христианско-демократической партии. Убитый горем, он заявил:

— Фрей — виновник смерти моего сына. После кровавой расправы в Пуэрто-Монте он должен был бы распустить Подвижную группу карабинеров. Но он этого не сделал, и вот теперь они убили Клаудио... А я еще работал, как батрак, на партию! Теперь мне за мой энтузиазм заплатили убийством сына. За все отплатили!.. Больше я не христианский демократ. Я не буду голосовать вообще...

Вечером в день преступления подозрительные личности появились на улицах Пуэрте-Альто. Местное отделение Единого профсоюзного центра трудящихся в это время проводило митинг протеста, и с его трибуны было заявлено о появлении подозрительных групп преступников, которые проникали в ряды манифестантов и бросали камни в карабинеров с провокационной целью — создать предлог для кровавой расправы. Военственно настроенный, прибыл контингент жителей поселка бездом-

ных имени 26 января, доставленный на специальном автобусе. Еще более явно появились в рядах демонстрантов карабинеры, переодетые в гражданское платье.

Город Пуэнте-Альто пережил несколько часов беспорядков. Взрывались бомбы со слезоточивым газом. Преступники и манифестанты, не поддаваясь контролю, забрасывали камнями карабинеров, магазины и разбивали частные машины.

На следующий день во время проведения митингов протеста в Антофагасте, Вальпараисо, Вальдивии и других городах подобные группы преступных элементов, смешавшись с трудящимися и студентами, способствовали осуществлению полицейских репрессивных актов.

В субботу 27 июня, когда похоронная процессия с телом студента Павеса проходила по улицам, автобус Подвижной группы карабинеров остановился на одном из углов, что было явно подозрительно. И как было заранее предусмотрено, с определенного расстояния было сделано несколько выстрелов по полицейской машине, с которой тут же прыгнула группа карабинеров, взявшая на прицел своих автоматов участников похоронной процессии. Ее руководители быстро изменили направление движения всей процессии. Группа лиц, стрелявших по карабинерам, была разоружена самими участниками процессии. Напряжение длилось только несколько мгновений. Столкновения не произошло.

Стало ясно, что определенные представители Подвижной группы карабинеров искали провокационного предлога для кровавой бойни.

В тот день, когда был убит студент Павес, трое подростков возвращались из дома тетушки одного из них и были задержаны в Пуэнте-Альто членами Подвижной группы. Прямо на улице их избили дубинками и ногами. Их посадили в полицейский микроавтобус, в котором продолжалось избиение. Один из подростков, шестнадцатилетний Патрисио Нуньес Пальма, ученик 6-го класса средней школы, потерял сознание. Автобус поехал, и на самом ходу подростка выбросили на мостовую. Патрисио Нуньес пришел в сознание и был доставлен в больницу, откуда его отправили домой. Ночью у него начались головные боли и рвота, а утром следующего дня, когда его забрала «скорая помощь», он скончался по дороге в больницу — в 8.05 часов в субботу 27 июня 1970 года.

Не только эти, но и другие факты показали, что готовилась широкая провокация с дальним прицелом.

2. ПРЕСТУПНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В день смерти второго студента в бой вступил новый отряд: армия преступников, набранных сторонниками кандидата Алессандри.

Ее первое публичное выступление произошло, когда колонна студентов-демонстрантов, направляясь на факультет права Чилийского университета, проходила мимо старинного монастыря, принадлежавшего ранее «чистым девам» и находящегося в районе Бельявиста на правом берегу реки Мапочо.

Бывший монастырь был превращен в местопребывание алессандристских групп, которые по вечерам занимались пропагандой. На монастыре была укреплена вывеска: «Дом победы».

Был полдень. Проходя мимо места сбора алессандристов, студенты бросали камни в окна, защищенные прочными решетками. Внутри дома раздался сигнал — прозвучала сирена, и через несколько секунд из окон второго этажа раздалась выстрелы.

Около двадцати субъектов, вооруженных пистолетами и ружьями, начали преследовать демонстрантов. Операторы телевидения усердно снимали сцены, когда члены ударной алессандристской группы, прячась за машинами или деревьями, обстреливали студентов, отвечавших только камнями.

Юноши, укрывшись на факультете права, подверглись атакам Подвижной группы карабинеров, которая не заставила себя долго ждать. Карабинеры забросали студентов бомбами со слезоточивым газом, а алессандристы — камнями. Среди студентов было четверо, получивших огнестрельные раны.

Во время осады корреспондент газеты «Сигло», следивший за развитием событий, зашел в кафе, расположенное неподалеку, чтобы выпить стакан рефреско¹, и здесь на него напали. Шесть субъектов проникли в кафе, чтобы захватить его и бросить в пикап, стоящий рядом. Так как

¹ Прохладительный напиток. — *Прим. перев.*

журналист сопротивлялся, на него навели пистолет. При выходе из кафе журналисту удалось убежать. Нападающие были раздосадованы, особенно один из них, который хотел выстрелить в спину корреспонденту.

«Пистолерос» затем направились в «Дом победы» александристов. Когда же журналисты попросили командира одного из отрядов Подвижной группы, находившегося в том месте, задержать преступников, напавших на их коллегу, офицер ответил: «Пойдите и заявите об этом в полицейский комиссариат».

События этого дня позволили стране понять цели деятельности «Дома победы», находящегося всего лишь в восьми кварталах от центральной площади Сантьяго — Пласа де Армас.

Под непосредственным командованием одного из руководителей Национальной партии, бывшего боксера, бывшего депутата, бывшего посла в Парагвае правительства Алессандри Хайме Эганья Бараона действовала базирующаяся в этом доме частная армия преступников. Ее составляли преступники, завербованные, по словам одного из них, именно потому, что они и ранее совершали преступления.

Получая сорок эскудо в день, каждый вечер на грузовиках они направлялись в четыре основных района столицы с задачей расклеивать пропагандистский материал в пользу Алессандри, «оберегать ее» от групп, поддерживающих других кандидатов, и нападать, в определенных случаях, на помещения отделений Народного единства.

В вербовке преступников участвовали владелец закуской «Ла Сирена» Хосе Аревена, военный в отставке, Рене Карраско, сын Хайме Эганьи, Хосе Респальдеса, руководитель Федерации волейбола, и другие. Среди главарей групп преступников находились очень опасные преступники, как Флако Марио и Флако Карно.

В 4 часа утра начинал действовать отряд, составленный из самых отпетых головорезов, члены которого участвовали в более чем двадцати перестрелках с пропагандистами других кандидатов. Каждый молодчик из этой группы получал огнестрельное оружие, бутерброд, литр красного вина или пол-литра водки для храбрости. Один из главарей отряда обращался к своим подчиненным с таким напутствием: «Не будьте трусами! Нападайте и

стреляйте! За это вам ничего не будет, мы вас выручим! Если и возьмут, то вас вырчат наши адвокаты».

Во время событий 27 июня полиция задержала троих преступников из подручных Эганьи Бараона, обвинив одного из них в грабежах и налетах, другого в тяжелых избиениях, а третьего в нанесении вреда и ранений. Позже, 19 августа, за две недели до выборов, полиция задержала 29 «пропагандистов» Алессандри, отъехавших на грузовике от «Дома победы». Двое из них — Луис Венегас и Луис Серрано — были задержаны по обвинению в убийстве, а третий — Нельсон Заморано — в укрывании убийц. В руках у молодчиков этой группы было обнаружено следующее оружие: два револьвера, ружье, пять ножей, семь взрывчатых устройств и девять кастетов.

Заправили «Дома победы» имели связи с многими спортивными клубами. С помощью объявлений в газетах они смогли мобилизовать большое число членов этих спортивных клубов для участия в митинге молодежи в поддержку своего кандидата в театре Кауполикан. Каждый клуб, пославший на митинг 25 своих спортсменов, получал чек на 500 эскудо для приобретения спортивного инвентаря.

К вечеру в субботу 27 июня чилийцам справедливо казалось, что их страна переживает период беспорядков, хаоса и насилия. В Сантьяго правительство объявило чрезвычайное положение и назначило начальником гарнизона столицы Камило Валенсуэлу.

Однако не хватало еще эффективного психологического поворота событий, чтобы дополнить картину. К этому должны были приложить руку на следующий день, в воскресенье, президент республики Эдуардо Фрей и его министр внутренних дел Патрисио Рохас. Но прежде Подвижная группа карабинеров и бригада специальной разведывательной службы должны были выполнить подготовительное задание.

3. ГРЯЗНАЯ ИГРА

Утром в воскресенье 28 июня без 10 минут 6 раздался сильный взрыв бомбы в пустой сторожевой будке карабинеров, расположенной на перекрестке улиц Элие-

сэр Парада и Тобалаба, напротив канала Сан-Карлоса, причинивший большие разрушения.

Через несколько минут многочисленный отряд карабинеров и гражданской полиции из бригады специальной разведывательной службы окружил квартиру в нижнем этаже дома по улице Уэлен за два квартала от проспекта Провиденсия. Находящиеся в квартире оказали сопротивление, и завязавшаяся перестрелка длилась полчаса. Раненых не было. В конце концов бомбы со слезоточивым газом, брошенные внутрь дома, заставили сопротивлявшихся — венесуэльского студента Педро Паредеса Гомеса, его жену и двух чилийских студентов покинуть дом.

Полиция обвинила их в попытке взорвать сторожевую будку карабинеров.

Забрав арестованных, три автобуса карабинеров и два пикапа бригады специальной службы с большой помпой направились к так называемым зданиям «Башни Тахамара». Развернувшись в цепь с ружьями наперевес, полицейские и карабинеры проникли на 10-й этаж здания «Б». Там находилась только секретарша австрийского посольства и компания друзей, вернувшихся с какого-то праздника.

Так никогда и не было достаточно ясно объяснено, имели ли молодые люди, задержанные в доме на улице Уэлен, какое-либо отношение к попытке взорвать полицейскую будку. И все же различные слухи и отдельные факты, происшедшие в последующие дни, позволяют думать, что бомба вполне могла быть брошена туда каким-либо лицом, заинтересованным в том, чтобы дать президенту Фрею нужный предлог для его театрального жеста в то воскресенье.

В комиссариат карабинеров Фрей прибыл на собственном автомобиле после полудня, спустя несколько часов после перестрелки, в 14.00. Там уже находился министр внутренних дел Патрисио Рохас, его заместитель Хуан Ачурра, генеральный директор карабинеров Висенте Уэрта Селис и генерал армии, командующий зоной чрезвычайного положения в Сантьяго Камило Валенсуэла.

На бильярдном столе аккуратно были разложены одиннадцать различных пистолетов, две тротиловые бомбы, десять самодельных бомб в банках из-под консервов, два ножа, детонаторы, шесть электрических устройств

для пуска двигателей автомобилей без использования ключей и большое количество боеприпасов.

Этот арсенал был показан журналистам в качестве доказательства существования подрывного плана против внутренней безопасности страны. Было сказано, что это оружие захвачено в доме по улице Уэлен.

Выйдя из помещения комиссариата, президент Фрей заявил, что подобные действия «не только подрывают порядок, но могут сорвать и президентские выборы». Очень серьезным тоном он сказал, что «политические партии должны опередить свои позиции и высказаться за закон или против закона».

В тот же вечер возобновились уличные беспорядки в Пуэрте-Альто, и снова со стороны полиции последовали малообъяснимые действия.

На четверых журналистов газеты «Меркурио», находившихся на месте событий, напала группа из 20 вооруженных кастетами и дубинками лиц. Нападение произошло в тот момент, когда фоторепортер пытался сфотографировать одного из субъектов, проникших в ряды демонстрантов и пытавшихся спровоцировать их на насильственные действия.

Спасаящимся журналистам удалось добежать до автобуса Подвижной группы карабинеров. Офицер, командовавший нарядом, отказался защитить их. Журналисты побежали к другой полицейской машине, расположенной в пятидесяти метрах от первой. Там члены Подвижной группы не только не защитили их, но схватили одного из них, затащили в автобус и избили. После того как его отпустили, журналист вынужден был обратиться в пункт скорой помощи.

Действия карабинеров в штатском, которые проникали в ряды демонстрантов, провоцируя их нападать на магазины и частные автомашины, были доказаны многочисленными фактами. Один из карабинеров в штатском, небритый и нестриженный, с револьвером за поясом был сфотографирован в момент, когда получал указание от своего начальника, одетого в форму. Других застали в момент, когда они бросали камни, в том числе и в автомобили, принадлежащие Подвижной группе карабинеров.

Во время событий в Пуэрте-Альто многие видели, что члены Подвижной группы прятали в складках своей одеж-

ды оружие меньшего калибра, не принятое на вооружение у карабинеров. Это позволяло не относить на счет полиции смертные случаи и случаи ранения огнестрельным оружием.

Цель правительственных репрессий заключалась в том, чтобы оставить христианско-демократического кандидата Радомиро Томича без поддержки. Именно тогда, когда он пытался заручиться поддержкой молодежи и народных слоев, его правительство устроило кровавую расправу над студентами, принадлежащими к семьям трудящихся со средним доходом. Политика христианско-демократического президента Эдуардо Фрей обязывала христианско-демократического кандидата Радомиро Томича навестить отца (тоже христианского демократа) юноши, убитого полицией в Пуэнте-Альто, не имея возможности дать сколько-нибудь разумное объяснение причин убийства его сына.

Одновременно с полицейскими, в форме и в штатском, роль провокаторов в событиях этих дней выполняли преступники, подкупленные алессандристами, а также подручные Виктора Торо — члена МИР.

В группы Торо в большинстве своем входили безработные молодые люди, испытывавшие нужду, не имеющие опыта организованной борьбы и политически незнательные. Они были готовы забросать камнями как полицейскую машину, так и такси скромного труженика, как разбить витрину небольшой лавчонки, так и напасть на профсоюзных, студенческих руководителей или руководителей из блока Народного единства во время их выступлений на митингах.

В тот самый день, когда Фрей посетил комиссариат карабинеров, сенатор Альберто Херес, руководитель МАПУ и один из руководителей Народного единства, следующим образом прокомментировал выступление президента:

«Что означает заявление, которое построено на том, что у нескольких авантюристов обнаружили оружие, заявление, что страна должна выбрать между демократией и свободой? Это не что иное, как политический шаг, благоприятствующий кандидату в президенты от правых сил — сенатору Алессандри. По-видимому, правительство хочет, чтобы президентом республики стал Хорхе Алессандри, и поэтому содействует укреплению его позиций.

Эта попытка правительства обречена на провал, а весь этот разыгранный спектакль не что иное, как прикрытие жестокого убийства двоих детей».

Перед лицом этих событий чилийские трудящиеся не остались в стороне. КУТ наметил проведение общенациональной забастовки. В связи с событиями, происшедшими в конце недели, Национальный руководящий совет Единого профцентра трудящихся опубликовал заявление, в заключительной части которого говорилось:

«Именно поэтому КУТ призывает федерации провести завтра в 18.00 чрезвычайные пленарные заседания в целях мобилизации всех организаций рабочих, студентов, служащих, крестьян вокруг Плана действий и проведения 24-часовой общенациональной забастовки с требованием роспуска Подвижной группы и поддержания порядка по всей стране».

4. СЛОВО НАРОДА

Если бы в среду 8 июля 1970 года не была проведена общенациональная забастовка, возможно, что путь для продвижения Народного единства к власти был бы закрыт.

Необходимость проведения забастовки определялась и многочисленными выступлениями трудящихся в различных отраслях промышленности в предшествующие ей недели и месяцы. Требования и нужды чилийских трудящихся были выражены в документе, включающем девять пунктов, дух которых отражал глубокое политическое противоборство сил, происходящее в стране.

Документ включал основные требования рабочих, служащих, крестьян, жителей поселков нищеты, молодежи, учащихся, мелких и средних предпринимателей, а также пенсионеров, безработных и домохозяйек. Первый пункт требовал осуществления компенсации для всех трудящихся в связи с ростом стоимости жизни.

В документе осуждались планы мятежа, которые вынашивали чилийская олигархия при поддержке определенных группировок в самом правительстве и их североамериканские друзья. Документ далее призывал остановить репрессии и распустить Подвижную группу карабинеров.

Забастовка 8 июля показала несомненный рост сил народного и профсоюзного чилийского движения. Она придала трудящимся веру в свои силы и послужила предупреждением антинародным, агрессивным силам.

Вполне понятно, что партии Народного единства отдали все свои — политические, организационные и пропагандистские — силы на поддержку забастовки, проводившейся под руководством КУТ.

Правые силы и правительство сделали также все возможное, чтобы сорвать ее проведение. Христианские демократы приказали членам своей партии выйти в этот день на работу.

Во дворце «Ла Монеда» предпринимались срочные меры, чтобы воспрепятствовать водителям пассажирского транспорта присоединиться к забастовке. Им обещали льготы, вплоть до неприменения в будущем санкций к нарушителям движения.

К забастовке присоединилась 41 национальная профсоюзная федерация трудящихся различных отраслей экономики. В числе их были и две федерации, не входящие в КУТ. Забастовку поддержали многие рабочие, начиная от рабочих горнорудной промышленности и кончая продавцами в розницу. К ней присоединились также служащие и студенты, при этом надо учесть, что правительство объявило о роспуске на каникулы учащихся средних школ досрочно.

В то же время проведение забастовки несло с собой для левых сил серьезную опасность. Демонстрации на улицах могли быть использованы для осуществления новых актов насилия и для обвинения в них трудящихся с целью разгрома забастовки и запугивания колеблющихся слоев, главным образом средних слоев населения.

Поэтому в своем сообщении, опубликованном накануне забастовки, КУТ отмечал, что «мы приложим все усилия, чтобы выразить свой протест организованно и соблюдая порядок, не поддаваясь на полицейские провокации, разоблачая элементы, которые попытаются помочь полиции создать благоприятную для ее действий обстановку».

Руководители КУТ побывали во всех провинциях и помогли принять меры для предотвращения провокационных актов.

Обращалось внимание на то, что большой митинг в

Сантьяго вызовет концентрацию большой массы трудящихся, что облегчит заинтересованным лицам вызвать акты насилия. Поэтому было разослано указание, чтобы в 17.00 трудящиеся собирались в помещениях своих профсоюзов и оттуда направлялись в определенный район столицы (их было намечено одиннадцать) для проведения митингов.

В среду 8 июля с самого утра все признаки общенациональной забастовки были налицо.

Прекратилась вся трудовая жизнь страны. Улицы были пустынными, как будто какой-то необычно сильный ветер смел с тротуаров и мостовых людей, которые ранее постоянно, как муравьи, спешили по ним.

Профсоюз автобусных шоферов, несмотря на многочисленные препятствия, созданные «желтыми» профруководителями, решил прекратить работу на 24 из 32 автобусных маршрутах Сантьяго. Лишь до 10 часов утра курсировали отдельные автобусы, управляемые штрейкбрехерами и охраняемые полицией. И все же к 10 часам и они прекратили работу, так как торговые предприятия на главных улицах и в торговых центрах начали закрываться.

Только МИР и другие небольшие ультралевые студенческие группы, отвергнув установку КУТ и заявив о своем намерении «активно бороться», смогли вызвать тем утром отдельные стычки с Подвижной группой карабинеров на проспектах Викунья Маккенна и Макуль, где они воздвигли баррикады.

К вечеру руководители КУТ смогли подвести радостный итог: 700 тысяч организованных рабочих — членов профсоюзов прекратили работу. К ним прибавились неорганизованные рабочие, занятые на тысячах предприятий: в мастерских, конторах, мелкой торговле, а также студенты.

В 19.00 руководство КУТ огласило заявление, в котором энергично подтверждалось:

«Наши враги поставлены в известность о твердой и решительной позиции трудящихся и чилийского народа покончить с внутренними беспорядками, цель которых задержать силой, путем эскалации репрессий развитие победоносной народной борьбы».

Однако день еще не кончился. Еще произойдет случай, во время которого кровь снова обогрит землю Чили.

5. ЗЕЛЕННЫЕ НОСКИ

Преступление было совершено на небольшой площади Тропесон, расположенной в центре общины Кинта Нормаль. Здесь проходил один из митингов, созданных КУТ. На нем присутствовали тысячи человек. Все шло своим порядком до тех пор, пока в 18.30 джип белого цвета, принадлежащий карабинерам, с номером 371 не остановился недалеко от участников митинга по улице Маначо, напротив магазина «Диаманте». Митинг был разрешен властями провинции, и наряды карабинеров задержали транспорт, чтобы он не мешал проведению митинга.

Из джипа вышли двое, одетые в гражданское платье. Они немного поговорили с офицером карабинеров и направились туда, где проходил митинг, смешавшись с толпой. Там они находились до тех пор, пока один из демонстрантов, который видел, как они выходили из полицейского джипа, не узнал их. Группа демонстрантов окружила их и заставила уйти с митинга.

Оба вернулись на прежнее место. Поговорили с тем же офицером и снова направились на митинг, где в это время выступал один из ораторов.

Один из них начал выкрикивать:

«Все эти бесстыжие забастовщики — бродяги! Они организуют митинги, чтобы оскорбить правительство!»

Несколько человек бросились к ним, схватили за руки.

«Оставьте меня!» — закричал тот, который был наглее. Вырвавшись, он вытащил пистолет и начал стрелять.

Выстрелил шесть раз.

Одна из пуль попала в правое легкое шестнадцатилетнему Михелю Анхелю Агильере, ученику первого курса Центра Торгового ученичества общины Кинта Нормаль. Он упал.

Другая пуля попала в спину Хуана Канчино Ормасабалы, двадцатилетнего садовника Государственного технического университета.

Двое нападающих побежали. Убегая, они бросили свое оружие. Тот, кто стрелял, попытался спрятаться в одной из аптек, где его и настигла группа демонстрантов.

В этот самый момент карабинеры сняли заграждения, препятствующие движению транспорта, и машины пошли

как раз по тому месту, где проходил митинг. Одновременно с трех различных сторон карабинеры, пешие и на автобусах, начали разгонять митинг.

Демонстранты передали стрелявшего в руки полиции, которая посадила его в автофургон карабинеров за номером 682.

На муниципальной машине двое раненых были доставлены на пост № 3 медицинской помощи. Туда поступил также еще один пациент с легкими ушибами, назвавший себя «налоговым инспектором».

Однако с соседней койки его заметил раненый Хуан Канчино. Он воскликнул:

«Это ведь тот подлец, который стрелял в меня!»

Врач вместе с обслуживающим персоналом заметили, что на человеке, назвавшем себя «налоговым инспектором», были надеты зеленые носки — принадлежность формы карабинеров.

Припертый к стенке, он признал, что является младшим лейтенантом карабинеров Патрисио Бугуэньо Роблесом, приписанным к комиссариату 10-А, и действовал, выполняя «приказ свыше».

Полковник карабинеров поговорил по телефону с дежурным врачом, и Бугуэньо на носилках и под охраной полицейских переправили в госпиталь карабинеров.

Мигель Анхель Агильера умер в 21.05 в тот же день, 8 июля, на операционном столе в Институте нейрохирургии, куда он был переведен.

Агильера состоял в низовой организации Коммунистической молодежи имени Мартина Лютера Кинга в районе Лас-Барранкас. Он жил в поселке Эрминада дела Виктория, созданном три года назад на захваченном участке земли. Он был ответственным за пропаганду в недавно созданном молодежном комитете Народного единства. В свободное время играл на гитаре или играл в баскетбол.

В то утро он вместе с другими ребятами агитировал рабочих-пекарей своего поселка бросить работу и принять участие в забастовке. Он был сыном унтер-офицера карабинеров, ушедшего в отставку. В прошлом Мигель Анхель Агильера отличился в памятном марше солидарности с Вьетнамом из Вальпараисо в Сантьяго, организованном Коммунистической молодежью. Друзья и товарищи прозвали его «долговязым». Перед тем как идти на

митинг, в день своей смерти, он сказал: «Похоже, что со мной сегодня что-то произойдет».

С убийством на площади Тропесон грязная игра отдельных представителей правительства Фрея была раскрыта. Нарушая самую элементарную законность, они всеми силами пытались вызвать кровавое побоище. Но они не подозревали, что будут пойманы с поличным.

В тот самый вечер правительство передало в печать сообщение, пытаясь утверждать, что общенациональная забастовка потерпела провал. В этом же сообщении мимоходом упоминалось о том, что в районе Тропесона два человека были ранены и «их должны были госпитализировать».

Министр внутренних дел Патрисио Рохас избегал встреч с журналистами, но до него добрались все же два корреспондента. В беседе с ними он несколько «увлекся» и сделал много клеветнических, провокационных заявлений.

Утром следующего дня национальное руководство Народного единства в своем заявлении обвинило «реакционные секторы правительства и правых сил» в попытке воспрепятствовать с помощью насилия и преступлений проведению президентских выборов 4 сентября.

«Народное единство,—указывалось в заявлении,—считает главными виновниками этих трагических событий президента республики, министра внутренних дел и генерального директора карабинеров». «Народное единство требует,—говорилось далее,—удаления с поста генерального директора карабинеров Висенте Уэрта и замены его начальником, который не будет использовать карабинеров в качестве репрессивной силы, а также требует реальной гарантии жизни и спокойствия граждан».

К середине дня правительство продолжало хранить молчание, и представителей его нигде нельзя было увидеть. Только генерал Камило Валенсуэла, начальник зоны чрезвычайного положения в провинции Сантьяго, передал для печати заявление, в котором говорилось:

«Меня информировали о следующем факте: перед угрозой прямого нападения многочисленной группы демонстрантов младший лейтенант карабинеров Патрисио Бугуэньо оказался перед необходимостью в целях самозащиты применить служебное оружие, что привело к ранению Мигеля Анхеля Агильеры Моралеса и Хосе Кан-

сино Ормасабаля, в результате которого первый из названных умер; этот инцидент не был заранее подготовлен, а произошел, когда указанный карабинер, одетый в гражданское платье, исполнял предусмотренные уставом полицейские обязанности».

Вечером Национальный совет Христианско-демократической партии решил повлиять на президента республики. Но после более чем часовой беседы с Фреем председатель партии Бенхамин Прадо, выйдя из дворца «Ла Монеда», заявил: «Постановка нами вопроса об изменении кабинета или изменении руководства карабинеров не даст результата».

Через некоторое время вышел из дворца и президент республики. Из окна своего голубого бронированного «кадиллака» он заявил журналистам:

— Совсем не обязательно, чтобы генерал Уэрта подавал просьбу об отставке. Он пользуется моим полным доверием.

А затем, улыбаясь, ответил еще на один вопрос:

— Уйдет ли в отставку министр Рохас? Никогда! Ни разу мне не приходила такая мысль, и я никогда не соглашусь на его отставку.

Было 9.05 вечера, четверг 9 июля 1970 года. Прошло ровно 24 часа с момента смерти юноши Мигеля Анхеля Агильеры.

6. ФИДЕЛЬ

Наряду с внутренними событиями страны на весь политический процесс влияли, кроме того, многочисленные международные факторы. На избирательную кампанию 1970 года особое влияние оказывали выступления Фиделя Кастро.

Речь, произнесенная 26 июля 1970 года Фиделем Кастро за 38 дней до начала выборов, произвела в Чили такой эффект, как если бы взорвалась бомба в несколько мегатонн.

Кубинский лидер в ней детально проанализировал причины, из-за которых Куба во время сафры текущего года не выполнила поставленных задач: дать 10 миллионов тонн сахара.

Журналисты, вся печать правых и христианской демократии немедленно подняли шумиху, пытаясь показать, что социализм приносит Кубе одни лишения и что то же самое ожидает Чили при правительстве Народного единства. В таком же тоне выступал в эти дни и Хорхе Алесандри, кандидат правых сил.

Но партии Народного единства и Сальвадор Альенде сразу же взяли быка за рога.

Коммунистическая газета «Сигло» поместила полностью речь Фиделя Кастро с многочисленными комментариями, а газеты «Пуэро Чиле» и «Нотисьяс де ла ультима ора», которые также поддерживали кандидатуру Альенде, опубликовали обширные выдержки из речи кубинского лидера.

В своей речи Фидель Кастро заявил:

«Наши враги говорят, что у нас имеются трудности, и они правы.

Они говорят, что у нас много проблем, поистине они правы. Они говорят, что у нас есть недовольные, и они правы. Они говорят, что у нас возникают недоразумения, и они правы.

Как вы видите, мы не боимся сознаться в том, что наши враги правы».

Потому руководители левых партий указывали на то, что искреннее и открытое признание кубинским руководителем своих ошибок и недостатков в процессе строительства социализма не преуменьшает традиционных достижений, которых добилась Куба в экономическом развитии после революции, а также не преуменьшает исторических успехов — несмотря на непрекращающуюся агрессию и блокаду — в социальном и культурном развитии, в формировании на Кубе нового человека. Наоборот, открытое рассмотрение существующих недостатков было не чем иным, как началом — отмечали руководители Народного единства — новых усилий, которые приведут Кубу к дальнейшим успехам в области экономики, в создании благополучия для своего народа и в различных областях строительства социализма.

Фидель Кастро также заявлял:

«Враги радуются и, видя наши затруднения, вынашивают свои планы. Мы говорили, что они были правы в одном, другом, в третьем, во всем, в чем им хотелось. И только в одном они были неправы: они думали, что на-

род пойдет другим путем, они думали, что народ, столкнувшись с трудностями, может избрать путь контрреволюции».

Альенде и руководители Народного единства указывали на то обстоятельство, что те, кто выступает сегодня в Чили против кубинской революции, стремятся, используя как кандидатуру Алессандри, так и кандидатуру Томича, сохранить капиталистический режим, режим эксплуатации человека человеком и зависимость Чили от североамериканского империализма. На Кубе эти факторы уже навсегда ликвидированы социалистической революцией.

Решительные выступления левых сил в Чили в связи с речью Фиделя Кастро дали свои плоды. Вражеская пропаганда в значительной степени была парализована, в то же время крепили политические связи внутри Народного единства.

И все же главное значение речи Фиделя Кастро в развитии политического процесса в Чили заключалось в эти дни в его открытом и решительном заявлении о реальной возможности победы Народного единства на выборах.

Надо сказать, что кубинские руководители никогда в принципе не отрицали возможности создания в Чили левого правительства без какой-либо вооруженной борьбы. И конференция Латиноамериканской организации солидарности (ОЛАС), созванная в Гаване в июле — августе 1967 года, отмечая первостепенность вооруженной борьбы для континента, указала, что, «считая вооруженную борьбу основным путем, в равной мере необходимо использовать другие формы борьбы, и всегда необходимо развигать то, что в данный момент является главным».

В различных речах и заявлениях Фиделя Кастро, а также в документах кубинской революции указывается на особый характер развития политического процесса в Чили.

Два года спустя, в 1969 году, в Москве, на международном Советании коммунистических и рабочих партий произошла памятная встреча. В величественном зале для приемов иностранных послов встретились в дружественной обстановке члены делегации Коммунистической партии Чили, возглавляемой Луисом Корваланом, и представители Коммунистической партии Кубы, которую возглавлял Карлос Рафаэль Родригес, присутствовавший на советании в качестве наблюдателя.

Новая встреча на высоком уровне имела место также в Москве в апреле 1970 года во время празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Представитель Коммунистической партии Чили Орландо Мильяс и Первый секретарь Коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди в посольстве Кубы встретились с членами кубинской делегации: президентом Кубы Освальдо Дортикосом, Раулем Кастро, Вильмой Эспин и Серхио дель Валье.

Там же в посольстве произошла еще одна встреча между Раулем Кастро, Серхио дель Валье и Орландо Мильясом. На этой встрече Орландо Мильяс высказал пожелание руководителей Коммунистической партии Чили провести переговоры с кубинскими руководителями, после чего немедленно было сделано приглашение посетить Гавану одному из членов Политической комиссии Коммунистической партии Чили.

Таким образом, 19 июня 1970 года сенатор Володя Тейтельбойм прилетел на Кубу, а в среду 24 июня начались и в течение 3 дней проходили переговоры между Фиделем Кастро — с участием майоров Хесуса Монтане и Мануэля Диаса — и представителем чилийских коммунистов. Беседы проходили либо в доме, отведенном Тейтельбойму в гаванском районе Кубанакан, на кубинский манер — до самого рассвета, либо во время поездок на «Альфа Ромео» в кабине джипа, который использует Фидель Кастро в своих деловых поездках по различным уголкам острова.

В первый день кубинский руководитель вечером прибыл дом, где находился Володя Тейтельбойм, поздоровался с ним сердечным рукопожатием и спросил без обиняков: «Как Чили?»

Началась долгая беседа.

Чилийский сенатор объяснил положение в своей стране и перспективы Народного единства. Передал Фиделю Кастро один экземпляр Основной программы Народного единства, программу Томича и другие документы предвыборной кампании. Кубинский руководитель прочел их и прибыл на следующую встречу не только с исчерпывающим знанием этих документов, но он нашел время прослушать также пластинки с записями выступлений музыкального революционного ансамбля «Килапайон» и композитора и певца Виктора Хары, которые подарил ему Тейтельбойм.

«Вы победите?» — поинтересовался Фидель Кастро. Гость объяснил ему, что Народное единство имеет реальную возможность победить, но, конечно, это еще пока будет победа не на все 100 процентов.

«Программа Народного единства — великолепно» — таков отзыв кубинского руководителя, который заметил также, что, по его мнению, путь, избранный левыми чилийскими силами, отражает действительное положение в стране.

В последний день Володя Тейтельбойм сопровождал Фиделя Кастро во время его посещения плантации сахарного тростника, молочной фермы и образцовой школы-интерната в окрестностях Артемиса. На обратном пути в Гавану Фидель Кастро говорил об условиях, которые в Чили в большей степени, чем на Кубе, могут облегчить построение социализма: наличие опытного и многочисленного рабочего класса, возглавляемого революционными партиями, имеющими свои организации во всех уголках страны; знание технической и научной интеллигенцией национальных нужд; наличие таких лидеров и политических деятелей, как Альенде, стоящих на твердых революционных позициях и поддерживаемых народом.

Володя Тейтельбойм вручил Фиделю Кастро один экземпляр своей новой книги: «Человек и Человек», а кубинский руководитель подарил ему свои наручные швейцарские часы, водонепроницаемые, с черным циферблатом марки «Ролекс», с компасом и другими приспособлениями, необходимыми для партизана.

Перед своим возвращением в Чили Володя Тейтельбойм с удовлетворением воспринял заявление лидера кубинской революции:

— Я верю, что вы победите.

Эта вера в левые силы Чили была выражена Фиделем Кастро в начале августа, за месяц до выборов, в заявлении по поводу Народного единства, которое в Чили получило широкий отклик и произвело сильное впечатление.

На встрече, длившейся 7 часов, с группой журналистов, преподавателей университетов и руководителей левых сил Чили, прибывших в Гавану на празднование 26 июля, Фидель Кастро произнес самокритичную речь по поводу сафры. В заявлениях, сделанных для чилийского телевидения, на вопрос, считает ли он возможной победу

левых сил на выборах, Фидель Кастро ответил следующим образом:

— Безусловно, да. Я считаю, что в настоящий момент в Чили возможно прийти к социализму путем победы на выборах. Чили — это одна из немногих латиноамериканских стран, где политическая борьба развивается в установленных конституционных рамках и где единственное преимущество правых состоит в том, что они располагают большими экономическими средствами. Борьба развивается в конституционных рамках, поэтому повторяю: в этом конкретном случае, в Чили 1970 года, социализм может выиграть на выборах...

7. НИКСОН

В то время как Фидель Кастро и кубинские руководители занимали ясную позицию по отношению к чилийским выборам, Никсон и представители правительства США так и не смогли выработать разумной тактической позиции по отношению к этому процессу.

Просчеты Вашингтона в Чили стали еще более заметными после того, как к власти пришел президент Эдуардо Фрей. Тогдашний посол США в Сантьяго Ральф Антони Данген стал энтузиастом чилийского «демохристианского эксперимента», а новые правители открыли двери страны для проникновения североамериканских и западногерманских монополий. Но финансовое банкротство христианско-демократического режима, которое вскоре произошло, заставило президента США Джонсона послать в Чили в октябре 1967 года нового посла, журналиста Эдварда М. Корри.

Посол Корри с первого же момента своей деятельности направил все усилия на выполнение следующей цели: покончить с односторонней ориентацией на христианских демократов, установленной его предшественником. Корри укрепил отношения с традиционными правыми силами и применил на практике политику сильного нажима на обе крупные центристские группировки — Христианско-демократическую и Радикальную партии, чтобы воспрепятствовать, чего бы это ни стоило, установлению взаимопонимания между ними и левыми силами.

Что касается Радикальной партии, то здесь Корри и его помощники потерпели полное поражение, поскольку радикалы решили принять участие в движении Народного единства.

А что касается ХДП, то отделение от нее МАПУ и присоединение его к блоку левых для североамериканской политики было просто тяжелым ударом.

Развитие событий в середине 1969 года заставило североамериканских стратегов считать, что преграждение пути левым в Чили заключается в возвращении к власти правых во главе с Хорхе Алессандри.

Эта идея была весьма открыто сформулирована послом Эдвардом Корри в частной беседе с Виктором Хадресичем, послом Фрея в Польше.

Корри указал, что христианские демократы должны «...уступить место Хорхе Алессандри на выборах 1970 года». По мнению посла США, Алессандри, ввиду отпора, который несомненно вызовет его политика, продержится у власти не более двух лет и, таким образом, по истечении этого срока для христианской демократии возникнет возможность вернуться к власти, снова выдвинув кандидатом в президенты, скажем, Эдуардо Фрея Монтальву.

Грубая откровенность представителя Вашингтона побудила посла Хадресича выразить свои идеи в конфиденциальной записке, которая попала в руки сенатора от ХДП Ренана Фуэнтеальба. Этот последний, который поддерживал в ХДП линию Томича о «народном единстве», разоблачил махинации посла Корри на заседании национальной хунты партии в мае 1969 года. Фуэнтеальба указал, что так называемая политика «собственного пути», принятая правым большинством ХДП, заключалась в верном следовании тактике, рекомендованной послом Корри, и имела практической целью «освободить дорогу Хорхе Алессандри», как этого добивался североамериканский представитель.

Этот инцидент привел к охлаждению отношений между ХДП и чилийским МИД, с одной стороны, и североамериканским посольством — с другой. Корри выехал на несколько месяцев из страны, чтобы заняться по заданию Никсона изучением положения в Латинской Америке. Между послом Корри и чилийским министром иностранных дел Габриэлем Вальдесом Суберкасо — который в вопросах национальной и международной политики придержи-

живался более прогрессивных, чем президент Фрей, взглядов — возникли напряженные отношения. Выдвижение кандидатуры Томича и заявление, сделанное им о своем намерении завершить национализацию медной промышленности, еще больше обострили отношения.

Стало ясно, что Вашингтон, не участвуя в борьбе за президентскую власть в 1970 году так же решительно, как в 1964 году он поддерживал Эдуардо Фрея, на этот раз имел другого кандидата, и его звали Хорхе Алессандри Родригес.

Благосклонность к Алессандри североамериканских кругов ясно чувствовалась на страницах проамериканской газеты «Меркурио» и журнала «ПЕК».

Издаваемый Маркосом Чамудесом, исключенным тридцать лет назад из Коммунистической партии, «ПЕК» стал официальным рупором североамериканских медных компаний и посольства США в Сантьяго. Журнал полностью поддерживал Алессандри, выступал со злобными нападками на Альенде и довольно часто нападал на Томича. Но у общественного мнения журнал не пользовался успехом. К этому следует добавить, что моральный облик издателя «ПЕК» был раскрыт во время избирательной кампании, после того как один журналист предал огласке найденный им в старом архиве документ. Из него явствовало, что Маркос Чамудес являлся агентом чилийской политической полиции еще до исключения его из рядов Коммунистической партии. Документ под номером 67 и за официальной подписью субпрефекта следственного отдела Карлоса дель Вильяра Ривероса, сделанный в префектуре Сантьяго 3 октября 1935 года, содержал запись о повышении в должности агента № 6, «гражданина Маркоса Чамудеса Рейтича, который успешно справляется со своими обязанностями на порученном ему участке».

Что касается благосклонности к Алессандри североамериканского посольства, то журналист Т. Шульц из газеты «Нью-Йорк таймс» уже после победы Альенде на выборах рассказал о конфиденциальном докладе Корри своему правительству, в котором он предсказывал победу Алессандри с превышением над другими кандидатами в 300 тысяч голосов.

И все же преобладающими чертами, характеризовавшими деятельность североамериканцев во время избирательной кампании, были метания и колебания.

В 1964 году США поддержали в Чили Фрея и христианскую демократию. Для остальных латиноамериканских стран это означало, что открыт путь реформизма в противовес коммунизму. В 1970 году, после провала «эксперимента» демохристиан, Вашингтон пытался спасти свои позиции и отстоять интересы путем возвращения к власти традиционных правых сил во главе с Хорхе Алессандри Родригесом.

Одновременно с поисками временного решения проблемы власти, связанной с Алессандри, североамериканские руководители мечтали о решении вопроса с помощью военных, но им так и не удалось претворить свои мечты в действительность.

Два представителя посольства Вашингтона в Сантьяго — вторые секретари Кейт Уилкок и Даниэль Йосерс — провели значительную работу, чтобы волнения, возникшие в мае 1968 года внутри вооруженных сил Чили, нацелить на совершение вооруженного переворота. Имела место даже попытка североамериканцев передать деньги в дни восстания полка «Такна» одному военному начальнику, которого они считали возможным претендентом на пост каудильо, — главы движения военных.

Доклад Рокфеллера еще в августе 1969 года рекомендовал для Латинской Америки создание военных националистических правительств в качестве средства против столь опасного для США «коммунизма». Конфиденциальный доклад о положении на континенте, подготовленный для Никсона послом Эдвардом Корри в начале 1970 года, также рекомендовал создание военных режимов в Латинской Америке, включая Чили.

Однако со своими планами в Чили Соединенные Штаты запоздали ввиду быстрого развития избирательной кампании и усиления позиций Народного единства.

Североамериканские медедобывающие компании, а также разведывательные службы США помогали и деньгами и посылкой своих агентов проводить «кампанию террора» в поддержку кандидатуры Хорхе Алессандри, а также деятельности террористов и мятежников, пытавшихся подготовить государственный переворот.

Война во Вьетнаме, положение на Ближнем Востоке и внутренние проблемы Соединенных Штатов не позволили правительству Никсона прямо вмешаться в развитие событий в Чили.

И вот 5 сентября 1970 года североамериканскому президенту и стратегам из Вашингтона сообщили огорчительную вестъ: победил Сальвадор Альенде.

8. АЛЕССАНДРИ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

В один прекрасный день чилийцы обнаружили, что президентские выборы 1970 года, которые все время были едва различимой целью на горизонте, уже находятся в их поле зрения.

Не раз они уже были готовы поверить, что эти выборы, пожалуй, могут и не произойти. Этому во многом способствовали слухи о государственном перевороте.

Но так как Чили является страной выборов, а не страной государственных переворотов, произошло то, что должно было произойти: в пятницу 4 сентября избиратели пришли к урнам для голосования.

Сама по себе избирательная кампания была короткой, но напряженной и очень изнурительной на финише.

4 сентября 1970 года Чили уже было не тем, каким оно было в январе 1970 года.

Старые мифы и старые идеи развеялись за эти восемь месяцев. Десятки и сотни тысяч чилийцев, которые раньше отчаивались, не видя выхода из своего тяжелого положения, не видя перспектив лучшего будущего, отказались от предрассудков и смело решили верить в то, что в Чили также пробил час для вступления на путь социализма.

В фешенебельных домах помещиков и крупных дельцов, в которых раньше царила уверенность в неизменности существующего «статуса», теперь начинали со страхом говорить о том, «что еще будет». Уезжать ли за границу, свертывать ли свои предприятия и поместья, остаться и защищать все до конца или просто приспособиться к возможным будущим порядкам — такие вопросы волновали их на тот случай, «если победит Альенде».

В правящих кругах те, кто мог здраво расценить положение, также пытались понять будущее, как свое личное, так и своей партии, понимая неизбежность конца демокристической эры.

Правые оптимистично начали кампанию в пользу своего кандидата, предлагая стране идиллический и показной возврат к прошлому. «Вернется дон Хорхе», «вернется честность», «вернется порядок» — такими были лозунги правых в конце 1969 и в начале 1970 года. В январе Алессандри утверждал, выступая в Питруфкене, что «уверенность в победе не должна делать нас высокомерными». В феврале в Вальдивии он все еще заявлял, что ему мало будет одной победы на выборах, он признает свое избрание лишь через плебисцит, на основе абсолютного большинства голосов.

Такие самонадеянные утверждения очень быстро вышли из моды у сторонников Алессандри, хотя они продолжали выражать уверенность в том, что Алессандри получит на выборах относительное большинство голосов. В письме, посланном 24 июля сенатору Хулио Дурану, Алессандри писал: «Чтобы способствовать миру и согласию, которые должны установиться между чилийцами, я повторяю и публично признаю, что президентом станет тот, кто получит хотя бы относительное большинство голосов на выборах».

Оптимизм первых дней исчез в последние недели перед выборами, когда правые сконцентрировали свои усилия на попытке убедить общественное мнение, что «Томич займет только третье место». Утверждение это сопровождалось признанием неизбежной победы Народного единства в хитро задуманном и широко распространяемом призыве к избирателям: «Так или эдак: хотите, чтобы победил Альенде, — голосуйте за Томича».

Потеря престижа кандидатом правых явилась в основном результатом политических факторов, среди которых решительную роль сыграла напряженная классовая борьба, развернутая одновременно с избирательной кампанией, а также умелая и целенаправленная разъяснительная работа, проведенная Народным единством. Этому способствовало также публичное развенчание личности Хорхе Алессандри.

Сначала руководители правых стремились держать своего кандидата подальше от телевизионных камер.

Но вот вечером в воскресенье 24 мая по национальной программе государственного телевидения чилийцы наконец увидели Хорхе Алессандри, старика, не всегда логи-

чески мыслящего, который не всегда связно говорил, у него было плохое произношение, он неправильно употреблял многие слова, руки его сильно дрожали и делали беспорядочные движения, как только лишались твердой опоры.

Алессандри согласился выступить в программе «Решение 70», которая каждую неделю поочередно представляла одного из кандидатов. Появление Алессандри на экранах телевизоров самым деморализующим образом действовало на его сторонников и организаторов его пропагандистской кампании. Отрицательный эффект его злополучного появления не мог быть ослаблен следующими тщательно подготовленными выступлениями в новых программах.

К этому добавились еще и политические промахи Хорхе Алессандри.

Выступая в Антофагасте в начале июля, когда состоялась национальная забастовка, организованная КУТ, и трудящиеся Чили подвергались жестокому полицейским репрессиям, кандидат правых пригрозил тем, кто, по его мнению, хотел навязать стране «чуждые доктрины».

Он сказал:

«Не достигнут своих целей те, кто намерен поработить нас так, как это произошло в странах, которые я не хочу называть. Они не сделают это потому, что в Чили достаточно сил, в стране есть вооруженные силы и хорошо организованные отряды карабинеров, которые не допустят, чтобы чуждые нам доктрины пустили свои корни. И в этом случае, основываясь на чувствах патриотизма, военные должны спасти нас, спасая свободу, к которой мы так стремимся».

Призыв Алессандри установить военный режим вызвал волнение по всей стране и сильный отпор как со стороны левых, так и христианских демократов.

Собравшись вместе (открыто потом об этом не говорилось), Радомиро Томич и некоторые руководители его избирательной кампании, а также Христианско-демократической партии посетили президента страны Фрея и попросили его использовать закон о внутренней безопасности государства для немедленного ареста Хорхе Алессандри. Президентский дворец «Ла Монеда» тайно информировал сторонников Алессандри о создавшемся положении. В час ночи зажглись огни в здании, где нахо-

дился политический штаб сторонников Алессандри, расположенный на Пласа де Армас. В срочном порядке было созвано совещание. На нем договорились разъяснить по-другому смысл заявления Алессандри. Оно должно быть истолковано следующим образом: обращение кандидата правых к вооруженным силам и карабинерам имело смысл только в том случае, если бы левые силы выступили против закона.

Это толкование было изложено на следующий день в парламенте сенаторами от Национальной партии. Еще раз его повторил позже сам Алессандри после своего возвращения из Антофагасты, выступая на площади Тропесон, где девять дней назад был смертельно ранен карабинером юноша Мигель Анхель Агильера.

Правые стремились вдохнуть искру божью в личность Алессандри путем систематической публикации результатов опросов, которые, как правило, составлялись так, что всегда предсказывали кандидату правых первое место.

Разветвленный аппарат, руководимый казначеем Национальной партии Альфредо Алькаино Барросом и адвокатом и членом палаты депутатов Клодомиро Браво, вымогал по всей стране фонды для кампании правых. Они состояли не только из вкладов крупных чилийских и иностранных предпринимателей, но также и небольших сумм, получаемых от средних и мелких предпринимателей, к которым ежемесячно наведывались сборщики — сторонники Алессандри.

Но 4 сентября все золото мира уже не могло бы спасти от поражения кандидата правых.

9. ПРОПАГАНДА ТОМИЧА

Хотя многие думали, что кандидатура Радомиро Томича была выдвинута лишь временно или для того, чтобы затем снять ее и расчистить таким образом путь правым, демохристианский кандидат, преодолевая препятствия, все же остался кандидатом ХДП.

Каждый раз, когда правые твердили, что «Томич — третий лишний», сам Томич и его сторонники решительно опровергали это.

По мере того как приближался день выборов, кандидатура Томича приобретала все более «левую» окраску. Благодаря своему неистовому красноречию, энергии Томичу удалось повести за собой христианско-демократическую молодежь и значительную часть своей партии. Начиная свои выступления, он всегда поднимал лопату — символ «труда и строительства».

С каждым днем позиции кандидата христианских демократов становились все более отличными от позиций президента христианских демократов Эдуардо Фрей. Фрей был заинтересован в том, чтобы любой ценой добиться такой комбинации сил, которая преградила бы путь Альенде, хотя это и означало бы победу Алессандри. Томич, напротив, казалось, желал того, чтобы даже если самому и не победить, то по крайней мере набрать значительное количество голосов и создать таким образом препятствие для возврата правых к власти. Другими словами, Фрей выступил против Альенде, Томич — против Алессандри.

Одновременно начало укореняться мнение, что правительство Алессандри будет неспособно удовлетворить чаяния чилийцев и потерпит неизбежный крах в результате борьбы народных масс, а это приведет к насилию и хаосу.

Пропаганда в пользу Томича старалась использовать это обстоятельство, заявляя, что голосовать «за Чили без тупамарос... — это значит голосовать за Томича» или же: «Чилийка и чилиец, хотите ли вы проснуться спокойно пятого сентября?.. Голосуйте за Томича».

Готовясь к выборам 4 сентября, сторонники Томича дезориентировали значительную часть избирателей, которые так и не могли разобраться: за кого они должны голосовать, чтобы потерпел поражение Альенде, — за Томича или за Алессандри?

Томич пытался перетянуть на свою сторону часть избирателей у Альенде и часть у Алессандри. Если он сильно склонится к правым, тогда крестьяне, жители поселков нищеты и часть трудящихся, которые его поддерживают, пойдут за Народным единством. Но он стремился сохранить поддержку и тех своих последователей, которые придерживались консервативных взглядов, говоря им, что только он победит Альенде. Более того, пропаганда христианских демократов уверяла, что «только Томич смо-

жет создать настоящее правительство», то есть, став президентом, он в отличие от Алессандри сможет контролировать ту беспокойную обстановку, которая возникнет, как полагают все, сразу же после выборов.

В своем стремлении отвоевать голоса у кандидата левых сил — Альенде сторонники Томича пытались поставить избирателей перед единственным выбором: «Христианские левые силы или марксистские левые силы». Но Народное единство опровергло подобную пропагандистскую уловку, разъяснив, что выбор заключается в другом: «Левые или правые... Народ или его противники: только Альенде является представителем левых сил».

Когда началась избирательная кампания, то мало кто предполагал, что она закончится образованием трех группировок.

Часто можно было услышать: «Христианская демократия и правые рано или поздно объединятся, если увидят, что Альенде сможет победить».

Однако даже при двух или трех кандидатах положение представлялось сложным для тех, кто был заинтересован в том, чтобы не допустить победы Народного единства.

Поэтому соглашение между двумя кандидатами, Алессандри и Томичем, в пользу одного из них или в пользу какого-либо третьего, могло быть достигнуто только ценой раскола Христианско-демократической партии. Так называемое «левое крыло христианских демократов», которое с энтузиазмом поддерживало Томича, и значительная часть его сторонников не проявляли ни малейшего желания согласиться на сговор с правыми.

С другой стороны, такое соглашение могло стать политическим «харакири» для ХДП, которая, напротив, поддерживав Радомира Томича, по крайней мере добилась бы сохранения целостности своих рядов в случае неблагоприятных результатов на выборах.

Сам Радомиро Томич и его сторонники также полагали, что в любом случае ХДП после выборов будет иметь двух потенциальных лидеров: Эдуардо Фрея и Томича. Фрей всегда будет подходящим человеком для будущего соглашения с правыми. Радомиро Томич — это человек, который годен для определенной политической игры: для сближения всей ХДП или одного ее крыла со всем Народным единством или с какой-либо его частью.

10. ЛАКОНИЧНЫЙ АЛЬЕНДЕ

В то время как звезда Хорхе Алессандри заметно тускнела на небосклоне избирательной кампании, а Радомиро Томич продолжал пребывать как бы между двух огней, занимая центристскую и двойственную позицию, авторитет Сальвадора Альенде как человека и политика постоянно повышался.

В январе 1970 года, вскоре после провозглашения его кандидатом в президенты, на встрече с руководителями левых сил, которые высказывали свои замечания по поводу объема и содержания его речей, Альенде пошутил:

— Если вы так хотите, то с этого момента я стану «лаконичным Альенде».

Не так просто было руководителям и сторонникам Народного единства привыкнуть к проведению кампании, в которой одновременно участвует шесть политических группировок Народного единства. Традиция указывала, что «без кандидата митинга не бывает». Однако теперь нужно было проводить сотни и тысячи митингов, встреч, уличных шествий и других манифестаций, на которых сам Альенде не мог присутствовать. Национальные, провинциальные и местные руководители Народного единства должны были сами решать, как провести эти манифестации.

Сальвадор Альенде делал все возможное, чтобы не оставлять без внимания небольшие поселки и отдаленные районы во время своих поездок по провинциям. Но еще большие усилия должен был делать кандидат левых для выступлений во время своих посещений тех районов, где шла социальная борьба, где народные массы подвергались репрессиям, где необходимо было остановить политическое наступление противника.

Так, например, Альенде посетил Пуэнте-Альто в конце июня, когда там проходили вышеописанные события. Выразил свое соболезнование родителям и друзьям студентов, пострадавших от репрессий христианско-демократического правительства. Через несколько дней он посетил родителей юноши Мигеля Анхеля Агильеры, смертельно раненного на площади Тропесон.

Посещения Альенде каждой провинции были связаны с будущим решением проблем и проведением преобразо-

ваний, обещанных Народным единством в каждой из этих провинций. На крайнем севере страны остро стояла проблема национализации компаний по добыче меди и селитры. В сельских провинциях центральной и южной части страны необходимо было приложить большие усилия для доведения до конца глубокой аграрной реформы. На крайнем юге провинций Чилоэ, Айзен и Магальянес кандидат левых сил должен был обратить внимание на необходимое экономическое развитие этого района, откуда более 300 тысяч чилийцев эмигрировало в соседнюю Аргентину из-за отсутствия работы.

Отвечая на требования и запросы народных масс, которые вели борьбу в процессе развития избирательной кампании, Сальвадор Альенде и Народное единство объявили всей стране о «Первых 40 мероприятиях народного правительства». «Мы сократим высокие оклады государственным служащим, покончим с разбазариванием государственных постов» — в этом заключалось первое обещание.

Большое впечатление произвело обещание, которое Народное единство включило в этот первый документ: выделять бесплатно ежедневно каждому чилийскому ребенку по пол-литра молока.

«40 мероприятий» намечали также разрешение проблемы безработицы, проблемы жителей поселков нищеты, нужд крестьян, мелких и средних торговцев и собственников, задавленных налогами. Намечались и такие мероприятия, как бесплатная медицинская помощь в больницах, упорядочение доходов трудящихся, а также создание министерства защиты семьи. Народное единство заявило о своем стремлении распустить ненавистную Подвижную группу карабинеров.

В такой политической обстановке по всему Чили было создано 14 800 комитетов Народного единства — КУП. Они состояли из трех, пяти, десяти или более чилийцев, партийных или беспартийных. КУП возникали на предприятиях, в поселках, в поместьях, в учреждениях, в университетах. Объединенные между собой через общинные, региональные и провинциальные руководящие органы, а через них связанные с национальным руководством Народного единства, КУП являли собой единую организацию, активно и повсеместно борющуюся за укрепление и расширение позиций левых сил.

Сальвадору Альенде принадлежит историческая заслуга в блестящем выполнении труднейшей задачи — стать во главе этого мощного и все растущего движения, имеющего свои особенности, присущие развитию Чили.

Если иногда и казалось, что Альенде не был тем человеком, который должен был возглавить борьбу Народного единства, то в течение всей кампании сохранялось чувство, что другой бы на его месте с трудом справился с этой задачей.

В начале мая, в самый разгар избирательной кампании, один известный журналист распустил слух о предстоящих неизбежных переменах на политической арене. Слух совпал с временным перерывом выступлений Сальвадора Альенде. Переболев тяжелой формой гриппа, Альенде по строгому предписанию врачей находился на больничном режиме у себя дома.

По слухам, он якобы перенес инфаркт миокарда. Такой поворот дел означал бы для него вынужденный отдых, по крайней мере в течение трех месяцев, и привел бы впоследствии к неизбежному отклонению его кандидатуры.

Руководство Народного единства заявило, что Альенде болен гриппом. Через шесть дней Альенде возобновил свои выступления, приняв участие в обширной телевизионной программе.

Как государственную тайну хранили тот факт, что Сальвадор Альенде почувствовал вдруг внезапное недомогание, когда он пешком шел по центру Сантьяго. Случайно в тот момент там проходил сенатор радикалов Уго Миранда, который отвел его в аптеку Бентхеродта, а затем в больницу Хосе Хоакина Агирре, где Альенде провел некоторое время.

После обследования было сделано успокаивающее заключение: следов инфаркта не обнаружено.

Когда Альенде находился в Сантьяго, то лидеры Народного единства руководили избирательной кампанией из дома Альенде, тесного и непригодного для такой работы. Телефонные звонки и посещения начинались с 8 часов утра, когда происходил прием политических деятелей и журналистов, постоянно осаждавших дом. Альенде проявлял глубокое понимание советов, предложений представителей левых сил, одновременно сохраняя за собой право решать определенные вопросы самому.

Кандидат Народного единства быстро схватывал суть новых явлений, которые возникали в ходе кампании.

Его речи отражали интересы трудящихся, молодежи и женщин, становившихся участниками нового движения. Альенде, обобщая их конкретные нужды, требования, запросы, показывал в своих речах, как Народное единство с помощью своих планов, намеченных в интересах всей страны и каждого чилийца, претворит их в жизнь.

Многopартийный характер Народного единства, широкое представительство, коллективное руководство, вместо того чтобы затмить фигуру Альенде, укрепляли его авторитет, авторитет знаменосца самого могучего, сплоченного и широкого политического движения в истории Чили.

Находясь всю жизнь в центре политической борьбы, Альенде в свои 62 года удивлял друзей неизменным хладнокровием, с каким он готов был выполнить задачу, возложенную на него историей, не стремясь быть выше и ни в коем случае не ниже, чем движение, которое выдвинуло его кандидатуру.

Беатрис — его дочь, врач по образованию, его верный друг и соратник, помогала ему находить дорогу к сердцам современной молодежи.

По сравнению с Алессандри, индивидуалистом и одиночкой, кандидат левых сил выглядел как зрелый политик, энергичный и жизнерадостный, наделенный чертами, диаметрально противоположными характеру и образу жизни правого кандидата.

11. ПЯТНИЦА, 4 СЕНТЯБРЯ

Наконец наступила пятница 4 сентября.

Алессандри завершил свою кампанию в воскресенье 30 августа митингом в районе станции Мапочо. До этого момента в митингах, организованных правыми, принимали участие почти исключительно сторонники Алессандри, завербованные среди средних слоев населения.

Но в это воскресенье на митинг пришла аристократия, проживающая в верхней части города, районах Витакура, Лас-Кондес, Америго Веспуччи, Провиденсия... Автомобили, оставленные вдоль проспекта Костанера и до улицы Торрес де Тахамар, занимали более двадцати кварталов. Олигархия понимала, что развертывается борьба

не на жизнь, а на смерть. Из дворцов и вилл в роскошных автомобилях съезжались родители, дети, внуки, бабушки и дедушки, а также, хотели они этого или нет, домашняя прислуга и садовники. Этот сплоченный социальный класс думал, что он еще может отстоять свои позиции, выкрикивая в честь Хорхе Алессандри: «Он вернется... с победой... с победой... вернется!..»

Митинг сторонников Алессандри, состоявшийся в полдень, был впечатляющим, а вечером в районе улиц Провиденсия, Апокиндо и других, которые ведут в аристократическую часть Сантьяго, прошел настоящий фестиваль. До ночи (и в течение следующих двух дней) курсировали сигналившие автомашины с веселыми и элегантными девушками. Одновременно юноши из аристократических семей группами по сто и более человек с палками в руках заставляли прохожих выкрикивать приветствия в адрес Алессандри.

Это было похоже на возникновение «белой гвардии».

На следующий день настала очередь Народного единства. Митинг был организован вечером, в понедельник 1 сентября на бульваре Бернардо О'Хиггинс, идущем от больницы Сан-Борха в западную часть города. Громкоговорители были слышны только до площади Бульнес, а пришедших на митинг было так много, что они заполнили все десять улиц до Центральной станции. Было сделано десять подмостков для ораторов. Нескончаемые колонны людей прибывали из разных уголков не только города, но и провинции, из районов и поселков, где жили трудящиеся. У всех было праздничное настроение. Несомненно, это был самый грандиозный митинг, проводившийся когда-либо в Чили.

Народное единство шло к финишу в течение последних недель упорной борьбы с лозунгом веры в победу: «Мы победим!» Этот лозунг был на каждой афише, в каждой листовке, на стенах домов и в песнях сторонников Альенде. Народное единство сделало свою пропаганду наступательной по характеру, чему в значительной степени способствовали бригады имени Рамоны Парра (БРП).

БРП, взявшие себе имя одной из руководительниц коммунистической молодежной организации, убитой во время кровавой расправы полиции на площади Бульнес в 1946 году, придали новый размах политической пропаганде на улицах.

50 таких бригад было создано Коммунистической молодежью по всей стране. В эти бригады вступали молодые рабочие, учащиеся и крестьяне. Они выполняли свои задачи и днем и ночью, несмотря на полицейские облавы...

Вскоре бригады уже имели своих последователей в остальных молодежных организациях Народного единства.

Закончил свою кампанию и Радомиро Томич.

Его руководство решило организовать заключительный митинг на том же самом месте, где проводило митинг Народное единство. Христианские демократы пытались показать избирателям различия, существующие между Альенде и Томичем.

Митинг был многолюдным, хотя и меньшим, чем митинг Народного единства. Тысячи транспарантов, знамен и флажков призваны были подчеркнуть масштабы митинга, на который прибывали также на специальных поездах участники из Вальпараисо и даже с юга страны.

Умелая пропаганда Томича смогла создать впечатление о грандиозном митинге. Народное единство считало, что на его митинге присутствовало 800 тысяч человек. ХДП настаивала на том, что ей удалось собрать на свой митинг миллион. Поэтому впечатление от большого митинга в поддержку Хорхе Алессандри было поколеблено, и снова у части избирателей возникло сомнение: за кого же голосовать, чтобы преградить путь Альенде?

Утро 4 сентября в Сантьяго было облачным, однако через несколько часов небо очистилось. В Арике, Икике, Антофагасте и других городах Севера солнце с раннего утра предвещало жаркий день. И наоборот, в провинциях Мальеко и Каутин моросил дождь. Над Чилоэ бушевал ливень. На базах чилийской Антарктики осадков не было, а на острове Пасхи островитяне и гости с материка шли голосовать под лучами сверкающего солнца.

3 539 747 чилийцев обоого пола старше двадцати одного года, умевшие читать и писать; впервые голосовали слепые по так называемой системе Брайля. Эти чилийцы, включенные в списки избирателей, и должны были решать судьбу Чили. 1 392 830 из них голосовали в провинции Сантьяго. Каждый избиратель должен был голосовать в своем избирательном участке, которых насчитывалось в стране 14 490. Там им вручали карандаш, чтобы они отметили своего кандидата, поставив крестик на

бланке единого формата, на котором имя каждого из трех претендентов стояло перед жирной чертой после соответствующего номера: «1» для Томича, «2» для Алессандри и «3» для Альенде.

Участки открывались с 8 часов утра.

Простота подсчета, так как фигурировало только три фамилии, позволила ожидать первых результатов к 17.00.

В этот день все три кандидата находились в Сантьяго. Алессандри и Томич голосовали в первом избирательном участке, размещавшемся на станции Мапачо. Альенде рано утром явился в 14-й комиссариат карабинеров, на участке которого он жил, чтобы заявить о невозможности выехать в Пунта-Аренас, в южную провинцию Магальянес, где он был прописан. Затем он сопровождал свою жену Ортенсию Бусси до избирательного участка, расположенного в здании лицея № 7 для девочек.

Хорхе Алессандри находился в своей резиденции на Пласа де Армас, окруженный своими родственниками и самыми близкими сотрудниками. Один из них, бывший генеральный секретарь его прежнего правительства Патрисио Сильва Кларес посоветовал Алессандри подготовить речь, чтобы выступить с ней по случаю празднования его победы этим вечером. Алессандри, который нередко выражал сомнения по поводу возможности своей победы, не поддержал этого оптимизма. «Не произошло бы с нами того же, что с Густаво Россом», — пояснил он, вспомнив самоуверенного кандидата правых, который потерпел поражение от Народного фронта в 1938 году.

День прошел нормально, и после пяти часов вечера, когда начался подсчет голосов, страна пережила очень напряженный момент ожидания.

Собравшись у радиоприемников и телевизоров, чилийцы узнавали неофициальные данные, по которым выходило, что Альенде и Алессандри, не отставая друг от друга, оспаривали первое место.

В помещении Социалистической партии по улице Сан-Мартин находились руководители Народного единства. Сенатор Рафаэль Таруд, председатель комиссии по проведению кампании Народного единства, объявил в 20.30 победу Альенде. Руководство приняло решение о проведении праздничного митинга в 22 часа на площади Виллунья Макенна. Однако руководители левых высказывались пока еще осторожно.

В это же самое время сторонники Алессандри считали, что победа за ними.

В 21.00, согласно третьему официальному сообщению министерства внутренних дел, Альенде получил 626 937 голосов, Алессандри — 604 380 голосов и Томич — 456 232 голоса.

Однако сторонники Алессандри, выступая по радио и телевидению, говорили, что незначительная разница в голосах произошла по вине тех избирательных участков, где голосовали исключительно женщины, будто бы там еще не подсчитали бюллетени из-за медлительности, с какой избирательницы и уполномоченные женщины выполняли свои обязанности.

В центре Сантьяго начались стихийные шествия молодежи Народного единства, несмотря на строжайший запрет коменданта города генерала Камило Валенсуэлы. В 21.30 Единый профсоюзный центр трудящихся признал победу Альенде и призвал население требовать уважения народной воли.

Когда до 22 часов оставалось несколько минут, Радомиро Томич, выступая с балкона помещения ХДП, признал, что он занял третье место. Группы христианско-демократической молодежи после этого сообщения направились к помещению Народного единства на улицу Сан-Мартин, дружно скандируя: «Томич presente, Альенде — presidente»¹.

Молодежь, сторонники Альенде и Томича, дружески обнимались. «Мы принадлежим к левым, — заявил руководитель молодежи христианских демократов, — но так как наш кандидат потерпел поражение, мы теперь будем с Альенде. Насмерть будем бороться с любой попыткой правых преградить народу путь».

А после десяти часов вечера на улицах появились танки.

Скрежеща гусеницами по мостовой, они расположились вокруг президентского дворца «Ла Монеда».

Ожидание результатов выбора было драматичным. Цифры, полученные руководством Народного единства, показывали победу его кандидата над другими претендентами с превышением в 30 тысяч голосов. Однако задержка с официальным сообщением итогов голосования наво-

---

¹ Томич присутствует, Альенде — президент. — *Прим. перев.*

дила на мысль о возможной попытке противников не признавать эту победу. Танки на улице могли стать прелюдией вспышки мятежа.

Ночью, без пяти минут двенадцать, генерал Камило Валенсуэла сообщил Сальвадору Альенде от имени министерства внутренних дел и вооруженных сил, что, согласно официальному подсчету бюллетеней, относительное большинство избирателей проголосовало за Альенде. Митинг по этому поводу разрешалось провести в 0 часов 30 минут.

Десять минут спустя министр внутренних дел Патрицио Рохас мрачно подтвердил это сообщение военного коменданта делегации Национального руководства Народного единства, в которую входили сенаторы Карлос Альтамирано и Володя Тейтельбойм, председатель палаты депутатов Хорхе Ибаньес, руководитель МАПУ Жак Чончоль и депутат-коммунист Орландо Мильас.

По всем каналам радио и телевидения сообщение было доведено до всего населения страны.

С этого момента в истории Чили начался новый этап.

До этого сообщения Сантьяго и вся страна были спокойны, только небольшие группы манифестантов находились в центре города. Однако после передачи сообщения по радио и телевидению как будто произошел взрыв — Чили внезапно пробудилось. Сотни и сотни тысяч чилийцев, ожидавших этого сообщения в своих домах, в помещениях профсоюзов и студенческих организаций, в помещениях Народного единства, вышли на улицы. Человеческая лавина хлынула к центру города. Автобусы, грузовики, такси, велосипеды и даже ручные тележки нескончаемым потоком везли ликующих людей к центру.

Люди впервые за последние 20 лет праздновали традиционный праздник весны.

Когда в штабе руководства Народного единства раздался телефонный звонок и министр канцелярии Совета Министров Кубы Селиа Санчес от имени Фиделя Кастро и других кубинских руководителей из Гаваны передала поздравления победившему кандидату, Альенде в это время начал свою волнующую речь с балкона здания Федерации студентов Чили:

— Я всего лишь человек, как и все, с присущими мне слабостями и недостатками, мне приходилось в прошлом

терпеть поражения; сегодня я воспринимаю победу с полным сознанием значения, победу, которая не является моей личной победой. Она достигнута усилиями радикалов, социалистов, коммунистов, социал-демократов, членов АПИ и МАПУ и тысяч беспартийных, она одержана народом, который вместе со мной 4 ноября войдет в президентский дворец «Ла Монета».

Я буду уважать права всех чилийцев, но заявляю также, что мы выполним исторические обязательства, которые взяли на себя и которые содержатся в нашей программе.

У нас нет намерений каким-либо образом мстить, но мы и не намерены никоим образом обходить положения программы Народного единства.

Победа была тяжелой, но еще труднее будет закрепление достигнутого успеха и построение нового общества.

Намерен всегда быть для всех вас «товарищем президентом».

Чили намечает дорогу, по которой смогут идти другие народы Латинской Америки и мира, любая страна согласно своей собственной истории и существующим условиям.

Мы желаем наилучших отношений со всеми странами мира. Мы хотим только, чтобы они уважали — они должны уважать — право чилийского народа, который сегодня выбрал правительство, которое хотел.

Если народ оказался способным добиться такой победы, то он сможет понять, что, только работая и создавая материальные блага, мы сможем добиться выполнения того, что мы обещали женщинам, детям, трудящимся чилийцам, которые сегодня поддержали нас.

Революция ставит своей целью не разрушать, а строить. Она стремится не уничтожать, а стремится создавать, и народ готов к выполнению этой задачи.

Тот факт, что мы победили, не означает, что мы должны потерять бдительность. Все вы разойдитесь по домам, проявляя при этом бдительность и не поддаваясь на провокации.

Хочу подчеркнуть, что наши противники — христианские демократы открыто признали эту народную победу.

Трудящиеся страны! Вы, и только вы, являетесь победителями.

Эта победа найдет признание и за рубежами нашей родины.

Эту победу мы посвящаем тем, кто пал в борьбе и пролил свою кровь за дело нашей революции.

Следует сказать о том, что правительство точно сообщило цифры и данные о результатах голосования и о том, что комендант генерал Камило Валенсуэла дал разрешение провести этот торжественный митинг.

На вашу преданность я отвечу преданностью вашего товарища президента.

Альенде закончил свое выступление в 1.55 ночи в субботу 5 сентября 1970 года.

Сотни тысяч чилийцев в Сантьяго и других городах разошлись по домам.

В эту ночь население проявило дисциплинированность и выдержку.

12. В ТЕ ЖЕ ДНИ

С 4 сентября в Чили начались самые долгие в этом столетии 60 дней.

Народное единство добилось победы на выборах. Но с этого момента и до того времени, когда было признано его право на формирование правительства, надо было преодолеть немало препятствий, и главным из них было пленарное заседание Национального конгресса.

Это происходило потому, что речь шла не об обычных результатах выборов. Победила широкая революционная коалиция, в которую входили марксистские организации, и задачей их было — коренным образом изменить экономическое и социальное положение страны.

Победа Альенде меняла политическую карту Латинской Америки.

Окончательный результат голосования, подведенный позже счетной комиссией, давал Сальвадору Альенде преимущество в 39 175 голосов перед Хорхе Алессандри. Голоса распределялись следующим образом:

Альенде	1 070 334
Алессандри	1 031 159
Томич	821 801

Сальвадор Альенде получил значительное большинство голосов в провинциях с большой концентрацией про-

летариата, таких, как Тарапака и Антофагаста, Консепсьон и Арауко. То же произошло в горняцко-сельскохозяйственных провинциях Кокимбои О'Хиггинс, в сельскохозяйственных провинциях Курико и Талка и в южной провинции Магальянес. Выборы показали также усиление влияния левых сил среди женщин. Превосходство в голосах, полученное Алессандри в Сантьяго, было слишком незначительным по сравнению с тем, какое правые ожидали получить.

В результате выборов Альенде получил 36,3 процента голосов избирателей. Но после этого перед чилийцами снова встала проблема выбора: выступить за то, чтобы Альенде занял пост президента республики, или стать на сторону тех, кто пытался избежать этого любой ценой.

Большинство томичистов встретили победу левых с симпатией и высказались за то, чтобы победитель стал президентом.

На следующее после выборов утро Томич навестил Альенде у него в доме, чтобы поздравить его с победой, называя его при этом «избранным президентом».

Только правое крыло ХДП, возглавляемое президентом Фреем, до самого последнего момента отказывалось признать победу Народного единства.

В то же самое время среди избирателей, выходцев из бедных и средних слоев населения, голосовавших за Алессандри, росло убеждение в необходимости признания победы Альенде. В их среде можно было часто услышать такие фразы: «Хорошо, ну уж раз победил сеньор Альенде, теперь надо дать ему возможность приступить к исполнению своих обязанностей, чтобы увидеть, как он с ними справляется...»

Но закостенелая олигархия не хотела отказываться от власти без сопротивления и начала осуществлять саботаж, который получил немедленную поддержку со стороны правительства Фрея. Крупные предприниматели увольняли рабочих, прекращали закупки, останавливали предприятия, мешали сбыту сырья, прекратили продажу в кредит, а контролируемые ими банки перестали предоставлять кредиты. Их печать и другие средства информации пытались разжечь новую «кампанию террора», предвещающую новые лишения, всеобщую нищету и голод. Эта кампания имела своей целью объединить против Альенде и Народного единства всех «демократов» — особенно пра-

вых и демохристиан — во имя спасения Чили от «коммунистической тирании».

Спустя несколько дней последовали взрывы бомб, волна терроризма завершилась убийством генерала Шнейдера. Именно в это время начались открытые выступления только что созданного движения «Родина и свобода» профашистского толка, которым руководил адвокат сомнительного происхождения Пабло Родригес Грес.

Эврике Ортусар Эскобар, бывший министр правительства Хорхе Алессандри, передал в воскресенье 6 сентября первое официальное заявление сторонников потерпевшего поражение кандидата, согласно которому политические лидеры правых отказывались признать победу Альенде.

В среду 9 сентября Хорхе Алессандри, еще не опомнившись от поражения и забыв свои прежние заявления относительно необходимости признания победы того кандидата, который получит относительное большинство голосов, в кратком заявлении сказал:

«В случае моего избрания президентом на пленарном заседании конгресса я мог бы отказаться от поста президента, что привело бы к новым выборам. Предупреждаю заранее в категорической форме, что в них я бы ни за что не принял участия.

Я снова выражаю свою самую глубокую признательность всем тем, кто голосовал за меня, и снова прошу бога защитить Чили».

Предложение Алессандри было обсуждено на поспешно организованных встречах с политическими лидерами правых и членами правого крыла христианских демократов, возглавляемого президентом Фреем. Было даже объявлено, что на одну из этих встреч прибудет президент республики, но вместо него прибыл его бывший министр Эдмундо Перес Сухович. Хорхе Алессандри на этой встрече представлял его шурин Артуро Матте Ларраин. Перес Сухович заверил собравшихся, что заявления Алессандри вполне достаточно для того, чтобы ХДП проголосовала за него на пленарной сессии конгресса; распределение мест в парламенте таково, что оно обеспечит ему победу.

200 членов парламента распределялись так:

Народное единство — 90;

Христианская демократия — 75;

Правые (Национальная партия, радикалы, демократы) — 45.

Цель этого маневра, придуманного в самый последний момент, состояла в проведении так называемых «вторичных выборов».

Согласно этому плану, христианские демократы проголосуют на сессии конгресса за Алессандри, а последний, став президентом, немедленно подаст в отставку. Это в свою очередь позволило бы провести новые выборы, на которых Эдуардо Фрей был бы выдвинут единым кандидатом правых сил и ХДП. И... все проблемы были бы решены.

Однако Народное единство сказало: «Баста!»

Комитеты Народного единства, профсоюзы, домовые комитеты, студенческие федерации, Единый профсоюзный центр трудящихся провели тысячи собраний, на которых были приняты резолюции защиты победы Альенде.

Во всех провинциях проводились многотысячные митинги. В воскресенье 13 сентября жители Сантьяго собрались на Аламеде, где Альенде, выступивший с речью, заявил:

«Народ знает теперь, как защитить свою победу. Народ должен верить руководителям Народного единства и руководителям Единого профсоюзного центра трудящихся, народ также должен верить тому, кто ему об этом говорит. Может настать такой момент, когда наши слова и наши голоса станут призывом, переданным по радио или через комитеты Народного единства, этот призыв услышат все — от Арики до Магальянеса, от гор до моря. Пусть они знают, что если они совершат безумный поступок — создадут неприемлемую для нас обстановку, то поднимется вся страна, останутся фабрики и заводы, мастерские, школы, больницы, забастуют крестьяне, это будет первое проявление нашей силы. Пусть знают, что рабочие займут предприятия, а крестьяне — поместья. Пусть знают, что служащие останутся на своих местах в ожидании призыва Народного единства. Пусть они хорошо поймут, что у нас есть чувство ответственности, но мы знаем также ту силу, которой обладает дисциплинированный, организованный народ».

В то время как Народное единство и КУТ накапливали силы и готовились к тому, чтобы поднять массы на открытую борьбу в случае возникновения кризиса, член «Революционного движения левых» Виктор Торо предпринял ряд безрассудных действий. Во главе своего карикатурного отряда «милиции», состоящего из сотни моло-

дых парней, вооруженных палками и камнями, которые отступили бы в беспорядке при первом же столкновении с полицией, Торо совершил в эти напряженные дни следующее: надругался над памятником генералу Бакедано, национальному герою, увешав его плакатами и званиями с целью организации митинга, что вызвало официальный протест главнокомандующих трех родов войск вооруженных сил; захватил центральное здание Чилийского университета; забросал камнями участников митинга, проводившегося в память Че Гевары в Сан-Мигеле, из-за того, что на этом митинге не позволили выступить лидеру МИР.

Каждый из этих актов Торо широко освещался печатью и по радио, контролируемых теми, кто искал любой повод, чтобы спровоцировать мятеж и государственный переворот. Национальное руководство Народного единства было вынуждено заявить по поводу подобных действий Торо, что «Народное единство осуждает их и не несет за них ответственность, так как подобные действия противоречат его идеям и позициям».

В этой напряженной обстановке, когда бомбы, подкладываемые правыми, сотрясали город каждую ночь, начались переговоры между Народным единством и христианскими демократами по поводу предстоящего заседания конгресса, который 24 октября должен был высказаться либо за Альенде, либо за Алессандри.

Потерпев поражение на выборах, руководители ХДП намеревались занять место арбитра и проявить таким образом свою силу.

Руководство Христианско-демократической партии заявило о своем намерении поддержать Альенде на пленарной сессии конгресса с условием предварительного одобрения поправки к политической конституции государства, которая установила бы «статус конституционных гарантий», обеспечивающих «сохранение демократического режима».

Комиссия, в состав которой вошли представители различных секторов Христианско-демократической партии, выработала документ, предназначенный Сальвадору Альенде, с «требованиями» христианских демократов.

23 сентября председатель ХДП сенатор Бенхамин Прадо и члены комиссии вручили этот документ Сальвадору Альенде. Последовавшая затем беседа длилась три часа.

Гости были удивлены, узнав, что Альенде заранее знал содержание этого совершенно секретного документа.

Альенде вел себя уверенно. Он потребовал, чтобы та часть документа, которая содержала открытые нападки на одного из руководителей коммунистов и чрезмерные условия, была вычеркнута. Он решительно заявил руководителям демохристиан: «Если вы не согласны, тогда голосуйте за Алессандри...»

Сенатор Патрисио Айлвин, привыкший к постоянной нерешительности своего друга Фрея, прощаясь, заявил: «Сальвадор, я убедился, что у тебя характер настоящего президента».

Предложения Христианско-демократической партии были направлены на расширение ряда демократических гарантий, содержащихся в конституции, и в то же самое время на ограничение полномочий нового правительства, например в вопросе назначения высших военачальников.

Демохристианские руководители следующим образом формулировали свои основные идеи: «Мы заинтересованы в поддержке политического плюрализма и конституционных гарантий», «полном соблюдении законов страны», заинтересованы в том, «чтобы вооруженные силы и корпус карабинеров продолжали служить гарантией нашего демократического сосуществования», «чтобы образование оставалось независимым от влияния любой официальной идеологии и уважалась автономия университетов», чтобы уважалось «свободное создание профсоюзов и других общественных организаций».

Через неделю в одном из залов сената Сальвадор Альенде вручил председателю ХДП Бенхамину Прадо свой ответ, одобренный Народным единством. В нем выражалось согласие по всем пунктам о гарантиях, выдвинутых христианской демократией, тем более что именно за эти гарантии левые силы начали бороться много лет назад.

Среди требований, которые Альенде категорически отклонил, было требование, цель которого — ограничить нового президента как генералиссимуса вооруженных сил, а также его полномочия в вопросах назначения военачальников. «По этому поводу я должен заявить, — отметил он, — что я являюсь непоколебимым защитником прерогатив главы государства. Я подтверждаю как президент, что даже Народное единство не будет иметь права вмешиваться в назначения высших военачальников, так

как это является правом президента республики, и я буду ревностным хранителем моих конституционных прав».

И хотя поначалу ХДП расценила ответ Альенде как «обескураживающий», 2 октября Христианско-демократическая партия и Народное единство наконец согласились создать совместную комиссию для составления проекта конституционной реформы, которая включала бы согласованные пункты.

В субботу 3 октября чрезвычайная хунта ХДП на чрезвычайном заседании постановила 271 голосом против 191 продолжать переговоры с Народным единством, чтобы затем голосовать за Альенде на пленарной сессии конгресса. Радомиро Томич, Бенхамин Прадо, министр иностранных дел Габриэль Вальдес, сенатор Ренан Фуэнтальба, депутаты Бернардо Лейгтон и Луис Майра председатель организации Демохристианская молодежь Луис Бадилья проголосовали в составе большинства.

Потерпевшая поражение группа сторонников Фрея предлагала через сенаторов Патрисио Айлвина и Хуана де Дьос Кармону прервать переговоры с Народным единством и прямо направить в парламент проект «статуса конституционных гарантий». Группа предлагала снова созвать заседание хунты и за эти три дня — до пленарной сессии конгресса — принять окончательное решение.

Предложение сторонников Фрея было направлено на то, чтобы «отдалить» ХДП от Народного единства в качестве первого шага, а затем принять решение на новом заседании хунты о поддержке Хорхе Алессандри на сессии конгресса, который затем выполнит свое обещание, и, таким образом, можно будет ожидать новых выборов.

«Голосовать за Алессандри означает еще раз повторить убийство Эрнана Мэри», — заявил депутат Луис Майра.

7 октября была создана совместная комиссия христианских демократов и Народного единства, а на следующий день в рекордно короткий срок она уже закончила свою работу, одобрив проект конституционных реформ, который немедленно должен быть передан в парламент.

15 октября палата депутатов одобрила все статьи проекта.

Убедившись в провале этого маневра, 19 октября Хорхе Алессандри выступил с просьбой к своим сторонникам не голосовать за него на пленарной сессии конгресса.

На следующий день ХДП дала указание своим 75 парламентариям голосовать за Альенде.

21 октября Сальвадор Альенде посетил Хорхе Алесандри, поблагодарил его и беседовал с ним в течение 50 минут.

Уже, казалось, были преодолены все политические и юридические препятствия на пути Сальвадора Альенде к посту президента республики, когда было совершено мерзкое покушение на жизнь командующего чилийской армией.

Пока генерал Шнейдер находился между жизнью и смертью, в субботу 24 октября 1970 года в 10.30 началась пленарная сессия конгресса, которая должна была утвердить избрание нового президента республики. По окончании голосования были оглашены следующие результаты: 153 бюллетеня подано за Альенде, 35— за Алесандри и 7— пустых...

Генерал умер на следующий день в военном госпитале в 7.25 утра, и незамедлительно начали распространяться слухи. По этим слухам, смерть наступила сутки назад, но была скрыта от страны, чтобы не накалять обстановку до созыва пленарной сессии конгресса.

Однако протокол вскрытия Шнейдера, сделанного утром в воскресенье 25 октября, решительно опроверг эти слухи. В протоколе было зафиксировано четыре хирургических разреза, сделанных в надежде спасти ему жизнь, один из которых свидетельствовал о намерении сделать массаж сердца, и четыре огнестрельные раны: 1) рана в 7 см на правом плече; 2) рана на правой руке, между средним и безымянным пальцами; 3) рана, размером 23 на 21 мм, вызвавшая смерть, расположенная на правой стороне спины; 4) овальная рана 10—12 мм в левой части спины в области позвоночника. Пуля, вызвавшая смерть, прошла сквозь брюшину и образовала отверстие в 5 см в верхней правой доле печени, что привело к летальному исходу.

Во главе похоронной процессии шли два президента: президент республики Эдуардо Фрей Монтальва и вновь избранный президент Сальвадор Альенде Госсенс.

Со всех сторон земного шара в Чили прибыли делегации на церемонию передачи президентской власти, чем и должен был начаться «чилийский эксперимент».

Прибыли представители всех тех стран, с которыми

Чили поддерживает дипломатические отношения. Прибыли из многих стран представители от народных организаций, деятели искусства и культуры. Куба, ДРВ, ГДР, КНДР, КНР — страны, с которыми Чили тогда не имело официальных отношений, — были представлены делегациями на правительственном уровне, прибывшими по особому приглашению вновь избранного президента.

Ричард Никсон «забыл» направить Сальвадору Альенде традиционное поздравление, однако послал в качестве представителя своей страны помощника государственного секретаря по латиноамериканским делам Чарльза Мейера.

Во вторник 3 ноября в 11 часов 12 минут Сальвадор Альенде принес присягу в качестве президента республики и в Салоне почета Национального конгресса надел трехцветную президентскую ленту. Его предшественник Эдуардо Фрей прибыл на церемонию передачи власти во фраке и в карете. Альенде приехал в обычном темном костюме и на автомобиле.

Во время празднеств, которые продолжались несколько дней, состоялся массовый митинг на Национальном стадионе, на котором Альенде произнес свою первую в качестве главы государства речь, а также военный парад в парке Коусиньо.

Напряженность последних дней и недель спала в этот день, 3 ноября. Многие сотни тысяч чилийцев направлялись на Аламеду, чтобы принять участие в народных гуляньях.

Той ночью мы танцевали на улицах до рассвета.

**ЭДУАРДО ЛАБАРКА ГОДДАРД
ЧИЛИ, РАСКАЛЕННОЕ ДОКРАСНА**

Редактор *З. В. Голубева*. Художник *А. Д. Смеляков*

Художественный редактор *Л. Ф. Шканов*

Технический редактор *Л. Жарова*

Корректор *Е. Понкратова*

Сдано в производство 5.IV 1972 г. Подписано к печати 29.XII 1972 г.

Бумага 84×108¹/₃₂, бум. л. 4¹/₄, печ. л. 14,28, уч.-изд. л. 14,27

Изд. № 1430. Цена 78 коп. Зак. 1965

Издательство «Прогресс»

Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 5 «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21.

